ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

46
2026
ЧАСТЬ IX

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 46 (649) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© Оформление. ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Андрей Александрович Чернов* (1966–2017) — советский и российский программист, автор кодировки KOI8-R, один из создателей Рунета и первый российский участник административного совета проекта FreeBSD.

Андрей Чернов родился в Москве. Его детство и юность пришлись на эпоху, когда доступ к западным компьютерным технологиям в СССР был ограничен, а отечественная вычислительная техника развивалась в значительной мере путем адаптации зарубежных разработок.

После окончания средней школы Чернов поступил на факультет вычислительной математики и кибернетики Московского государственного университета. Уже будучи студентом третьего курса, в 1987 году он принял участие в семинаре по разработке операционных систем Unix, которым руководил профессор В. Г. Сухомлин. Практика проходила на операционной системе ДЕМОС — советском клоне Unix V7, адаптированном для отечественной техники. В 1990 году Чернов окончил университет, защитив диплом с отличной оценкой; его работа была посвящена развитию операционных систем класса Unix.

Еще в 1980-е годы, совмещая учебу с работой, Чернов вошел в коллектив разработчиков советских операционных систем МНОС и ДЕМОС на кафедре прикладной кибернетики Института повышения квалификации Минавтопрома. В его задачи входила реализация механизма оверлеев для управления памятью, русификация системы и отладка ядра и утилит. В 1988 году на Всесоюзной конференции по переносимому программному обеспечению в Калинине (нынешней Твери) он представил собственный многооконный текстовый редактор LE. В 1990 году Чернов участвовал в первой Всесоюзной конференции пользователей Unix.

В начале 1990-х годов он присоединился к команде разработки сети Релком, соединившей советские научные организации с глобальной сетью, а затем работал в компании «Демос» — первом российском интернет-провайдере. Чернов непосредственно участвовал в запуске и наладке первого интернет-канала между Россией и западными странами. В сетевых проектах он использовал никнейм ache.

Главным техническим достижением Чернова стала кодировка KOI8-R — 8-битная таблица символов, обеспечивающая поддержку русского алфавита при сохранении совместимости с ASCII в младшей части кодовой таблицы. В июле 1993 года она была зарегистрирована в Инженерном совете Интернета (IETF). На протяжении 1990-х годов KOI8-R фактически стал стандартом для обмена кириллической информацией в Unix-системах, электронной почте, группах новостей и ранней русскоязычной сети.

В 1991–2001 годах Чернов разрабатывал и поддерживал почтовую программу UUPC/@, позволившую подключить к сети Релком большое число пользователей со слабыми ПК под управлением MS-DOS и OS/2. В 1994 году написал перекодировщик TODOS для преобразования текстов из кодировки CP866 в KOI8-R. В 1993–2000 годах Чернов входил в административный совет, определявший развитие операционной системы FreeBSD, и был первым российским участником этого совета. Его вклад в проект охватывал драйверы устройств, соответствие стандарту POSIX, безопасность и русификацию.

Никнейм ache Чернов использовал во всех сетевых проектах; под этим псевдонимом он был известен и в контркультурной среде 1990-х годов.

Помимо программирования, он занимался литературным переводом с английского: в 2005–2016 годах публиковал переводы на личном сайте Vniz.net и в печатных изданиях («Колонна», «Митин журнал»).

В 2002 году служба гражданства и иммиграции США запретила Чернову въезд в страну, из-за чего он не смог посещать американские конференции разработчиков FreeBSD; к началу 2000-х он свел участие в совете проекта к минимуму, называя его «слишком забюрократизированной структурой».

Личный сайт Vniz.net Чернов использовал как цифровой архив редких материалов: графики художников рубежа XIX–XX веков (Н. Калмаков, Л. Уэйн, Ф. фон Байрос), аниме и оккультных текстов. В декабре 2018 года, через год после смерти Андрея Александровича, домен прекратил работу, так как пароль от сервера был известен только самому Чернову; архив был восстановлен энтузиастами по материалам Wayback Machine на зеркале zachem.ne.jp.

В последние годы Чернов тяжело болел: выраженный остеопороз осложнился переломом ноги и практически лишил его возможности покидать дом. Андрей Александрович Чернов скончался 16 августа 2017 года в Москве на 51-м году жизни; церемония прощания прошла в подмосковном Николо-Архангельском крематории.

Память об Андрее Александровиче Чернове сохраняется в самой инфраструктуре Рунета и открытого программного обеспечения: сообщество FreeBSD увековечило его имя в разделе In Memoriam, отметив влияние, затронувшее практически все аспекты проекта. Коллеги называли его одним из отцов-основателей Рунета — человеком, благодаря которому русская кириллица впервые свободно зазвучала в глобальной сети.

Информацию подготовила ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Матросов Р. А.
Адвокат как субъект доказывания в уголовном процессе 587

Мещеряков О. О.
Ответственность изготовителя перед потребителем 588

Митюшева О. С.
Процессуальные особенности медиации в гражданском, арбитражном и административном процессе 591

Можаева Д. А.
Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов: актуальные вопросы правоприменения 598

Моисеева Н. И.
Цифровая трансформация отбора кандидатов на должность судьи: перспективы и риски для квалификационных коллегий судей 601

Молчанова В. Н.
Налоговая реформа 2026 года: системные изменения налогового регулирования и их влияние на экономическое развитие 604

Морозов Н. А.
Правовое регулирование договора банковского счета 608

Морозова Л. В.
Налоговые льготы, специальные налоговые режимы, механизмы налогового контроля в Российской Федерации 611

Муратова А. В.
Порядок рассмотрения заявления о признании и исполнении решения иностранного третейского суда (арбитража): практические аспекты 615

Навроцкая А. В.
Парадокс целеполагания в административном судопроизводстве Российской Федерации: доктринальный и статистический анализ 618

Навроцкая А. В.
Актуальные проблемы разграничения компетенции между Кодексом административного судопроизводства РФ и Гражданским процессуальным кодексом РФ в судебной практике 620

Назаралиева С. Ф.
Общежития: правовой статус и защита прав проживающих 622

Низовец Ю. Н.
Участие адвоката в уголовном процессе Китая и Российской Федерации 626

Одрова Д. М.
Соотношение трудового договора с договорами гражданско-правового характера на примере договоров подряда и возмездного оказания услуг 628

Олейник И. А.
Проблемные вопросы взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и органов предварительного расследования при расследовании преступлений, связанных с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности в местах лишения свободы 630

Орлова А. М.
Направления совершенствования действующего законодательства об административной ответственности в области промышленности, строительства, энергетики 634

Парамонова С. С.
Правовое регулирование договоров в электронной коммерции: проблемы и перспективы совершенствования 636

Печеревина Е. А.
Генезис и эволюция правового регулирования договора поставки в российском гражданском праве: от дореволюционных кодификаций до современности 638

Пивоваров К. М., Махмудов М. К.
Пределы применения искусственного интеллекта при осуществлении прокурорского надзора: достоверность результатов и ответственность за принимаемые решения 640

Потемкина Е. С.
Психологическая служба уголовно-исполнительной системы, ее состояние и перспективы развития 645

Пресняков С. А.
Нарушение принципа состязательности в гражданском судопроизводстве: анализ правовых позиций Верховного Суда РФ..... 646

Пресняков С. А.
Конституционные основы принципа состязательности в гражданском процессе Российской Федерации 649

Пушняков Д. В.
Об ответственности публично-правовых образований как контролирующих лиц 652

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Адвокат как субъект доказывания в уголовном процессе

Матросов Роман Александрович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В работе анализируется процессуальный статус адвоката-защитника в качестве самостоятельного субъекта доказывания по уголовным делам. Исследуются дискуссионные вопросы нормативного закрепления полномочий защитника согласно части 3 статьи 86 УПК РФ, а также специфика придания собранным им материалам статуса полноценных доказательств. Автор рассматривает существующие барьеры в практической деятельности адвоката (опрос граждан, адвокатский запрос, привлечение специалистов) и предлагает комплекс мер по совершенствованию законодательства в целях укрепления принципа состязательности.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, доказывание, адвокат-защитник, собирание доказательств, состязательность сторон, адвокатский запрос, опрос.*

Конституционные принципы состязательности и равноправия сторон (ст. 123 Конституции РФ, ст. 15 УПК РФ) предопределили перестройку отечественного уголовного процесса [1, с. 14; 2, с. 85].

Отказ от обвинительного уклона потребовал предоставления стороне защиты эффективных инструментов отстаивания интересов доверителя. Ключевую роль в данном процессе играет адвокат-защитник, обеспечивающий квалифицированную юридическую помощь.

Тем не менее, анализ правоприменительной практики и положений Федерального закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» показывает сохранение дисбаланса между властными участниками расследования и защитой [3, с. 4]. Практическая реализация положений о доказывании наталкивается на процессуальные барьеры, снижающие реальную состязательность.

В уголовно-процессуальной науке доказывание трактуется как регламентированная законом деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств [5, с. 112]. Согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ, формирование доказательственной базы возложено на дознавателя, следователя, прокурора и суд. В то же время ч. 3 ст. 86 УПК РФ наделяет защитника правом собирать доказательства путем получения предметов и документов, опроса лиц с их согласия и истребования справок [2, с. 92].

В доктрине сформировались две концепции относительно данного статуса. Часть исследователей (С. А. Шейфер, В. А. Лазарева) рассматривают собранные адвокатом сведения как «доказательственное сырье», требующее обязательной легализации следователем [11, с. 48; 7, с. 64]. Другие авторы (П. А. Лупинская, А. В. Смирнов) обосновывают самостоятельный характер адвокатского доказывания [8, с. 215; 10, с. 178]. Полагаем, что защитник выступает полноценным субъектом доказывания, специфика деятельности которого заключается в особом внесении и приобщении материалов к делу.

Рассмотрим ключевые трудности применения норм ст. 86 УПК РФ на практике в таблице 1.

Детализируя указанные проблемы, отметим, что опрос граждан адвокатом нередко расценивается правоохранительными органами субъективно, поскольку ст. 74 УПК РФ не относит адвокатские объяснения к числу доказательств [10, с. 41]. Тем не менее, Конституционный Суд РФ указывает на необходимость оценки таких материалов судами [4, с. 6]. Гарантией выступает ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ, запрещающая отказывать в приобщении относимых заключений специалистов [11, с. 77].

Для устранения обвинительного уклона предлагается:

1. Законодательно закрепить статус «Протокола опроса» и «Акта получения документов» в качестве иных документов (ст. 84 УПК РФ).
2. Сократить сроки ответов на адвокатский запрос по уголовным делам до 5–10 суток.
3. Ввести упрощенный судебный порядок обжалования отказов в приобщении доказательств защиты в рамках ст. 125 УПК РФ.

Таблица 1

Полномочие (норма права)	Форма фиксации	Проблемы реализации
Получение предметов и документов (п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ)	Акт приема-передачи; ходатайство о приобщении	Отказы следователей мотивируются неустановленным источником происхождения объектов [6, с. 52]
Опрос лиц с их согласия (п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ)	Письменный протокол опроса / объяснение	Отсутствие у адвоката права предупреждать об ответственности по ст. 307 УК РФ; непризнание протокола допросом [10, с. 39]
Адвокатский запрос (п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ, ст. 6.1 ФЗ № 63)	Официальный ответ организации	Сроки ответа (30 дней) затягивают процесс; отказы под предлогом защиты персональных данных [3, с. 11]
Привлечение специалиста (ст. 58, 80 УПК РФ)	Письменное заключение специалиста	Игнорирование заключений со стороны органов расследования несмотря на ст. 159 УПК РФ [11, с. 74]

Таким образом, адвокат-защитник является полноправным субъектом доказывания, однако существующий процессуальный механизм легализации собранных им сведений требует модернизации. Законодательное усиление гарантий адвокатской деятельности позволит реально обеспечить равноправие сторон и повысить объективность правосудия.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 2020. — № 144.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 23. — Ст. 2102.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 9. — С. 2–10.
5. Баев О. Я., Баев М. О. Адвокат в уголовном процессе: учебное пособие. — М.: Проспект, 2021. — 216 с.
6. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головко. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Статут, 2021. — 1280 с.
7. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2023. — 263 с.
8. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. — 240 с.
9. Россинский С. Б. Собирание доказательств в уголовном процессе: проблемы теории и практики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 10. — С. 70–81.
10. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник. — М.: Норма, 2022. — 784 с
11. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. — 240 с.

Ответственность изготовителя перед потребителем

Мещеряков Олег Олегович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследуются основания гражданско-правовой ответственности изготовителя перед потребителем по российскому законодательству. Разграничены требования в связи с недостатком товара, возмещение вреда жизни, здоровью или имуществу и последствия просрочки исполнения требований потребителя. Рассмотрены распределение бремени доказывания, правовое значение срока службы и подход Верховного Суда РФ к прекращению программной поддержки товара. Предложен порядок квалификации требований, учитывающий характер нарушения, его последствия и момент обнаружения недостатка.

Ключевые слова: *изготовитель, защита прав потребителей, недостаток товара, безопасность товара, возмещение вреда, срок службы, потребительская неустойка.*

Введение

Один и тот же недостаток товара может повлечь разные правовые последствия. Покупатель неисправного прибора вправе при предусмотренных законом условиях потребовать его замены, ремонта или возврата уплаченной суммы. Если неисправность привела к повреждению другого имущества, возникает самостоятельное требование о возмещении вреда. Адресатом обоих требований может стать изготовитель, хотя договор розничной купли-продажи обычно заключает продавец.

Цель статьи — определить основания прямых требований к изготовителю и установить, как выбор способа защиты влияет на круг доказываемых обстоятельств. Использованы формально-юридический анализ норм ГК РФ и Закона РФ «О защите прав потребителей», а также анализ разъяснений и обзоров Верховного Суда РФ [1–5]. В центре исследования находятся гражданско-правовые последствия реализации товаров для личных и иных целей, не связанных с предпринимательской деятельностью.

Правовое положение изготовителя

Изготовителем в преамбуле Закона РФ «О защите прав потребителей» признаётся организация или индивидуальный предприниматель, производящие товары для реализации потребителям. Закон возлагает на изготовителя обязанности, связанные с безопасностью товара, сведениями о нём и обеспечением возможности его использования в течение срока службы. В частности, статья 6 предусматривает обеспечение ремонта и технического обслуживания, а также выпуска и поставки запасных частей. При отсутствии установленного срока службы эта обязанность действует в течение десяти лет со дня передачи товара потребителю [1].

Информация о товаре имеет самостоятельное значение для безопасности. В силу статей 7 и 10 Закона изготовитель должен указать специальные правила безопасного использования, хранения, транспортировки и утилизации, если их соблюдение необходимо. Оценка полноты информации зависит от того, позволяют ли доведённые до потребителя сведения предупредить конкретный риск. При рассмотрении требований, вызванных неполнотой или недостоверностью информации, суд исходит из отсутствия у потребителя специальных знаний о свойствах товара [1; 3].

Обязанность изготовителя по обеспечению безопасности сохраняет значение и после реализации товара. Если установлено, что при соблюдении правил использования, хранения или транспортировки товар причиняет или может причинить вред, пункт 5 статьи 7 Закона требует приостановить его производство или реализацию до устранения причин опасности. При необходимости принимаются меры по изъятию товара из оборота и отзыву у потребителей. Такой механизм направлен на предупреждение новых случаев причинения вреда [1].

Требования к изготовителю при недостатке товара

Согласно пункту 3 статьи 18 Закона потребитель вправе потребовать от изготовителя замены товара на товар той же марки, модели или артикула, безвозмездного устранения недостатков либо возмещения расходов на их исправление. Вместо предъявления этих требований потребитель может вернуть изготовителю товар и потребовать уплаченную сумму. Требование о соразмерном уменьшении цены в перечень прямых требований к изготовителю по этому основанию не входит. При оценке претензии имеет значение, выступал ли изготовитель в конкретной сделке также продавцом [1].

Для технически сложного товара перечень оснований для возврата денег или замены зависит от времени, прошедшего после его передачи. В течение пятнадцати дней основанием служит обнаружение недостатка. После этого срока значение имеют существенный недостаток, нарушение сроков ремонта либо невозможность использовать товар в совокупности более тридцати дней в течение каждого года гарантии вследствие неоднократного устранения его различных недостатков. При предъявлении требования изготовителю эти условия следует оценивать вместе с перечнем способов защиты, предусмотренным пунктом 3 статьи 18 Закона [1; 3].

Пункт 6 статьи 18 Закона распределяет риск недоказанности причины недостатка в зависимости от наличия гарантии. Если гарантийный срок установлен, изготовитель отвечает, пока не докажет, что недостаток возник после передачи товара из-за нарушения правил использования, хранения или транспортировки, действий третьих лиц либо непреодолимой силы. При отсутствии гарантии потребитель доказывает, что недостаток или его причина существовали до передачи товара. Отсутствие кассового чека само по себе не даёт основания отказать в удовлетворении требования [1; 3].

Изготовитель обязан принять товар ненадлежащего качества. При необходимости он проводит проверку качества, в которой потребитель вправе участвовать. При споре о причине недостатка изготовитель проводит экспертизу за свой счёт в пределах срока, отведённого для удовлетворения предъявленного требования. Потребитель вправе присутствовать при её проведении и оспорить заключение в суде. Если экспертиза установит обстоятельства, за которые изготовитель не отвечает, потребитель возмещает предусмотренные законом расходы [1].

Особый порядок действует при выявлении существенного недостатка по истечении двух лет после передачи товара. По пункту 6 статьи 19 Закона потребитель вправе потребовать безвозмездного устранения такого недостатка в пределах срока службы либо десяти лет со дня передачи товара, если срок службы не установлен. По общему правилу потребитель доказывает, что недостаток или его причина возникли до передачи товара. Если недостаток неустраним либо требование о ремонте не исполнено в течение двадцати дней, потребитель может

воспользоваться другими способами защиты, предусмотренными этим пунктом, в том числе вернуть товар и потребовать уплаченную сумму [1; 4].

Возмещение вреда вследствие недостатка товара

Статьи 1095–1098 ГК РФ и статья 14 Закона закрепляют специальный режим возмещения вреда жизни, здоровью или имуществу. Вред может быть вызван конструктивным, производственным или иным недостатком товара либо недостаточной или недостоверной информацией о нём. Наличие договора между изготовителем и потерпевшим для применения этих норм не требуется. Потерпевший вправе выбрать, предъявить ли требование продавцу или изготовителю. Д. А. Хайрулаев рассматривает эту конструкцию как альтернативу на стороне должника [1–3; 7].

Ответственность наступает независимо от вины изготовителя. При этом для удовлетворения требования необходимо установить вред, недостаток товара или информации о нём и причинную связь между ними. Значение причинной связи как элемента объективной стороны такой ответственности отмечает А. И. Облитяев [6]. По статье 1098 ГК РФ изготовитель освобождается от ответственности, если докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы либо нарушения потребителем установленных правил пользования товаром или его хранения [2].

Временные пределы возмещения вреда определяются статьёй 1097 ГК РФ и статьёй 14 Закона. По общему правилу учитывается, причинён ли вред в течение срока годности или срока службы. В прямо предусмотренных законом случаях вред возмещается независимо от времени его причинения. К ним относится ситуация, когда обязательный срок службы или срок годности не установлен. Поэтому при квалификации требования о возмещении вреда следует отдельно определить, когда вред возник и какие сведения о безопасной эксплуатации были доведены до потребителя [1–3].

Предположим, что из-за дефекта электрического чайника произошёл пожар и пострадало имущество проживающего в квартире лица, которое чайник не покупало. Покупатель может требовать возврата цены чайника при соблюдении условий статьи 18 Закона. Владелец повреждённого имущества вправе требовать возмещения своего вреда, если установлена причинная связь между дефектом чайника и пожаром. В первом случае исследуются состояние товара и условия его возврата, во втором — также причина возгорания, принадлежность повреждённого имущества и размер ущерба [1–3].

Судебная практика и последствия просрочки

В Обзоре от 20 октября 2021 г. Верховный Суд РФ рассмотрел спор об утрате возможности использовать смарт-устройства после прекращения поддержки программного обеспечения. Суд указал, что потеря возможности пользоваться товаром по назначению в течение срока службы может квалифицироваться как недостаток по аналогии с пунктом 6 статьи 19 Закона. Суд также отметил, что с учётом природы такого недостатка доказывать его возникновение до передачи товара не требуется. Дело было направлено на новое рассмотрение для оценки утраты функциональности и возможности её восстановления [4].

В Обзоре от 18 октября 2023 г. Верховный Суд РФ обратил внимание на последовательность предъявления требований по пункту 6 статьи 19 Закона. Для оценки требования о возврате цены имеют значение устранимость существенного недостатка, факт предъявления требования о ремонте и истечение предусмотренного для него срока. Приведённая позиция касается спора с импортёром, однако норма, которую истолковал суд, распространяется и на изготовителя [1; 5].

Просрочка исполнения требования образует самостоятельное основание для начисления неустойки. Например, статья 22 Закона отводит на возврат уплаченной за товар суммы десять дней со дня предъявления соответствующего требования. За нарушение сроков, предусмотренных статьями 20–22, статья 23 устанавливает неустойку в размере одного процента цены товара за день просрочки. С 1 февраля 2026 г. её общая сумма по общему правилу ограничена суммой, уплаченной по договору купли-продажи. При явной несоразмерности последствиям нарушения суд вправе снизить неустойку [1; 8].

Отдельной оценке подлежит штраф за неудовлетворение требований в добровольном порядке. Пункт 6 статьи 13 Закона определяет его в размере 50 процентов от присуждённой в пользу потребителя суммы. При применении этой нормы следует учитывать исключения пункта 7 статьи 13. Одно из них связано с виновным поведением потребителя, которое лишило изготовителя возможности добровольно исполнить требование. Основания взыскания штрафа, неустойки и возмещения вреда исследуются самостоятельно [1; 8].

Заключение

Объём ответственности изготовителя определяется юридическим основанием предъявленного требования. При недостатке товара потребитель располагает предусмотренными законом способами восстановления своего имущественного положения. Если недостаток или ненадлежащая информация привели к вреду жизни, здоровью или имуществу, возникает самостоятельное обязательство по его возмещению. Нарушение срока исполнения уже предъявленного требования может повлечь взыскание неустойки.

Для квалификации спора предлагается последовательно установить характер последствий, определить надлежащего адресата требования и применимый срок, затем распределить бремя доказывания. При утрате работоспособности товара с программным обеспечением существенное значение приобретают сведения о функ-

циях, доступных на момент покупки, моменте прекращения поддержки и возможности восстановить работу устройства.

Документы о передаче товара, переписка по претензии и материалы экспертизы имеют различное значение для каждого требования. Дата получения претензии позволяет проверить просрочку, заключение о причине неисправности помогает оценить происхождение недостатка, а сведения о повреждённом имуществе обосновывают размер вреда. Такая последовательность позволяет соотнести каждое доказательство с конкретным правовым последствием.

Литература:

1. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 11.11.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ. § 3 гл. 59. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/c7c96dbe3c400be29816d6c77f3a0db0886ee956/ (дата обращения: 11.11.2026).
3. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17. — URL: https://vsrf.ru/documents/all/8304/ (дата обращения: 11.11.2026).
4. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.10.2021. — П. 3. — URL: https://vsrf.ru/documents/all/30461/ (дата обращения: 11.11.2026).
5. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.10.2023. — URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/33038/ (дата обращения: 11.11.2026).
6. Облитяев А. И. Объективная сторона ответственности за вред, причинённый вследствие недостатков товаров, работ и услуг // Молодой ученый. — 2023. — № 50 (497). — С. 268–269. — URL: https://moluch.ru/archive/497/108996 (дата обращения: 11.11.2026).
7. Хайрулаев Д. А. Субъектный состав и принцип множественности обязанностей при причинении вреда вследствие недостатков товаров, работ, услуг // Молодой ученый. — 2026. — № 15 (618). — С. 188–190. — URL: https://moluch.ru/archive/618/135050 (дата обращения: 11.11.2026).
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2025 № 500-ФЗ. — URL: https://base.garant.ru/413371610/ (дата обращения: 11.11.2026).

Процессуальные особенности медиации в гражданском, арбитражном и административном процессе

Митюшева Олеся Сергеевна, кандидат исторических наук, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Институт медиации, будучи межотраслевым правовым образованием, функционирует в различных видах судопроизводства, каждый из которых обладает собственной процессуальной формой, спецификой субъектного состава и характером рассматриваемых споров. Как справедливо отмечается в научной литературе, развитие альтернативных институтов разрешения споров в целом, и института медиации в частности, является одним из направлений судебной политики [1, с. 243].

Возможность альтернативного разрешения споров предусмотрена частью 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации, которая устанавливает, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. При рассмотрении споров, как суды общей юрисдикции, так и арбитражные суды принимают меры для примирения сторон, что предусмотрено в пунктом 5 части 1 статьи 150, статьей 172 ГПК РФ, а также в статье 138 и пункте 9 части 2 статьи 153 АПК РФ.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о преимуществах обращения сторон как гражданского, так и арбитражного процесса к процедуре медиации, к которым, по мнению Л. Р. Борецкой, относятся: 1) самостоятельный выбор спорящими сторонами медиатора и определение процесса ведения переговоров; 2) комфортная психологическая обстановка, так как отсутствует стрессовое состояние; 3) факт обращения к медиатору, содержание процедуры является конфиденциальным; 4) оперативность данной процедуры; 5) при заключении сторонами медиативного соглашения возвращается 50 процентов государственной пошлины; 6) более высокий процент исполняемости договоренностей, выработанных с помощью процедуры медиации, нежели чем исполнения судебных решений; 7)спорящие стороны могут решить не только имеющийся спор, но и сохранить деловые связи и деловые отношения; 8) развитие и применение института медиации позволяет разгрузить суды, снизить нагрузку на судей [1, с. 244–245].

Вместе с тем, несмотря на наличие преимуществ медиативных процедур, в гражданском и арбитражном процессе возможны злоупотребления процессуальными правами недобросовестной стороной с целью затягивания процесса. Также необходимо указать, что не единичными являются случаи, когда сторона ходатайствует об отложении рассмотрения спора с целью его урегулирования в рамках процедуры медиации, но к компромиссному соглашению стороны так и не приходят. В итоге такая процессуальная пассивность приводит к затягиванию разрешения спора и после длительного отложения дела стороны начинают выдвигать свои возражения, что влечет продолжение судебного разбирательства по делу. С целью пресечения практики затягивания рассмотрения споров суды применяют положения части 2 статьи 111 АПК РФ, которая позволяет отнести все судебные расходы по делу на сторону, которая отказывается или уклоняется от участия в примирительной процедуре, которую сама же и инициировала. Если причины таких отказов или уклонения суд признает неуважительными, направленными исключительно на затягивание судебного разбирательства либо свидетельствующими об ином злоупотреблении процессуальными правами, недобросовестному участнику спора придется взять на себя все расходы [1, с. 245].

На основе доказанного положения можно сделать вывод о том, что законодатель предусмотрел механизм противодействия недобросовестному поведению спорящих сторон и закрепил меру ответственности за проявление действий, затягивающих и, тем самым, удорожающих процесс судебного разбирательства.

Гражданский процесс представляет собой сферу, в которой медиация получила наиболее широкое нормативное закрепление, однако практика ее применения остается ограниченной. Для более глубокого анализа практики применения примирительных процедур в России необходимо обратиться к статистике, опубликованной Судебным департаментом при Верховном суде РФ за 2022 г., 2023 г., 2024 г. и 2025 г.. Так, производство по делу было прекращено в связи с заключением мирового соглашения по делам, рассматриваемых в первой инстанции представлено в таблице 1.

Таблица 1. **Динамика прекращения производства по делу в связи с заключением мирового соглашения**

Год	Районные суды (% от общего количества поступивших дел)	Мировые судьи (% от общего количества поступивших дел)
2022 [2]	20,4 %	6,6 %
2023 [3]	20,6 %	5,6 %
2024 [4]	22,8 %	5,1 %
2025 [5]	28,2 %	6,1 %

Проанализировав статистические значения применения примирительных процедур, можем сделать вывод, что они до настоящего времени не пользуются популярностью среди населения и примерно одинаковый процент дел, рассматриваемых в суде, оканчиваются заключением мирового соглашения. Общее количество дел, рассматриваемых в судах, не сильно уменьшается, в некоторые годы имеет динамику к росту, а вот востребованность примирительных процедур находится приблизительно на том же уровне в течение рассмотренных четырех последних лет.

Приняв во внимание показатели статистики, следует озадачиться вопросом популяризации рассматриваемого института среди населения, а также уделить внимание положительным последствиям применения примирительных процедур. Как отмечает А. Ф. Юсупова, «процедура медиации играет важную роль в гражданском процессе, поскольку у сторон появляется реальная возможность разрешить спор на взаимовыгодных условиях» [6].

Процессуальные особенности медиации в гражданском процессе определяются, прежде всего, характером гражданских процессуальных правоотношений, которые возникают между судом и участниками процесса при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Медиация в гражданском процессе может применяться как в досудебном порядке, так и после возбуждения гражданского дела в суде. Согласно статье 4 Федерального закона № 193-ФЗ, если спор передан на рассмотрение суда, стороны могут применить процедуру медиации в любой момент до принятия решения по спору соответствующим судом. В таких случаях суд откладывает рассмотрение дела до окончания процедуры медиации. Данная норма создает процессуальную основу для интеграции медиации в гражданское судопроизводство.

Особого внимания заслуживает применение медиации по отдельным категориям гражданских дел. Как отмечается в научной литературе, существующий механизм разрешения ряда семейных споров располагает лишь репрессивным инструментарием. В результате рассмотрения судом дел по определению места проживания ребенка и осуществлении права ребенка на общение с родителями, другими родственниками и взыскания алиментных платежей, по сути, нет выигравшей стороны. Первая и вторая категория дел лежит за рамками правового поля и все чаще сводится к длительному выяснению отношений между бывшими супругами и, главное, родителями, которые бывшими по отношению к ребенку не бывают. В итоге, семья — это та территория, на которой медиация проявила бы себя наиболее эффективным образом, как

тонкий и деликатный инструмент решения наболевшей проблемы. Тем не менее, граждане в большинстве случаев не прибегают к услугам медиатора в виду отсутствия достаточных знаний, что отражается и на формировании недоверия к данному институту [7].

По мнению большинства ученых и практиков, судебная медиация должна проявить себя наиболее эффективно также при разрешении трудовых споров. Однако, как показывает практика разрешения трудовых споров, процедура медиация в данной сфере практически не применяется. Как отмечается в аналитических материалах, обзорах и справках к судебной практике по медиации Президиумом Верховного Суда РФ, выпускаемыми ежегодно за 2013–2014, 2015, 2016 годы этому способствуют следующие факторы:

— недоверие к медиатору и к процедуре медиации в целом;

— стремление потерпевшего лица всеми способами привлечь к ответственности нарушителя трудовых прав;

— неучастие в медиативной процедуре работодателей или руководителей, наделенных полномочиями принимать решения по итогам рассмотрения трудового спора;

— отношение к решению суда общей юрисдикции как к более «ценному» и обязательному для исполнения судебному акту по сравнению с решением, принятым по результатам проведения процедуры медиации;

— низкий уровень информированности субъектов трудовых отношений о возможности разрешения трудовых споров посредством процедуры медиации [7].

Следует отметить, что процессуальные особенности медиации в гражданском процессе связаны с действием принципа диспозитивности, который предоставляет сторонам свободу в распоряжении своими процессуальными правами. Как отмечает Н. Н. Макаренко, «присущий всему гражданскому процессу диспозитивный метод правового регулирования бесспорно достигает в рамках процедур альтернативного урегулирования споров в целом, и судебного примирения в частности, своего апогея». Данное обстоятельство проявляется в том, что в рамках медиации права и обязанности сторон процесса расширены, а роль суда, коррелятивно, ограничена. Иначе говоря, в рамках данных процессуальных механизмов стороны процесса обладают наибольшей свободой в отношении предмета спора и способов его разрешения, тогда как суд, в соответствии с формулировкой Постановления Верховного суда Российской Федерации № 1 от 18 января 2018 г., лишь «содействует им в урегулировании спора» [8].

Процессуальные особенности медиации в арбитражном процессе определяются, прежде всего, характером арбитражных процессуальных правоотношений, которые возникают между арбитражным судом и участниками процесса при рассмотрении и разрешении экономических споров и иных дел, отнесенных к компетенции арбитражных судов.

Согласно статье 138 АПК РФ, арбитражный суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора. Стороны могут урегулировать спор, заключив мировое соглашение или применяя другие примирительные процедуры, в том числе процедуру медиации, если это не противоречит федеральному закону.

Как отмечает В. В. Бигарова и Е. А. Малтабар, «процедура медиации — способ урегулирования споров при участии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Медиативная оговорка является одним из способов включения в договор положения о проведении процедуры медиации в случае наличия спора между сторонами. Статья 8 Федерального закона № 193-ФЗ дает сторонам возможность заключить соглашение о проведении процедуры медиации, что может быть достигнуто не только путем инкорпорации в договор положений о медиации, но и посредством составления отдельного документа, содержащего волеизъявление сторон» [9].

Медиативный подход к разрешению споров в арбитражном процессе предполагает участие одного или нескольких медиаторов, задача которых состоит в выявлении интересов сторон и содействии сторонам в поиске общих потребностей. При этом медиатор выступает в качестве нейтрального и беспристрастного третьего лица, выступающего в качестве посредника между сторонами спора, содействующего возобновлению конструктивного диалога между ними. Медиатор не вправе быть представителем какой-либо из сторон, оказывать юридическую помощь, а также участвовать в процессе медиации, если имеет личный интерес в результатах урегулирования спора. Если при помощи медиации урегулировать спор не удалось, стороны могут передать дело на рассмотрение суда. Процедура медиации и судебное разбирательство могут сосуществовать, даже в случае, если спор уже передан в суд. Тем не менее, стороны могут договориться не обращаться в суд в течение прописанного в медиативной оговорке времени, а суд в полной мере признает такое обязательство [9].

Поскольку медиативное соглашение является гражданско-правовой сделкой, стороны наделяются гражданско-правовыми способами защиты в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения такого соглашения, а оспаривание такого соглашения ничем не отличается от оспаривания обычной гражданско-правовой сделки. Законодатель наделяет медиативное соглашение свойством исполнительного документа лишь в случае его нотариального удостоверения.

Сравнивая медиацию и арбитраж, следует отметить, что арбитраж несет в себе бóльшую определенность, чем процедура медиации. Это проявляется, в частности, в том, что арбитражное решение в отличие от медиативного соглашения обладает признаками обязательности и исполнимости, что прямо следует из законодательства. Признак окончательности позволяет избежать долгих судебных тяжб, тем самым позволяя создать правовую определенность в более короткий промежуток времени, чем в случае обращения в государственный суд, где судебные тяжбы

могут длиться годами, а также сокращает расходы сторон спора, уплачиваемые представителям. У механизма медиации, тем не менее, есть и преимущества. Например, у сторон есть реальная возможность сохранить деловые отношения после урегулирования конфликта, конфиденциальность процедуры не допускает разглашения нежелательной для сторон информации, отсутствие необходимости привлечения в процесс адвокатов и других представителей — оплаты их услуг [9].

Как справедливо утверждает Е. Н. Иванова, в настоящее время медиация не пользуется значительной популярностью при разрешении коммерческих споров, которые скорее переходят в плоскость судебного и третейского разбирательства. Однако, по ее мнению, медиация дает бизнесу новые возможности. Партнеры могут провести коммерческие переговоры с помощью беспристрастного специалиста вместо участия в формальном процессе и получения абстрактного решения [10].

Вопрос о применении медиации в административном процессе является одним из наиболее дискуссионных в отечественной правовой доктрине. Как отмечает П. П. Шевчук, «узость сферы применения Федерального закона № 193-ФЗ предопределила интерес к изучению вопроса об альтернативных способах урегулирования споров по административным делам» [11].

Изучив факторы, обусловившие развитие альтернативных способов урегулирования административных споров, можно выделить следующие главные преимущества альтернативных способов урегулирования административных споров:

— приближение администрации к общественности путем исключения антагонизма между сторонами спора и тем самым обеспечение более целесообразного решения по некоторым видам споров;

— скорость достижения решения;

— минимальная формальность, снижающая процедурную гибкость;

— корректный и дружественный характер процедуры;

— обращение к экспертам;

— возможность урегулирования спора на основе принципов справедливости, а не только в соответствии со строгими правовыми нормами;

— процедурная экономия.

Однако указанные преимущества имеют, можно отметить, общий характер, который многими учеными резюмируются в качестве положительной значимости процедур медиации.

Вместе с тем, вопрос о применимости медиации к административным спорам остается дискуссионным. В процессуальной науке России сложилось два противоположных мнения: отрицающее возможность использования примирительных процедур по административным делам (Р. Е. Гукасян, М. А. Рожкова, Н. В. Сердюкова, В. М. Шерстюк) и пропагандирующее их применение в административной юрисдикции (А. В. Абсалямов, В. С. Анохин, В. Ф. Яковлев, В. В. Ярков) [11].

Сторонники первой точки зрения придерживаются того мнения, что соглашения с государственными органами невозможны в силу специфики административных отношений. В качестве одного из доводов приводится невозможность заключения мирового соглашения по делам об административных правонарушениях, свидетельствующего об исчерпании конфликта, устранении его причин и последствий. Однако, как отмечает А. Б. Зеленцов, данный довод является малоубедительным. Так, по мнению М. А. Рожковой, невозможность мирового соглашения по этим делам связана с тем, что вина и иные подлежащие установлению обстоятельства должны быть исследованы и оценены в судебном заседании, тогда как заключение мирового соглашения предусматривает прекращение спора, отпадение необходимости в судебном разбирательстве. Вместе с тем, по мнению В. С. Анохина, мировое соглашение по этим делам вполне возможно, когда нарушитель признает свою вину, готов немедленно уплатить часть надлежащей суммы, а государственный орган согласен на такую уступку [11].

Наряду с этим, действующий АПК РФ предусматривает в статье 190 возможность урегулирования сторонами экономических споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, по правилам, установленным в главе 15 АПК РФ, путем заключения соглашения или с использованием других примирительных процедур, если иное не установлено федеральным законом. Следовательно, АПК РФ не устанавливает каких-либо иных требований к урегулированию этих споров, чем те, которые определены для гражданских споров в главе 15 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение», а возможные ограничения относительно урегулирования административного спора могут содержаться только в федеральном законе, но такие отсутствуют в законодательстве.

В качестве критериев допустимости мировых соглашений по административным спорам Шевчук выделяет следующие:

— отсутствие в законе прямого запрета на совершение действий, предусмотренных мировым соглашением;

— непротиворечие (соответствие) содержания мирового соглашения законам, охраняющим общественную безопасность, порядок управления, общественную нравственность, права и свободы граждан;

— отсутствие порока воли сторон;

— наличие у стороны права распоряжаться предметом (объектом) мирового соглашения;

— соответствие (непричинение вреда) публичным интересам и соблюдение (ненарушение) прав и законных интересов других лиц;

— недопустимость мировых соглашений по спорам о законности нормативных актов в силу наличия полномочия на признание таких актов несоответствующими закону только у суда;

— полномочие должностного лица на заключение мирового соглашения должно входить в его компетенцию,

определяться нормативно-правовым образом и реализовываться в соответствии с предписаниями норм, определяющих компетенцию;

— при заключении мирового соглашения должностное лицо должно действовать в соответствии с теми целями, ради достижения которых ему предоставлены полномочия, и не выходить за пределы своей компетенции (предметной, субъектной, территориальной и временной);

— при заключении мирового соглашения административный орган не должен брать на себя обязательство по выплате какой-либо денежной суммы, которой он не задолжал, за исключением случаев, специально установленных в законе и связанных с компенсацией за причиненный вред [11].

На основании анализа критериев допустимости мировых соглашений по административным спорам, выделенных П. П. Шевчуком, можно сформулировать следующие выводы относительно использования процедуры медиации в административном процессе.

Во-первых, сама возможность постановки вопроса о применении медиации в административном процессе свидетельствует о признании доктриной потенциальной медиабельности отдельных категорий публично-правовых споров. Иными словами, наука уже выработала инструментарий, позволяющий отграничить медиабельные административные споры от немедиабельных, что создает теоретическую основу для реформирования законодательства.

Во-вторых, анализ критериев показывает, что медиация в административном процессе принципиально возможна, но имеет существенно более узкую сферу применения по сравнению с гражданским и арбитражным процессом. Это обусловлено самой природой административно-правовых отношений, основанных на властном подчинении и императивном методе регулирования. В отличие от частноправовых споров, где стороны изначально равны и свободны в распоряжении своими правами, в административном споре одна из сторон — орган публичной власти — действует в пределах компетенции, установленной законом. Следовательно, свобода усмотрения должностного лица при заключении медиативного соглашения объективно ограничена.

В-третьих, критерии Шевчука образуют двухуровневую систему ограничений. Первый уровень касается содержания соглашения, которое не должно противоречить законам, охраняющим общественную безопасность, порядок управления, общественную нравственность, права и свободы граждан; не должно нарушать публичные интересы и права третьих лиц; не должно предполагать выплату административным органом сумм, которые он не задолжал. Второй уровень касается компетенции должностного лица, в которую должно входить право на заключение соглашения, такое полномочие должно определяться нормативно и реализовываться в соответствии с целями, ради которых оно предоставлено. Это означает, что медиативное соглашение в административном процессе не может выходить за рамки законных полномочий органа власти — в противном случае оно будет ничтожным.

В-четвертых, особого внимания заслуживает критерий недопустимости мировых соглашений по спорам о законности нормативных актов, так как вопрос о соответствии нормативного правового акта закону может разрешаться исключительно судом, поскольку затрагивает интересы неопределенного круга лиц и основы правопорядка. Следовательно, медиация в административном процессе допустима, прежде всего, по спорам, связанным с индивидуальными правовыми актами, имущественными отношениями (налоговые, лицензионные, регистрационные споры), а также по спорам, возникающим из дискреционных полномочий администрации.

В-пятых, выделенные критерии в совокупности свидетельствуют о том, что медиация в административном процессе должна носить ограниченный, контролируемый характер. В отличие от гражданского и арбитражного процесса, где медиация основана на максимальной диспозитивности сторон, в административном процессе на первый план выходят принципы законности и защиты публичного интереса. Это предопределяет особую роль суда, который должен осуществлять контроль законности медиативного соглашения при его утверждении.

В-шестых, отсутствие в действующем законодательстве механизма утверждения медиативных соглашений по административным спорам (за исключением статьи 190 АПК РФ для экономических споров из публичных правоотношений) является существенным пробелом. Критерии Шевчука, разработанные применительно к мировым соглашениям, могут быть экстраполированы и на медиативные соглашения, поскольку и те, и другие направлены на урегулирование спора и требуют судебного утверждения. Это создает теоретическую базу для внесения изменений в КАС РФ и Федеральный закон № 193-ФЗ.

В-седьмых, критерии допустимости мировых соглашений по административным спорам, сформулированные Шевчуком, в значительной степени коррелируют с подходами, выработанными в международной практике. В частности, Рекомендация Rec (2001) 9 Комитета министров Совета Европы об альтернативных судебному разбирательству средствах разрешения споров между административными органами и частными сторонами также исходит из необходимости разграничения споров, затрагивающих законность нормативных актов (не подлежащих альтернативному урегулированию), и споров, связанных с индивидуальными актами и имущественными отношениями (допускающих примирение). Это подтверждает обоснованность предложенных критериев и их соответствие международным стандартам [12].

В-восьмых, практическая реализация медиации в административном процессе требует решения вопроса о требованиях к медиатору. В отличие от гражданского и арбитражного процесса, где медиатором может быть

лицо без юридического образования, в административном процессе медиатор должен обладать специальными познаниями в сфере публичного права, поскольку ему предстоит оценивать допустимость тех или иных условий соглашения с точки зрения их соответствия закону и публичным интересам. Это согласуется с предложением Л. Р. Борецкой о закреплении в Федеральном законе № 193-ФЗ требования о наличии у медиатора высшего юридического образования [1, с. 243–248].

В-девятых, анализ критериев Шевчука позволяет сделать вывод о том, что медиация в административном процессе не должна рассматриваться как альтернатива судебному контролю за законностью действий органов публичной власти. Скорее, она должна выступать как дополнительный инструмент урегулирования конфликтов в тех сферах, где административный орган обладает определенной свободой усмотрения (дискреционными полномочиями) и где стороны могут достичь взаимоприемлемого решения без ущерба для публичных интересов. Речь идет, прежде всего, о налоговых, лицензионных, регистрационных спорах, спорах о предоставлении государственных услуг, а также о спорах, связанных с возмещением вреда, причиненного незаконными действиями органов власти.

В-десятых, критерии допустимости мировых соглашений по административным спорам, предложенные Шевчуком, имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Они могут быть использованы судами при решении вопроса об утверждении медиативных соглашений, а также законодателем при разработке соответствующих изменений в КАС РФ и Федеральный закон № 193-ФЗ. Кроме того, они создают основу для формирования единообразной судебной практики по вопросам применения примирительных процедур в административном процессе.

Таким образом, анализ критериев допустимости мировых соглашений по административным спорам, выделенных П. П. Шевчуком, позволяет сделать вывод о том, что медиация в административном процессе принципиально возможна, но требует существенного ограничения сферы применения и установления дополнительных гарантий защиты публичных интересов. Однако расширение сферы применения медиации на административные споры должно сопровождаться разработкой системы критериев медиабельности, аналогичной той, что предложена Шевчуком для мировых соглашений, а также установлением специальных требований к медиаторам и механизма судебного контроля за законностью медиативных соглашений. Только при соблюдении этих условий медиация сможет стать эффективным инструментом урегулирования административных споров, не создавая угрозы для публичных интересов и основ правопорядка.

Б. Г. Рысай также отмечает, что институционализация медиации послужила поводом для развития восстановительного подхода к данной примирительной процедуре. Важно, что медиацию предлагается рассматривать в качестве обязательного способа досудебного разрешения по категориям административных споров, возникающих в рамках административных и административно-процессуальных отношений, связанных, в частности, с лицензированием отдельных видов деятельности, выдачей иных специальных разрешений, государственной регистрацией объектов и прав на них, взиманием обязательных платежей (налогов, сборов, пошлин), споров между соответствующими органами публичного управления и физическими лицами (организациями), обусловленные наличием разногласий по техническим, финансовым и иным специальным вопросам, например, по вопросам оценки стоимости имущества, подлежащего передаче (изъятию), соблюдения лицом специальных технических и иных обязательных требований при эксплуатации различных объектов и оборудования, соответствия подготовленной им специальной документации (проектной, технической) установленным нормативным требованиям, правильности исчисления налога, сбора или пошлины, наличия имущественного или иного ущерба, причиненного государству, муниципальному образованию, физическому или юридическому лицу [13].

Вместе с тем, существуют препятствия экономического характера. Так, согласно части 1 статьи 10 Федерального закон № 193-ФЗ деятельность по проведению процедуры медиации осуществляется медиатором, медиаторами как на платной, так и на бесплатной основе, деятельность организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, — на платной основе. Соответственно, медиаторские услуги оказываются преимущественно на платной основе, представители конфликтующих сторон, как правило, избегают дополнительных расходов.

Подводя итог, можно высказать предложение о необходимости закрепления в Федеральном законе № 193-ФЗ порядка назначения медиатора и введения дополнительной ответственности в отношении деятельности медиатора именно судом. Стороны спора всегда смогут подать жалобу на посредника за неисполнение им обязанностей или нарушение правил проведения процедуры медиации напрямую в суд, и тот будет нести гражданскую или административную ответственность в зависимости от размера причиненного вреда.

Следует также отметить, что медиация может применяться и в сфере государственной гражданской службы. Как отмечают С. В. Соловьева и Н. Л. Назарова, «медиативные компетенции уместно использовать как в правоотношениях государственных служащих с гражданами при реализации их полномочий, так и для урегулирования споров внутри государственных структур, а именно служебно-трудовых споров в досудебном и судебном порядке, что позволит предотвратить потери в их работе, наладить эффективный диалог с членами гражданского общества и получателями государственных услуг, а также повысит легитимность органов власти и доверие к ним» [14]. При этом важно, что в соответствии с пунктом 5 статьи 15 Фе-

дерального закона № 193-ФЗ медиаторами не могут быть лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной гражданской службы, должности муниципальной службы, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Проведенное исследование процессуальных особенностей медиации в гражданском, арбитражном и административном процессе позволяет сформулировать несколько общих выводов.

Медиация в гражданском процессе характеризуется наибольшей степенью нормативной урегулированности и процессуальной интеграции. Она может применяться как в досудебном порядке, так и после возбуждения гражданского дела в суде, вплоть до принятия решения. Процессуальные особенности медиации в гражданском процессе определяются действием принципа диспозитивности, предоставляющего сторонам свободу в распоряжении своими процессуальными правами. Вместе с тем, практика применения медиации в гражданском процессе остается крайне ограниченной, что обусловлено комплексом причин начиная от недоверия к медиатору и процедуре медиации в целом, до низкого уровня информированности населения, отсутствия необходимой инфраструктуры и ментальными особенностями российского общества.

Медиация в арбитражном процессе обладает значительным потенциалом применения, обусловленным спецификой рассматриваемых споров, прежде всего связанных с предпринимательской и иной экономической деятельностью. Процессуальные особенности медиации в арбитражном процессе определяются возможностью заключения медиативного соглашения, которое может быть утверждено судом в качестве мирового соглашения, а также возможностью принудительного исполнения медиативного соглашения в случае его нотариального удостоверения. Вместе с тем, медиация в арбитражном процессе, как и в гражданском, не получила широкого распространения, что требует дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Медиация в административном процессе является наиболее дискуссионной сферой применения данного института. Действующее законодательство о медиации не предусматривает возможности применения данной процедуры к спорам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. Вместе с тем, при разрешении отдельных категорий административных споров, прежде всего связанных с имущественными отношениями между органами публичной власти и частными лицами, при соблюдении ряда условий такой способ вполне имеет право на реализацию. В научной литературе высказываются предложения о расширении сферы применения медиации на административные споры, что требует внесения соответствующих изменений в законодательство.

Литература:

1. Борецкая Л. Р. Институт медиации: современное состояние и практика применения сторонами в цивилистическом процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 243
2. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022 году. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYU_2022_na_sayt_SD.pdf (дата обращения: 28.09.2026)
3. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 году. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor__sudebnoy_statistiki_SOYU___2023_na_sayte.pdf (дата обращения: 28.09.2026)
4. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (дата обращения: 28.09.2026)
5. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2025 году. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2025.pdf (дата обращения: 28.09.2026)
6. Юсупова А. Ф. Медиация как альтернативный способ разрешения споров в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. 2020. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-kak-alternativnyy-sposob-razresheniya-sporov-v-grazhdanskom-protsesse
7. Крайнова А. И., Гинзбург И. В. Применение медиации в гражданском процессе // Мир науки и образования. 2018. №1 (13). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-mediatsii-v-grazhdanskom-protsesse
8. Макаренко Н. Н. Судебное примирение как один из видов альтернативного урегулирования споров // Юридические исследования. 2019. № 9. С. 4.
9. Бигарова В. В., Малтабар Е. А. Медиация и арбитраж: история сосуществования и перспективы развития // Юридическая наука. 2020. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-i-arbitrazh-istoriya-sosuschestvovaniya-i-perspektivy-razvitiya

10. Иванова Е. Н. Российская медиация // Arbitration Journal. 31 июля 2019 г. URL: https://journal.arbitration.ru/analytics/rossiyskaya-mediatsiya
11. Шевчук П. П. Медиация в административных спорах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-v-administrativnyh-sporah
12. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec (2001) 9 об альтернативных судебному разбирательству средствах разрешения споров между административными органами и частными сторонами.
13. Рысай Б. Г. Медиация как форма разрешения административного спора // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2018. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-kak-forma-razresheniya-administrativnogo-spora (дата обращения: 10.11.2026).
14. Соловьева С. В., Назарова Н. Л. Медиация как инновационная форма разрешения споров на государственной гражданской службе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 158

Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов: актуальные вопросы правоприменения

Можаева Дарья Александровна, студент
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена уголовно-правовым аспектам уклонения от уплаты налогов, сборов и страховых взносов. Автор разбирает составы налоговых преступлений, закреплённые статьями 198–199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации, исследует специфику объективной и субъективной сторон уклонения от уплаты обязательных платежей и условия, при которых лицо освобождается от уголовной ответственности; затрагивает и то, какое значение имеют нормы налогового законодательства для квалификации подобных деяний. Статья 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации рассмотрена отдельно, с акцентом на то, как правоприменительная практика учитывает разъяснения Федеральной налоговой службы.

Ключевые слова: *налоговые преступления, уклонение от уплаты налогов, страховые взносы, налоговый агент, уголовная ответственность, налоговая декларация, недоимка, налоговая выгода.*

Criminal liability for tax evasion, fees and insurance premiums: current law enforcement issues

The article is devoted to the criminal law aspects of evading taxes, fees, and insurance contributions. The author examines the elements of tax crimes established by Articles 198–199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, explores the specifics of the objective and subjective aspects of evading mandatory payments, and the conditions under which a person is exempt from criminal liability; the article also addresses the significance of tax legislation norms for the classification of such acts. Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation is examined separately, with an emphasis on how law enforcement practice takes into account the clarifications of the Federal Tax Service.

Keywords: *tax crimes, tax evasion, insurance contributions, tax agent, criminal liability, tax return, arrears, tax benefit.*

Налоги давно стали неотъемлемой частью экономических отношений, через них государство формирует основную долю публичных доходов. Фискальной функцией дело не ограничивается. Государство воздействует на развитие производства, инвестиционную активность, структуру экономики, социальную сферу и научно-технический прогресс, используя налоговый механизм как инструмент управления.

Бюджетная система держится на том, насколько полно и вовремя поступают обязательные платежи, и именно поэтому уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов несёт серьёзную общественную опасность — ведь в результате деньги попросту не доходят до бюджетов бюджетной системы Российской Федерации и государственных внебюджетных фондов.

Компании и предприниматели уклоняются от уплаты обязательных платежей, выстраивают схемы теневой экономики, подделывают документооборот, искажают сведения о финансово-хозяйственных операциях и получают необоснованную налоговую выгоду, поэтому проблема не теряет остроты. Государство противодействует таким деяниям уголовно-правовыми средствами, потому что защищает публичные финансовые интересы и добивается исполнения конституционной обязанности платить законно установленные налоги и сборы [4, с. 250].

Уголовный кодекс РФ выделяет несколько составов, связанных с неисполнением обязанностей по уплате налогов, сборов и страховых взносов. Эти нормы охватывают разные формы уклонения от фискальных платежей, различающиеся по субъекту ответственности и характеру деяния. Ниже перечислены соответствующие статьи кодекса.

— Статья 198 УК РФ касается одного конкретного случая — когда физическое лицо уклоняется от уплаты налогов, сборов и страховых взносов.

— Статья 199 УК РФ устанавливает ответственность за конкретное деяние. Она описывает случай, когда организация уклоняется от уплаты налогов, сборов и страховых взносов.

— Статья 199.2 УК РФ. Она устанавливает ответственность за ситуацию, когда организация или индивидуальный предприниматель скрывают денежные средства либо имущество, за счёт которых — по закону — должно производиться взыскание недоимки.

— Статья 199.3 УК РФ посвящена другому составу преступления. Физическое лицо, выступающее страхователем, уклоняется от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, и именно это образует данное преступление.

— Уклонение организации-страхователя от уплаты страховых взносов влечёт ответственность по статье 199.4 УК РФ [2].

Все перечисленные составы объединяет общий объект уголовно-правовой охраны, то есть установленный порядок формирования доходной части бюджетной системы и государственных внебюджетных фондов. При этом у каждого состава есть свои особенности. Они касаются субъекта преступления, способа совершения деяния, предмета посягательства, а также условий уголовной ответственности.

Центральное место среди составов в этой сфере занимает уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и страховых взносов. Его предусматривает статья 198 УК РФ [2].

Объективная сторона проявляется через уклонение. Поскольку законодатель связывает ответственность с размером неуплаченного (крупным либо особо крупным), а само уклонение способно выражаться и в активных действиях виновного, и в его бездействии, квалификация требует учитывать оба варианта поведения.

К наиболее распространенным способам относятся:

— Речь идёт о конкретном способе уклонения от уплаты налогов — внесении в налоговую декларацию или другие обязательные для подачи документы сведений, которые заведомо не соответствуют действительности.

— Суть этого деяния сводится к искажению данных, поскольку виновный сообщает неверные сведения об объектах налогообложения, о доходах и расходах, о налоговой базе или о суммах налога, подлежащего уплате.

— Отдельного внимания заслуживает умышленный отказ подать налоговую декларацию. Сюда же относится и уклонение от представления иной документации, которую закон обязывает подавать в налоговый орган; виновный осознаёт эту обязанность, но сознательно её не исполняет.

— Сюда же относится утаивание данных, важных для расчёта и уплаты обязательных платежей [5, с. 328].

Поданная декларация с недостоверными сведениями сама по себе ещё не говорит о завершённом преступлении. Деяние признают оконченным только тогда, когда налог, сбор или страховой взнос не поступил в установленный законом срок, полностью или частично, и из-за этого деньги не попали в бюджетную систему.

Физическое лицо обязано уплачивать налоги, сборы и страховые взносы согласно налоговому законодательству, и именно они образуют предмет этого преступления.

К уголовной ответственности привлекают физическое вменяемое лицо, достигшее нужного возраста и обязанное платить налоги, сборы или страховые взносы. Гражданство при этом роли не играет: субъектом способен стать и гражданин России, и иностранец, и лицо без гражданства. Значение имеет другое — лежит ли на человеке обязанность уплачивать обязательные платежи на территории Российской Федерации [6, с. 82].

Лицо, совершая такое деяние, прекрасно понимает, что обязано уплатить платежи, и осознает противоправность собственного бездействия или действий. Оно предвидит, что средства не поступят в бюджет, и желает этого либо сознательно допускает подобный исход. Именно поэтому субъективную сторону здесь характеризует прямой умысел.

Уголовная ответственность по налоговым составам наступает только тогда, когда сумма неуплаченных платежей достигает размера, установленного законом. Этот размер считается по правилам из примечаний к соответствующим статьям УК РФ, причём обязательно учитывается период, за который образовалась недоимка.

Квалифицируя деяние, важно смотреть и на общую сумму неуплаченных налогов, сборов и страховых взносов, и на период, за который эта задолженность накопилась. Размер недоимки нужно определить правильно, потому что именно от него зависит разграничение налогового правонарушения, которое влечёт налоговую ответственность, и преступления, которое влечёт уже уголовно-правовые последствия.

Размеры, закреплённые в примечаниях к статьям 198 и 199 УК РФ, не остаются неизменными — законодатель вправе их корректировать. Отсюда вытекает практическое требование: поскольку при оценке конкретного деяния нужно опираться на ту редакцию уголовного закона, которая действовала именно в момент его совершения, правоприменитель обязан одновременно учитывать и положения об обратной силе более мягкого закона. Иначе квалификация окажется ошибочной.

Схемам уклонения от уплаты налогов противостоит прежде всего статья 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации [1]. Она называется «Пределы осуществления

прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора, страховых взносов», и именно в ней законодатель закрепил ключевые ограничения для налогоплательщиков.

Налоговые органы получили ориентир для работы со статьей 54.1 НК РФ благодаря письму Федеральной налоговой службы от 10 марта 2021 года № БВ-4–7/3060. Этот документ разъяснил, как инспекциям следует оценивать хозяйственные операции и выявлять обстоятельства, указывающие на получение необоснованной налоговой выгоды.

Налоговые нормы и уголовный закон применяются с разными целями, и смешивать их нельзя. Налоговики фиксируют последствия уже тогда, когда выявлено неправомерное уменьшение налоговой базы или суммы налога. Для уголовной ответственности этого мало. Здесь нужно доказать все обязательные признаки состава преступления разом, включая умышленный характер деяния, и подтвердить, что неуплаченная сумма достигла размера, установленного законом.

Законодательство о налогах и сборах нарушают по-разному, и далеко не всегда это образует состав преступления. Бухгалтер может неправильно исчислить налог, ошибиться в расчетах, иначе истолковать спорную норму, опоздать с документацией или нарушить порядок ведения учета. Ни одно из этих действий само по себе не говорит об уголовно наказуемом уклонении [3, с. 170].

Для привлечения к уголовной ответственности необходимо установить ряд обстоятельств. Сначала устанавливается сам факт совершения деяния, предусмотренного уголовным законом. Затем проверяется, обладает ли лицо признаками субъекта преступления, то есть достигло ли оно возраста ответственности и является ли вменяемым. Далее выясняется форма вины, умышленная или неосторожная, поскольку без неё нельзя говорить о субъективной стороне состава. После этого оценивается, причинён ли вред охраняемым законом интересам и имеется ли причинная связь между деянием и наступившими последствиями. Наконец, проверяется отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, например необходимой обороны или крайней необходимости. Только при подтверждении всех этих элементов в совокупности можно говорить о наличии состава преступления и, соответственно, об основании для уголовной ответственности.

Недоимка сама по себе ничего не доказывает. Налоговый орган фиксирует задолженность, но это не значит, что перед ним преступник, ведь закон требует другого. Нужно показать, что человек осознанно и целенаправленно уклонялся от уплаты обязательных платежей. Поэтому доказывание умысла становится ключевой задачей всего процесса.

Уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов опасно. Оно посягает на финансовые интересы государства и подрывает устойчивость бюджетной системы. Уголовно-правовая охрана в этой сфере нацелена на то, чтобы обязанности по уплате обязательных платежей реально исполнялись, а умышленный вывод денежных средств из публичного финансового оборота предупреждался.

Таким образом, правовая природа налоговых преступлений коренится в переплетении норм уголовного, налогового, финансового и процессуального права, поэтому квалификация такого деяния требует от правоприменителя комплексного анализа — налоговой обязанности лица, реальных обстоятельств его хозяйственной деятельности, размера недоимки, применённого способа уклонения и направленности умысла.

Одними поправками в уголовный закон борьбу с налоговой преступностью не улучшить. Качество налогового администрирования, цифровизация контроля, правовая определенность и формирование добросовестного отношения к исполнению налоговых обязанностей влияют на результат не меньше, а эти направления требуют не менее пристального внимания, чем развитие уголовно-правовых норм.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть 1. от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 03.08.1998. — № 31. — ст. 3824.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 09.11.2026)
3. Алексеев Д. А., Гаус Е. А. Правовые аспекты проведения судебно-экономических экспертиз в налоговой сфере. // В сборнике: Проблемы экономики и управления: социокультурные, правовые и организационные аспекты. Сборник статей магистрантов и преподавателей КузГТУ. Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева. Кемерово, 2022. — С. 170–177.
4. Богданова А. Ю., Козырева М. В. Образование как фактор формирования профессиональной культуры. / В сборнике: Проблемы экономики и управления: социокультурные, правовые и организационные аспекты. Сборник статей магистрантов и преподавателей КузГТУ. Кемерово, 2021. — С. 350–356.
5. Зонова О. В., Шевелева О. Б. Цифровизация экономики и финансовое мошенничество: новые вызовы// В сборнике: Проблемы экономики и управления: социокультурные, правовые и организационные аспекты. Сборник статей магистрантов и преподавателей КузГТУ. Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева. — Кемерово, 2022. — С. 328–333.

6. Козырева М. В., Тарасенко А. А. Качество жизни населения и специфика право-применения в российской социокультурной ментальности. / В сборнике: Проблемы экономики и управления: социокультурные, правовые и организационные аспекты. Сборник статей магистрантов и преподавателей КузГТУ. — Кемерово, 2021. — С. 82--89.

Цифровая трансформация отбора кандидатов на должность судьи: перспективы и риски для квалификационных коллегий судей

Моисеева Надежда Игоревна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

Статья посвящена комплексному анализу процессов цифровой трансформации, происходящих в органах судейского сообщества Российской Федерации, на примере процедур отбора претендентов на судейские должности квалификационными коллегиями судей. Исследуется переход от традиционного бумажного документооборота к цифровым сервисам, оценивается внедрение технологий автоматизированной проверки сведений, проводится анализ рисков и преимуществ использования элементов искусственного интеллекта при оценке кандидатов. На основе актуальной правоприменительной практики и векторов реформ судебной системы 2025–2026 годов сформулированы предложения по совершенствованию процессуальных стандартов электронной подачи и верификации кадровых документов.

Ключевые слова: *квалификационные коллегии судей, отбор кандидатов, цифровизация правосудия, искусственный интеллект, ГАС «Правосудие», кадровые процедуры, судебная власть.*

Digital transformation of judicial candidate selection: prospects and risks for judicial qualification boards

Moiseeva Nadezhda I., master's student
Vyatka State University (Kirov)

This article presents a comprehensive analysis of the digital transformation processes taking place within the judiciary community of the Russian Federation, illustrated through the procedures used by judicial qualification boards to select candidates for judicial positions. It explores the shift from traditional paper-based document management to digital services, evaluates the implementation of automated verification technologies, and analyzes the risks and benefits of incorporating artificial intelligence elements in candidate assessments. Based on current law enforcement practices and the reform directions for the judicial system in 2025–2026, the article proposes improvements to procedural standards for the electronic submission and verification of personnel documents.

Keywords: *judicial qualification boards, candidate selection, digitalization of justice, artificial intelligence, GAS 'Justice' system, personnel procedures, judiciary.*

Цифровая трансформация государственного аппарата стала одним из магистральных направлений модернизации публичной власти. В Российской Федерации цифровая эволюция судебной ветви власти, реализуемая в рамках концепции суперсервиса «Правосудие онлайн», сегодня выросла из рамок автоматизации лишь процессуальной деятельности судов. Масштабные изменения затронули и сферу судейского самоуправления, в первую очередь — квалификационные коллегии судей (далее — ККС).

На данные органы возложена важнейшая государственная задача по формированию высокопрофессионального судейского корпуса, осуществляемая на конкурсной основе в силу статьи 5 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации». Традиционный формат этой процедуры сопряжен с серьезной бюрократической нагрузкой: членам коллегий приходится изучать и перепроверять колоссальные объемы бумажных носителей информации, а именно анкетные данные, декларации о доходах и имущественных обязательствах кандидатов и их родственников, медицинские реестры, отзывы и характеристики. В сложившихся реалиях перевод деятельности ККС на цифровые рельсы становится насущной необходимостью, призванной минимизировать сроки рассмотрения кадровых вопросов, искоренить субъективизм при принятии решений и повысить уровень общественного доверия к правосудию.

Актуальность исследования обусловлена масштабной цифровой трансформацией всех институтов государственной власти. Реализация национальной программы «Цифровая экономика» и развитие суперсервиса «Правосудие онлайн» вышли за рамки процессуальной деятельности судов и затронули кадровые и квалификационные процедуры судейского сообщества.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере организации и деятельности органов судейского самоуправления в условиях цифровой трансформации государственного аппарата.

Предмет исследования — нормативные правовые акты, регламентирующие порядок отбора и оценки кандидатов на должности судей, правоприменительная и организационная практика органов судейского сообщества по внедрению информационных технологий, а также цифровые механизмы и электронные процедуры (СМЭВ, ГАС «Правосудие», элементы систем искусственного интеллекта), применяемые при верификации сведений о претендентах.

Целью исследования является комплексный теоретико-правовой и прикладной анализ внедрения цифровых технологий в деятельность ККС и разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства, а также процедур электронного отбора и проверки данных кандидатов.

Научная новизна состоит в осмыслении цифровизации внепроцессуальной деятельности органов судейского сообщества на стыке деятельности ККС и современных информационных технологий применительно к реалиям 2025–2026 годов.

Методологическую основу составили общенаучные и частнонаучные методы (анализ, синтез, системный и формально-юридический подходы), обеспечившие всесторонность исследования.

В качестве основной гипотезы выдвинуто следующее предположение: переход от «бумажной» модели кадрового отбора к сквозной цифровизации деятельности ККС с формированием электронных дел кандидатов, автоматизированным межведомственным скринингом через СМЭВ и использованием систем искусственного интеллекта в качестве средств поддержки решений не только сокращает временны́е и организационные издержки, но и меняет саму природу судейского самоуправления.

Автоматизация рутинных проверочных процедур позволит:

— снизить влияние субъективного человеческого фактора и коррупционные риски на этапе первичного кадрового отбора;

— повысить открытость кадрового конкурса для гражданского общества и укрепить доверие к судебной власти;

— сосредоточить интеллектуальные ресурсы членов ККС на содержательной коллегиальной оценке деловых, личностных и этических качеств претендентов.

Критически важное условие достижения этого эффекта — жесткие правовые и этические границы применения технологий.

Искусственный интеллект должен быть юридически ограничен ролью технического ассистента без права формирования итогового вердикта: окончательное решение о рекомендации кандидата на должность судьи остается исключительной прерогативой правосознания членов коллегии, а тайна их волеизъявления может обеспечиваться криптографическими средствами, включая технологии распределенного реестра.

Отбор кандидатов на должность судьи в Российской Федерации является строго регулируемой на законодательном уровне процедурой, регламентируется Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» и проходит на конкурсной основе.

ККС представляют собой базовое звено среди органов, на которые возложена обязанность по формированию судейского корпуса. Наряду с иными функциями они рассматривают заявления на замещение должности судей и, с учетом результатов квалификационного экзамена, рекомендуют кандидатов на должность или отказывают в рекомендации.

ККС проводят заседание на конкурсной основе (если претендентов несколько) и принимают решение о рекомендации кандидата на должность.

При появлении вакантной должности председатель соответствующего суда сообщает об этом в квалификационную коллегию судей (ККС) в течение десяти дней. ККС, в свою очередь, объявляет в средствах массовой информации об открытии судейских вакансий, что является началом процедуры отбора кандидатов на должность судей. Коллегия осуществляет первичный аудит предоставленных биографических данных и обладает полномочиями направлять запросы в государственные органы и учреждения для сбора исчерпывающей информации, необходимой для принятия решения о рекомендации претендента.

1. Электронная подача документов кандидата

Исторически процедура подачи документов требовала личного присутствия либо почтовой пересылки объемного пакета, включающего: подробную анкету (форма утверждается ВККС РФ), медицинские справки, дипломы, трудовую книжку, характеристики. Приоритетным вектором, поддержанным на уровне Совета судей РФ и ВККС в 2025–2026 годах, стало развертывание цифровых приемных на официальных порталах ККС субъектов Российской Федерации.

Так, перевод первичного этапа конкурса в электронную форму решает несколько системных задач:

1. Экстерриториальность и доступность. Кандидаты — сотрудники прокуратуры и следственных органов, практикующие адвокаты из отдаленных регионов — получают возможность дистанционной подачи заявления через верифицированную учетную запись ЕСИА.

2. Форматно-логический контроль. Алгоритмы, встроенные в интерактивные анкеты, исключают типовые технические ошибки: система не позволит отправить пакет документов с пропущенными сведениями о доходах, месте жительства или списке родственников и свойственников.

3. Оптимизация временны́х затрат. Вместо ручной обработки бумажных копий аппарат коллегии сразу полу-

чает структурированные данные, пригодные для внесения в ведомственные базы.

Однако вместе с тем электронный документооборот порождает материально-правовые коллизии — прежде всего вопрос о подлинности предоставляемых документов (дипломов, медицинских заключений). На сегодняшний день этот барьер преодолевается подписанием файлов усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП) либо предоставлением оригиналов на стадии личного собеседования.

2. Автоматизация межведомственной верификации сведений о претендентах

Процесс проверки подлинности анкетных сведений считается наиболее сложным и длительным этапом в деятельности ККС, занимающим по закону до двух месяцев. Чтобы исключить коррупционную составляющую, нерешенные конфликты интересов и наличие судимостей, аппарат коллегии рассылает десятки межведомственных запросов в ФНС, МВД, ФСБ, ЗАГС, Росреестр и другие государственные структуры.

Технологическая модернизация данного направления базируется на сопряжении ГАС «Правосудие» и ведомственных платформ судейского сообщества с каналами Системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ).

Автоматизация запросов обеспечивает качественный прорыв по двум направлениям:

1. Скорость верификации. Ответы Федеральной налоговой службы (о доходах и счетах) и Росреестра (о недвижимости), ранее поступавшие в течение недель, в контурах СМЭВ 3.0/4.0 обрабатываются автоматически за часы или дни.

2. Глубина проверки семейных связей и конфликта интересов. Одна из сложнейших задач ККС — выявление ситуаций, когда родственники кандидата ведут деятельность, несовместимую со статусом судьи в конкретном судебном районе (например, являются практикующими адвокатами или руководят правоохранительными органами). Автоматизированное сопоставление анкетных данных со сведениями ЕГР ЗАГС и реестра адвокатов позволяет выстраивать цифровой профиль связей претендента и выявлять маркеры потенциального конфликта интересов еще до передачи материалов членам коллегии.

Однако ускорение процедур не должно нарушать права самих кандидатов: как отмечается на семинарах-совещаниях председателей ККС, цифровой поток из внешних ведомств может содержать технические ошибки — например, сведения об ошибочно приписанных задолженностях или имуществе. Вот почему процедурные стандарты требуют обязательного ознакомления кандидата с результатами автоматизированных проверок и предоставления ему права на мотивированные возражения.

3. Перспективы и риски применения искусственного интеллекта

В апреле 2025 года под председательством В. В. Момотова состоялось первое заседание рабочей группы по внедрению искусственного интеллекта в судебную систему, задавшее векторы развития институтов на 2026 год.

В кадровом отборе технологии ИИ и предиктивная аналитика могут применяться как системы поддержки принятия решений (СППР), но при строго дозированном внедрении.

Возможные сферы применения:

1. Интеллектуальный скоринг квалификационных тестов и кейсов. При сдаче экзамена ИИ способен проводить первичную оценку письменных ответов (например, выявлять плагиат и заимствования, проверять точность использования правовых дефиниций) и формировать объективный аналитический отчет для экзаменационной комиссии.

2. Анализ судебной практики кандидата. Если кандидат уже работает в судебной системе (мировой судья, помощник судьи), алгоритмы способны за секунды проанализировать массив подготовленных или вынесенных им судебных актов в ГАС «Правосудие», вычисляя долю отмененных или измененных судебных актов, соблюдение процессуальных сроков, стилистическое качество решений. Результат — объективная карта профессиональных компетенций кандидата.

4. Пределы применения и этико-правовые риски

В научной доктрине судоустройства ведется принципиальная дискуссия о недопустимости передачи ИИ права на итоговое заключение.

Отбор кандидатов не сводится к математическому алгоритму: ККС оценивает не только измеримые показатели, но и такие категории, как «безупречная репутация», «высокие моральные качества», «эмоциональная зрелость». ИИ лишен правосознания и эмпатии, а его алгоритмы уязвимы для системных ошибок («галлюцинаций» нейросетей) и дискриминационных искажений обучающей выборки. Отсюда следует вывод: статус ИИ в деятельности ККС должен быть законодательно ограничен ролью технического ассистента, выполняющего первичную обработку данных без права формирования обязательного для коллегии вывода.

Действующее законодательство, в частности Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», нуждается в актуализации применительно к цифровой среде.

Представляется необходимым:

— Законодательно закрепить статус электронного дела кандидата. Личное дело претендента должно формироваться, храниться и передаваться в вышестоящие инстанции (председателю суда, Кадровой комиссии при Президенте РФ) исключительно в электронном виде, за-

веренное электронными подписями членов ККС. Это устранит дублирование документов и ускорит процедуру назначения.

— Внедрить защищенное электронное голосование членов ККС. Современные технические возможности позволяют проводить тайное голосование в защищенном цифровом контуре, в том числе с применением технологий распределенного реестра, что минимизирует риски фальсификаций и укрепляет независимость волеизъявления судей.

— Урегулировать дистанционное участие. Пандемический и постпандемический опыт доказал эффективность веб-конференций (как в арбитражных судах, так и в судах общей юрисдикции). Положение о порядке работы ККС следует дополнить нормами о дистанционном участии кандидатов в заседании посредством защищенных систем видеоконференцсвязи с обязательной биометрической идентификацией участников.

Подводя итог, можно констатировать, что цифровизация кадрового отбора выступает неизбежным этапом модернизации российской судебной системы. Перевод конкурсных процедур в электронную плоскость (от дистанционной подачи заявлений до скрининга по каналам СМЭВ) освобождает квалификационные коллегии от рутинной нагрузки, позволяя сфокусироваться на оценке личностных характеристик кандидатов.

Развитие этого процесса должно идти по трем направлениям, таким как: автоматизация документооборота и межведомственного взаимодействия; цифровизация квалификационного экзамена; внедрение интеллектуальных систем анализа данных для поддержки принятия решений.

В то же время специфика судебной власти диктует необходимость соблюдения жесткого баланса между технологической эффективностью и конституционными гарантиями независимости судейского корпуса. Ключевыми вызовами остаются обеспечение кибербезопасности судейских баз данных и недопущение дегуманизации отбора, поскольку искусственный интеллект может быть эффективным помощником, но последнее слово в оценке личности претендента всегда должно оставаться за человеком, в рассматриваемом случае — за квалификационной коллегией.

Только взвешенный, нормативно урегулированный подход позволит сформировать судейский корпус нового поколения, соединяющий профессионализм с верностью идеалам правосудия.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item
2. Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 11. — Ст. 1022. — URL: https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=100000&volume=1002002011000&page=1&sort=position&limit=50&nd=62&volid=1002002011000
3. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. — 1992. — № 170.
4. Решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 27 мая 2026 г. «О внесении изменений в Положение о порядке работы квалификационных коллегий судей» // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. — 2026. — № 4.
5. 4 апреля 2025 года состоялось первое заседание рабочей группы по внедрению технологий искусственного интеллекта в судебную систему // Официальный сайт Совета судей РФ. — URL: https://ssrf.ru/news/mieropriiatiia/56905?ysclid=mwaylnbmr7656453974
6. Электронное правосудие: монография / Е. В. Бурдина [и др.]; под ред. Е. В. Бурдиной; С. В. Зуева. — М.: РГУП, 2021. — 327 с.
7. Аведьян, М. Е. Цифровизация деятельности аппарата суда: правовые и организационные вызовы // Вестник науки. — 2026. — 25 окт. — URL: https://www.вестник-науки.рф/article/33522
8. Сангаджиев, Б. В. Цифровизация судебной деятельности в России // Вестник Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). — 2025. — № 6. — С. 62–68.

Налоговая реформа 2026 года: системные изменения налогового регулирования и их влияние на экономическое развитие

Молчанова Виктория Николаевна, студент
Научный руководитель: Степанян Диана Витальевна, преподаватель
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Краснодар)

В данной статье был проведен всесторонний анализ актуальной налоговой реформы, которая связана с обновлением положений Налогового кодекса Российской Федерации. В статье также проводится всесторонняя характеристика клю-

чевых нововведений в области налогового права Российской Федерации. Среди них выделяется повышение базовой ставки налога на добавленную стоимость (НДС) с 20 до 22 %, что, по мнению отечественных экспертов, направлено на стимулирование фискальной устойчивости государства. Автором рассмотрено трехкратное снижение порогового значения доходов для освобождения от уплаты НДС налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения (УСН), с 60 до 20 миллионов рублей. Важно отметить, что данный лимит будет зафиксирован до конца 2029 года, что предполагает долгосрочную стабильность для бизнеса.

Ключевые слова: *налоговое право, реформа, экономическое развитие, современные изменения, правовое регулирование, бюджет, системное изменение, НДС 22 %, упрощенная система налогообложения.*

Налоговая реформа является одной из наиболее серьезных и важных реформ, осуществляемых в настоящее время в государственном аппарате. Данная реформа оказывает значительное влияние на различные аспекты социально-экономической системы, затронув широкий спектр общественных отношений и государственных механизмов.

Взаимодействие между операторами цифровых платформ и налоговыми органами — значимый механизм для обеспечения прозрачности и подотчетности в сфере электронной коммерции. Такое взаимодействие позволяет надлежащим образом интегрировать цифровые технологии в процесс налогового администрирования, что способствует минимизации теневых экономических операций и повышению уровня налоговой дисциплины среди участников налоговых правоотношений.

С 1 сентября 2026 года уже вступил в силу новый механизм налогового вычета, предназначенный для стимулирования долгосрочных сбережений граждан. Данный вычет будет предоставляться в размере уплаченных в налоговом периоде страховых взносов по договорам добровольного страхования жизни (ДВСЛ), заключенным с 2025 года. Важно отметить, что ранее подобные взносы могли быть учтены только в рамках социального налогового вычета.

Взносы по договорам добровольного страхования жизни, уплаченные в 2025 году, сохраняют возможность их учета в составе социального налогового вычета в соответствии с декларацией формы 3-НДФЛ, но начиная с 1 сентября 2026 года налогоплательщики получили возможность выбора между использованием нового вида вычета по декларации формы 3-НДФЛ или применением упрощенного порядка налогообложения. Доходы, полученные с 1 января 2026 года, взносы по договорам добровольного страхования жизни могут быть учтены исключительно в рамках нового механизма налогового вычета на долгосрочные сбережения граждан.

Следует подчеркнуть, что расходы, связанные с уплатой взносов по договорам добровольного страхования жизни, а также по договорам негосударственного пенсионного обеспечения (НПО) и долгосрочных сбережений (ДС), наряду с денежными средствами, внесенными по договорам на ведение индивидуального инвестиционного счета (ИИС), подлежат учету в пределах установленного лимита налоговых вычетов на долгосрочные сбережения граждан. Данный лимит составляет 400 000 рублей за налоговый период, который соответствует календарному году.

Согласно Федеральному закону от 28 ноября 2025 года № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» [3] и Приказу ФНС России от 31 августа 2026 года № ЕД-1–23/634@ «Об утверждении Порядка взаимодействия структурных подразделений центрального аппарата ФНС России, межрегиональных (межрайонных) инспекций ФНС России по крупнейшим налогоплательщиков и территориальных налоговых органов при подготовке организаций к переходу на налоговый мониторинг» [7], в рамках совершенствования системы налогового контроля был расширен перечень оснований для досрочного прекращения налогового мониторинга. Федеральная налоговая служба уточнила, что мониторинг может быть прекращен в случае наступления следующих событий: неисполнение организацией регламента информационного взаимодействия, установленного в рамках налогового мониторинга; представление компанией недостоверной информации, что является существенным нарушением процедур налогового контроля; систематическое несоблюдение сроков и порядка представления документов, информации и пояснений, необходимых для проведения мониторинга; ликвидация или реорганизация организации, при условии, что правопреемник не вступил в налоговый мониторинг в установленный срок; исключение организации из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ), что влечет за собой автоматическое прекращение мониторинга; обнаружение налоговыми органами неактуальности документов, представленных правопреемником, в течение месяца с момента его создания, а также несоответствие регламента информационного взаимодействия, информационных систем и систем внутреннего контроля установленным требованиям.

С 1 сентября 2026 года были внесены изменения, касающиеся правопреемников организаций, прошедших налоговый мониторинг. Теперь правопреемник может подать заявление на участие в налоговом мониторинге без выполнения дополнительных условий, если мониторинг ранее проводился в отношении реорганизованной организации. В случае реорганизации срок проведения налогового мониторинга не прерывается, при условии, что правопреемник своевременно вступил в мониторинг.

Федеральная налоговая служба также утвердила регламент взаимодействия налоговых органов в процессе перехода компаний на налоговый мониторинг. В соответствии с данным регламентом, организации, планирующие переход и подавшие дорожную карту или заявление о вступлении, будут находиться под сопровождением межрегиональной или межрайонной инспекции по крупнейшим налогоплательщикам.

Важно отметить и отмену пониженного тарифа страховых взносов для большинства субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП), что, по всей видимости, направлено на оптимизацию налоговой нагрузки на эти категории налогоплательщиков. Перевод налога на игорный бизнес в разряд федеральных платежей также рассматривается как важный элемент налоговой реформы, способствующий унификации налогового законодательства на всей территории Российской Федерации.

На сегодняшний день также подлежит изменению перечень льготных операций по НДС и корректировка ставок акцизов, что может оказать значительное влияние на структуру и динамику налоговых поступлений.

С 1 октября 2026 года вступил в силу Федеральный закон от 31 июля 2025 года № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [2]. Данный нормативно-правовой акт устанавливает унифицированные правила взаимодействия цифровых платформ с участниками сделок, осуществляемых в рамках реализации товаров, выполнения работ и оказания услуг.

В рамках реализации данного закона, постановлениями Правительства РФ от 28 января 2026 года № 54 «Об утверждении дополнительных критериев отнесения цифровой платформы к посредническим цифровым платформам» [4] и Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2026 года № 504 «Об утверждении Правил формирования и ведения реестра посреднических цифровых платформ» [5], Минэкономразвития России обнародовало на своем официальном сайте реестр посреднических цифровых платформ. Данный реестр является систематизированным перечнем цифровых платформ, осуществляющих посредническую деятельность в сфере электронной коммерции.

С момента вступления закона в силу, операторы посреднических цифровых платформ обязаны обеспечить информационное взаимодействие с налоговыми органами в соответствии с установленными правилами. Указанные правила обмена информацией между операторами платформ и налоговыми органами о партнерах цифровых платформ утверждены постановлением 766 «Об утверждении Правил осуществления информационного взаимодействия операторов посреднических цифровых платформ с налоговыми органами» [6].

Еще одним важным изменением является то, что владельцам электромобилей в Республике Башкортостане отменили льготы на транспортный налог. В свою очередь, в Свердловской области отменена льгота для автомобилей до 100 лошадиных сил, а жители Новосибирской области столкнутся с ростом ставки налога на автомобиль, которая значительно отличается с условиями иных субъектов Российской Федерации. Законопроект, касающийся регулирования транспортного налогообложения, был тщательно рассмотрен в профильном комитете Законодательного собрания. По итогам детального анализа и обсуждения депутаты пришли к выводу о целесообразности вынесения документа на сессию для последующего принятия в первом чтении. В случае утверждения законопроекта, новые ставки транспортного налога вступят в силу с 1 января 2027 года. Здесь крайне важно отметить, что первые платежи по обновленным ставкам будут начислены автомобилистам только в 2028 году, при условии уплаты до 1 декабря данного года. Таким образом, квитанции за 2026 год не будут отражать данное повышение налоговых ставок.

Представители органов власти Новосибирской области обосновывают данную инициативу необходимостью адаптации налоговой политики к текущим экономическим условиям и прогнозируемым изменениям в сфере транспортного рынка.

В Ростове-на-Дону в течение 3-х лет планируется поднять налог до разрешенного максимума (ставка Налогового кодекса, умноженная на 10).

Налоги также поднимаются на землю и имущества. К причинам такого изменения стоит отнести переоценку кадастровой стоимости. Такая переоценка осуществляется один раз в 4 года, а в Москве и Санкт-Петербурге один раз в 2 года.

С налогового периода 2026 года будет расширен механизм предоставления налогового вычета по налогу на имущество физических лиц. В частности, будет введено уменьшение налоговой базы на величину кадастровой стоимости в размере 5 квадратных метров общей площади квартиры, части квартиры, комнаты, а также 7 квадратных метров общей площади жилого дома или части жилого дома. Данная льгота будет распространяться на родителей и опекунов, имеющих трех и более детей в возрасте до 23 лет, при условии, что указанные дети обучаются в образовательных организациях по очной форме.

Так, в 2026 году ФССП станет легче добраться к деньгам недобросовестных должников, которые скрываются с целью обхода системы налогообложения. Субъекты, стремясь уклониться от налоговых обязательств, прибегают к различным схемам сокрытия активов, что требует от ФССП разработки более изощренных и действенных методов выявления и принудительного взыскания задолженности.

Детально органами власти анализируется реакция налогоплательщиков на расширение круга плательщиков НДС, рассматривая модели выбора между общей ставкой с правом на вычет входного налога и пониженными ставками в 5 % и 7 %. В результате проведенного анализа оцениваются фискальные результаты реформы, включая рост поступлений НДС за восемь месяцев 2026 года на 26,3 %, что составляет 108 миллиардов рублей, в том числе за счет нового порога на УСН в Российской Федерации.

В рамках фискальной политики государства было принято решение о повышении базовой ставки налога на добавленную стоимость (НДС) с 20 % до 22 %. Такое изменение является ключевым элементом налоговой реформы, направленной на увеличение поступлений в государственный бюджет и стимулирование экономической активности.

Федеральной Налоговой службой были скорректированы расчетные ставки НДС, что позволяет обеспечить точность и справедливость налогообложения. В частности, ставка 20/120 % была изменена на 22/122 %, а ставка 16.67 % трансформировалась в 18.03 %. Следует отметить, что данное повышение ставок НДС может оказать значительное влияние на макроэкономические показатели, включая уровень цен, инфляционные процессы и конкурентоспособность бизнеса.

В соответствии с Федеральным Законом от 28 ноября 2025 года № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» внесены существенные коррективы в механизмы зачета и возврата денежных средств в контексте исполнения налоговых обязательств. Данные изменения направлены на оптимизацию процедур, связанных с зачетом и возвратом средств.

Одним из ключевых нововведений является уточнение правил, регулирующих ситуацию, когда денежные средства в счет исполнения обязанности плательщика или налогового агента перечисляются иным лицом. В таких случаях возврат средств осуществляется на счет, известный налоговым органам, с которого были перечислены указанные средства.

Особое внимание уделено механизму зачета денежных средств со счета плательщика в пользу другого лица. Согласно новым положениям, сумма, образовавшаяся на едином налоговом счете (ЕНС) другого лица в результате такого зачета, не подлежит возврату. Данное нововведение направлено на предотвращение нецелевого использования денежных средств и обеспечение их целевого назначения.

Федеральная налоговая служба разъяснила, что зачет денежных средств в пользу другого лица допустим только при наличии у получателя актуальной налоговой обязанности, которая может быть представлена в следующих формах: просроченные платежи (долг) и платежи по ненаступившим срокам, подтвержденные декларацией, расчетом или налоговым уведомлением, представленными в инспекцию.

В случае, если сумма, указанная в заявлении о зачете, превышает размер существующих налоговых обязательств, зачет производится в пределах суммы обязательств. Также был расширен перечень случаев, при которых в зачете может быть отказано.

Дополнительно Федеральная Налоговая служба отметила, что при осуществлении зачета необходимо учитывать наличие и размер текущих налоговых обязательств иного лица, а также источник формирования положительного сальдо на ЕНС.

При применении налогового законодательства Российской Федерации, необходимо учитывать, что корректировка ошибок, допущенных в предыдущих налоговых периодах, не допускается в случае изменения налоговых ставок в текущем отчетном периоде, что регламентируется пунктом 1 статьи 54 Налогового кодекса Российской Федерации [1].

Ограничения на учет убытков, понесенных в предыдущие налоговые периоды (не более 50 %), будут действовать до 2030 года включительно, что подтверждается пунктом 2.1 статьи 283 Налогового кодекса Российской Федерации.

Делается акцент, что инвестиционный налоговый вычет был расширен и теперь включает затраты, определенные законодательством субъекта Российской Федерации, на территории которого действует инвестиционный налоговый вычет. Максимальная сумма вычета может достигать 100 % от указанных затрат, что регламентируется подпунктом 11 пункта 2 статьи 286.1 Налогового кодекса Российской Федерации.

Дополнительно был расширен периметр федерального инвестиционного налогового вычета, предусмотренный пунктом 3 статьи 286.2 Налогового кодекса Российской Федерации. Теперь право на данный вычет может быть передано любой организации, независимо от основного вида экономической деятельности (ОКВЭД), входящей в ту же группу компаний. При этом, согласно перечню Правительства Российской Федерации, ОКВЭД, относящийся к видам деятельности, связанным с осуществлением расходов, должен быть присвоен только организации, непосредственно осуществляющей такие расходы.

В рамках налогового законодательства Российской Федерации предусмотрено освобождение организаций от уплаты налога на имущество в отношении объектов, безвозмездно предоставленных для размещения участков исправительных центров уголовно-исполнительной системы.

Федеральным законом от 4 августа 2026 года № 293-ФЗ внесены уточнения в процедуру расчета налога на добавленную стоимость (НДС) в ситуациях, когда данный налог подлежит предъявлению покупателю, не обладающему правом на его вычет в соответствии с налоговым законодательством.

В случае, если после заключения договора произошли изменения в Налоговом кодексе Российской Федерации, приведшие к возникновению у продавца обязанности по уплате НДС, при отсутствии у покупателя права на налоговый вычет, продавец обязан исчислять налог расчетным методом, основываясь на цене договора. Данный порядок подлежит применению при соблюдении двух ключевых условий, а именно — стороны не осуществляли корректировку цены договора в порядке, предусмотренном гражданским законодательством, или договор не содержит положений, регламентирующих порядок взаимодействия сторон в случае изменений налогового законодательства. В таких ситуациях выставление счет-фактуры не предусмотрено. В иных случаях налогоплательщик или налоговый агент обязан предъявлять покупателю НДС сверх

установленной цены (тарифа) товаров (работ, услуг), имущественных прав, что регламентируется действующим налоговым законодательством.

Наконец, с 1 ноября 2026 года в соответствии с законодательными изменениями, информация об уплате налогов, пошлин и административных штрафов должна быть оперативно интегрирована в Государственную информационную систему о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП). Временной интервал для передачи данных не должен превышать одного часа с момента принятия платежа к исполнению, что является крайне важным для обеспечения прозрачности фискальных операций на государственном уровне.

Итак, налоговая реформа включает повышение базовой ставки налога на добавленную стоимость (НДС) до 22 %, расширение круга налогоплательщиков, а также внедрение инновационных механизмов взаимодействия цифровых платформ с налоговыми органами.

Одновременно с этим, реформа предусматривает отмену отдельных региональных льгот, что направлено на выравнивание налоговой нагрузки и повышение фискальной дисциплины на региональном уровне.

В совокупности, проведенные преобразования направлены на достижение нескольких ключевых целей таких как увеличение доходов бюджетной системы и унификацию налогового законодательства.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 31. Ст. 3824.
2. Федеральный закон от 31 июля 2025 года № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 32. Ст. 5253.
3. Федеральный закон от 28 ноября 2025 года № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 49. Ст. 5254.
4. Постановление Правительства РФ от 28 января 2026 года № 54 «Об утверждении дополнительных критериев отнесения цифровой платформы к посредническим цифровым платформам» // СЗ РФ. 2026. № 5. Ст. 571.
5. Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2026 года № 504 «Об утверждении Правил формирования и ведения реестра посреднических цифровых платформ» // СЗ РФ. 2026. № 18. Ст. 2014.
6. Постановление Правительства РФ от 20 июня 2026 года № 766 «Об утверждении Правил осуществления информационного взаимодействия операторов посреднических цифровых платформ с налоговыми органами» // СЗ РФ. 2026. № 26. Ст. 2905.
7. Приказ ФНС России от 31 августа 2026 года № ЕД-1–23/634@ «Об утверждении Порядка взаимодействия структурных подразделений центрального аппарата ФНС России, межрегиональных (межрайонных) инспекций ФНС России по крупнейшим налогоплательщиков и территориальных налоговых органов при подготовке организаций к переходу на налоговый мониторинг» // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/ (дата обращения: 03.11.2026).

Правовое регулирование договора банковского счета

Морозов Николай Александрович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Исследуются правовая природа договора банковского счета, порядок его заключения и прекращения, обязанности банка и гарантии клиента. Анализируются ограничения операций, банковские комиссии и судебная практика. Обосновывается необходимость оценивать вмешательство банка по его правовому основанию, соразмерности и фактическому влиянию на доступ клиента к средствам. Предлагаются меры по повышению прозрачности обслуживания.

Ключевые слова: *договор банковского счета, банковские операции, права клиента, финансовый мониторинг, банковские комиссии, дистанционное обслуживание, ответственность банка.*

Введение

Банковский счет используется для получения доходов, оплаты товаров и расчетов с контрагентами. Исполняя распоряжения клиента, банк одновременно проверяет операции в силу возложенных на него законом обязанностей. Отсюда возникает вопрос: в каких случаях отказ в платеже защищает законные интересы участников оборота, а в каких необоснованно ограничивает владельца счета?

В статье исследуются пределы усмотрения банка при обслуживании счета на основе законодательства, на-

учных публикаций и судебной практики. Основное внимание уделяется ограничениям операций и изменению комиссий. Материалы проверены по состоянию на 12 ноября 2026 года.

Правовая природа договора и система его регулирования

Основу регулирования составляет глава 45 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). Обязанности банка охватывают зачисление поступлений, исполнение платежных распоряжений, выдачу денег и другие операции по счету [1, ст. 845, п. 1]. Назначение договора состоит в расчетном обслуживании клиента. Этим он отличается от банковского вклада, для которого на первый план выходит сбережение средств.

Договор является консенсуальным: обязанность обслуживать счет возникает из соглашения сторон и не обусловлена предварительным внесением средств. Будущие расчетные операции не превращают уже действующий договор в предварительный.

Публичный характер договора остается спорным. А. В. Турбанов отстаивает его самостоятельность, публичность и возмездность [6]. А. О. Власенко и А. А. Масалимова, признавая самостоятельность и консенсуальность, отрицают публичность [7, с. 258–259]. Представляется, что практические гарантии клиента следует выводить прежде всего из специальной статьи 846 ГК РФ: доктринальный спор не отменяет прямо закрепленной обязанности банка заключить договор при соблюдении законных условий.

Плату за обслуживание необходимо отличать от процентов на остаток. Статья 851 ГК РФ связывает оплату услуг с договором, а статья 852 допускает договорное отступление от начисления процентов клиенту. Возмездность поэтому не означает обязательности комиссии за каждую операцию. Если размер подлежащих уплате процентов не согласован, применяется ставка, обычно уплачиваемая банком по вкладам до востребования; минимального уровня в размере ключевой ставки статья 852 не устанавливает [1, ст. 851–852].

Гражданско-правовую основу дополняют Закон о банках и банковской деятельности, Закон № 115-ФЗ о противодействии легализации преступных доходов и Закон № 161-ФЗ о национальной платежной системе. Процедуры работы со счетами конкретизированы Инструкцией Банка России № 204-И [2, ст. 5, 30; 3, ст. 7; 4, ст. 8–9; 5, гл. 1]. Договорные условия действуют в пределах обязательных норм: подписание банковской формы не легализует противоречащее закону условие.

Заключение договора и содержание обязательств сторон

Статья 846 ГК РФ обязывает банк заключить договор с лицом, обращающимся на объявленных для соответствующего вида счетов условиях. Исключения связаны с отсутствием возможности принять клиента либо с иными предусмотренными правовыми актами основаниями. При необоснованном уклонении применяется защита по пункту 4 статьи 445 ГК РФ [1, ст. 846, п. 2]. Одного отсутствия коммерческого интереса для отказа недостаточно.

До приема на обслуживание проводится предусмотренная законом идентификация. Банк устанавливает сведения о клиенте и его представителе, а в необходимых случаях — о выгодоприобретателе и бенефициарном владельце. Инструкция № 204-И определяет организационную процедуру работы со счетами, включая документы и банковские правила; Закон № 115-ФЗ устанавливает обязанности, связанные с идентификацией и оценкой риска [3, ст. 7, п. 1; 5, гл. 1, 3, 8]. Эти требования входят в правовой механизм заключения договора, но не позволяют требовать от любого клиента произвольный объем сведений без связи с установленными законом задачами.

При дистанционном обслуживании важно установить, какие условия действовали в момент спорной операции. Для этого нужны договор, тарифы и уведомления об изменениях. Если условия размещены только на обновляемой странице, восстановить прежнюю редакцию трудно. Поэтому клиенту следует предоставлять возможность сохранить принятые им условия с датой начала их применения.

Банк обязан надлежащим образом совершать операции по счету. Их круг и сроки регулируются статьями 848 и 849 ГК РФ. Клиент направляет распоряжения в согласованном порядке, подтверждает полномочия представителей и представляет необходимую по закону информацию. Право банка использовать остаток не позволяет задерживать платежи ради собственных финансовых интересов [1, ст. 845, п. 2; ст. 847–849].

Списание по общему правилу производится на основании распоряжения клиента. Без такого распоряжения оно допускается по решению суда, в установленных законом случаях либо на основании соглашения банка и клиента. При недостаточности средств применяется установленная законом очередность [1, ст. 854–855]. Поэтому условие о безакцептном списании необходимо оценивать применительно к конкретному обязательству: согласие на определенный платеж не означает разрешения банку распоряжаться всем остатком по собственному усмотрению.

Банк обязан обеспечивать тайну сведений о счете, операциях и клиенте; раскрытие допускается в предусмотренном законом порядке [1, ст. 857; 2, ст. 26]. Контрольные функции не отменяют конфиденциальности. Правомерный обмен сведениями с уполномоченными органами необходимо отличать от передачи информации за пределами законных полномочий.

Ограничения операций и гарантии распоряжения средствами

Запрет банка произвольно определять направления расходования средств закреплен в пункте 3 статьи 845 ГК РФ. Однако статья 858 и специальные законы допускают

ограничения операций [1, ст. 845, п. 3; ст. 858]. Противоречия здесь нет: банк исполняет установленную законом контрольную обязанность, но должен действовать в пределах конкретного основания. Общей ссылки на необходимость проверки недостаточно для объяснения любой задержки платежа.

Для разрешения спора нужно установить, что именно сделал банк. Отказ в платеже, приостановление операции, отключение электронного средства платежа и расторжение договора влекут разные последствия. Выражение «блокировка счета» скрывает эти различия. Клиенту необходимо знать, какие операции доступны, сколько действует ограничение и как добиться пересмотра решения.

В рамках Закона № 115-ФЗ банк идентифицирует участников отношений, оценивает риск и анализирует операции. Закон предусматривает специальные основания отказа в выполнении распоряжения и процедуры представления клиентом документов для пересмотра решения [3, ст. 7, п. 11, 13.4]. Из этого следует, что подозрение должно оцениваться применительно к обстоятельствам обслуживания и платежа. Сам факт крупной суммы или необычного контрагента не равнозначен доказанности противоправной деятельности, хотя может обусловить дополнительную проверку в соответствии с законом.

Запрос банка должен давать клиенту возможность подготовить содержательный ответ. Например, документы об источнике поступления и договор с контрагентом объясняют обстоятельства конкретного платежа. Требование подтвердить всю деятельность без уточнений оставляет неясным, каких сведений недостает. Более определенная формулировка запроса уменьшила бы число повторных обращений. При этом банк обязан соблюдать законодательные запреты на раскрытие сведений об отдельных контрольных мероприятиях.

Закон № 161-ФЗ решает иную задачу — в том числе предупреждение переводов без добровольного согласия клиента. Банк России сообщает, что с 1 января 2026 года перечень признаков мошеннических переводов расширен с шести до двенадцати приказом от 5 ноября 2025 года № ОД-2506; применение одного из новых признаков предусмотрено с 1 марта 2026 года. При выявлении предусмотренных признаков используются специальные процедуры приостановления либо отказа в совершении операции и уведомления клиента [4, ст. 8–9; 10]. Эти правила нельзя подменять процедурами финансового мониторинга по Закону № 115-ФЗ: различаются защищаемые интересы, основания вмешательства и порядок дальнейших действий.

Подтверждение операции кодом само по себе не отвечает на вопрос, исполнил ли банк обязанности по предупреждению мошеннического перевода. Проверке подлежат обстоятельства платежа и действия обеих сторон, включая направление уведомлений. Вместе с тем заявление клиента о совершенном обмане не дает безусловного права на возврат любой суммы: основания возмещения определяются специальными нормами Закона № 161-ФЗ [4, ст. 9].

В материале Верховного Суда РФ от 16 февраля 2026 года рассмотрены убытки от ограничения дистанционного обслуживания. Суд учел возможность клиента в разумные сроки посетить отделение и передать распоряжение на бумаге либо через сотрудника. Такая возможность имелась, и во взыскании убытков было отказано [9]. Это не подтверждает законность любого отключения интернет-банка. По мнению автора, необходимо оценивать реальный доступ к расчетам: формальное наличие отделения не заменяет проверки его доступности и возможности своевременно выполнить платеж.

Прекращение договора и развитие специальных режимов

По пункту 1 статьи 859 ГК РФ клиент вправе расторгнуть договор банковского счета в любое время. Для банка предусмотрены специальные основания и процедуры, причем правила о неиспользуемом счете различаются для гражданина, не являющегося предпринимателем, и для организации или индивидуального предпринимателя. Поэтому неверно переносить условия прекращения обслуживания одной категории клиентов на другую. Расторжение договора служит основанием закрытия счета, однако не прекращает само по себе обязанность урегулировать судьбу остатка [1, ст. 859].

Остаток по общему правилу выдается либо переводится не позднее семи дней после соответствующего письменного заявления с учетом законного исключения [1, ст. 859, п. 5]. Прекращение использования карты не тождественно закрытию счета: карта является инструментом доступа, а не самим договором.

Развитие регулирования проявляется в появлении специальных гарантий для отдельных категорий клиентов. Статья 36.4 Закона о банках и банковской деятельности регулирует социальный банковский счет. Его заключение связано с получением предусмотренных мер социальной поддержки и использованием Единого портала. Соответствующие положения применяются к системно значимым кредитным организациям с 1 июля 2025 года, а к иным кредитным организациям — с 1 января 2027 года [2, ст. 36.4; 11]. Следовательно, по состоянию на дату исследования нельзя говорить об одинаковой обязанности всех банков предоставлять этот продукт.

Социальный счет показывает возможность ограничения договорного усмотрения ради доступности финансовых услуг. Специальные режимы требуют самостоятельной квалификации: в частности, обычный счет нельзя отождествлять со счетом цифрового рубля, для которого действуют специальные нормы [1, ст. 845, п. 7; 4, ст. 30.8].

Заключение

Рассмотренные споры показывают, что наличие у банка контрольных полномочий еще не решает вопрос о правомерности конкретного ограничения. Необходимо

установить основание меры, ее продолжительность и последствия для клиента. При этом оценка должна учитывать не только договор, но и возможность фактически провести законный платеж.

Из анализа следуют несколько предложений для практики банковского обслуживания. В уведомлении об ограничении следует указывать его правовое основание и доступные клиенту действия, насколько это допускается законом. Договор должен объяснять, как подать распоряжение при отключении дистанционного доступа. Прежние редакции тарифов необходимо сохранять, чтобы клиент и суд могли сопоставить условия до и после изменения. При рассмотрении спора о комиссии требуется оценивать, не препятствует ли ее размер распоряжению средствами.

Проверка конкретных обстоятельств должна иметь приоритет перед общей ссылкой на внутренние правила банка. Клиенту нужны понятная причина отказа и возможность представить документы либо обжаловать ограничение. Это позволяет защитить его интересы, сохраняя обязательный контроль.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Глава 45 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 06.11.2026).
2. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395–1 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 12.11.2026).
3. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 10.11.2026).
4. О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 12.11.2026).
5. Об открытии, ведении и закрытии банковских счетов и счетов по вкладам (депозитам): Инструкция Банка России от 30.06.2021 № 204-И (ред. от 27.12.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_393919/ (дата обращения: 01.11.2026).
6. Турбанов А. В. Договор банковского счета: признаки мнимые и реальные // Банковское право. 2024. № 4. С. 44–57. DOI: 10.18572/1812–3945–2024–4–44–57. URL: https://doi.org/10.18572/1812–3945–2024–4–44–57 (дата обращения: 01.11.2026).
7. Власенко А. О., Масалимова А. А. К вопросу о правовой природе договора банковского счета в российском гражданском праве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 10–1 (97). С. 258–260. DOI: 10.24412/2500–1000–2024–10–1–258–260. URL: https://sciup.org/170206859 (дата обращения: 01.11.2026).
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2, 3 (2024): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2024. Пункт 23 // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/411009144/ (дата обращения: 02.11.2026).
9. Верховный Суд РФ разъяснил, в каком случае банк может ограничить дистанционное обслуживание счета клиента // Верховный Суд Российской Федерации. 16.02.2026. URL: https://www.vsrf.ru/news/35507 (дата обращения: 12.11.2026).
10. Блокировка карт: вопросы и ответы о применении Федерального закона № 161-ФЗ // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/faq/information_security/blokirovka-kart/ (дата обращения: 02.11.2026).
11. Банковский сектор: вопросы и ответы о социальном банковском счете и социальном банковском вкладе // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/faq/bank_s/ (дата обращения: 30.10.2026).

Налоговые льготы, специальные налоговые режимы, механизмы налогового контроля в Российской Федерации

Морозова Любовь Владимировна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассмотрены налоговые льготы, специальные налоговые режимы, механизмы налогового контроля Российской Федерации.

Ключевые слова: *налог, налоговые льготы, налоговая система, налоговый кодекс, специальный налоговый режим, налоговый контроль.*

Актуальность темы «Налоговые льготы, специальные налоговые режимы, механизмы налогового контроля в Российской Федерации» неоспорима, так как в настоящее время в России уделяется особое внимание налоговой системе. Разрабатываются и публикуются новые законы, проекты и нормативные акты по улучшению, со-

вершенствованию налоговой системы. Идет формирование нового подхода к разработке и реализации инструментов воздействия фискальной политики государства на развитие динамики макроэкономических показателей государственной экономики. Данные реформы свидетельствуют о стремлении РФ изменить экономическое положение в стране в лучшую сторону.

Одним из экономических рычагов, при помощи которых государство влияет на рыночную экономику, являются налоги. В рыночной экономике каждая страна налоговую политику использует как своего рода регулятор воздействия на негативные рыночные явления. Налоги, как и вся налоговая система, являются мощным инструментом управления экономикой в рыночных условиях.

Применение налогов является одним из экономических методов управления и обеспечения взаимосвязи национальных интересов с коммерческими интересами предпринимателей, предприятий независимо от ведомственной подчиненности, форм собственности и организационно-правовой формы предприятия. С помощью налогов формируются взаимоотношения предпринимателей, предприятий всех форм собственности с государственными и местными бюджетами, с банками, а также с вышестоящими организациями. Кроме того, при помощи налогов регулируется внешнеэкономическая деятельность, в том числе вовлечение иностранных инвестиций, формируются хозрасчетные доходы и прибыль предприятий [3, с. 1].

В соответствии со статьей 8 Налогового кодекса Российской Федерации под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований. Под сбором понимается обязательный взнос, взимаемый с организаций и физических лиц, уплата которого является одним из условий совершения в отношении плательщиков сборов государственными органами, органами местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий, в том числе предоставления определенных прав или выдачи разрешений (лицензий).

Налоговая система — это совокупность налогов и сборов, взимаемых с плательщиков в порядке и на условиях, определенных Налоговым кодексом, формы и методы их построения, способы исчисления налогов и налоговый контроль.

Т. Ф. Юткина понимает под налоговой системой институциональное образование, смысл которого заключается в функционировании всей совокупности налоговых форм на основе фундаментальных принципов налогообложения, обеспечивающих компромисс различных финансовых интересов [11, с. 10].

В. Г. Пансков считает, что «налоговая система — это совокупность предусмотренных налогов, принципов, форм и методов их установления, изменения или отмены, уплаты и применения мер по обеспечению их уплаты, осуществления налогового контроля, а также привлечения к ответственности за нарушение налогового законодательства» [9, с. 20].

Основными органически связанными элементами налоговой системы являются система налогов и налоговый механизм.

Налоговая система — это совокупность налогов, сборов, пошлин и других приравненных к налогам платежей, взимаемых на территории государства в течение определенного периода. Налог на добавленную стоимость, акцизный налог, налог на прибыль (доход) юридических лиц, подоходный налог с физических лиц, таможенные пошлины, платежи в социальные фонды, налог с продаж являются основными налогами, посредством которых формируется преобладающая масса бюджетных доходов, как в российской, так и в мировой практике. Налоговый механизм — более широкое понятие, чем налоговая система, представляет собой совокупность всех средств и методов организационно-правового характера, направленных на реализацию налогового законодательства. Через налоговый механизм реализуется налоговая политика государства, формируются основные количественные и качественные характеристики налоговой системы, ее целевой направленностью является решение конкретных социально-экономических задач [4, с. 54].

Налоговая система подвержена постоянным изменениям под воздействием внутренних и внешних факторов (влияний), т. е. является не статической, а динамической системой.

Сегодня российскую налоговую систему можно классифицировать как умеренно фискальную, прямую, централизованную, нейтральную.

Законодательная база налоговой системы Российской Федерации определяется Налоговым кодексом (НК). В России общую линию налогового законодательства определяется Советом Федерации, Государственной Думой, Президентом РФ и Правительством РФ. Государственная Дума рассматривает вопросы налогового законодательства и принимает законы о налогообложении, которые вступают в силу с одобрения Совета Федерации и подписью Президента [1, 2].

Налоговый кодекс Российской Федерации — это единый, взаимосвязанный и комплексный документ, учитывающий всю систему налоговых отношений в Российской Федерации.

Налоги были и остаются основными источниками государственных доходов. На ранних этапах развития человеческого общества государственные доходы и расходы носили естественный и материальный характер. В последующем налоги приобретают характер товарно-денежных отношений, а государственные доходы и расходы выражаются преимущественно в денежной форме. По образному выражению К. Маркса «налоги — это ма-

теринская грудь, кормящая государство, или пятый Бог наряду с собственностью, семьей, порядком и религией» [6, с. 83].

Помимо налогов существуют и налоговые льготы. В Налоговом кодексе РФ есть отдельная статья, посвящённая льготам, это статья 407. В ней закреплено, какие категории налогоплательщиков имеют право на льготу (например, Герои СССР и РФ, инвалиды I и II групп, ветераны боевых действий, лица, подвергшиеся воздействию радиации). Также статья регулирует, как именно льгота применяется: в каком размере, в отношении каких объектов, как налогоплательщику заявить о своём праве (подать заявление в налоговый орган).

Льгота — это преимущество по сравнению с общим порядком: освобождение от налога, пониженная ставка, вычет, спецрежим или отсрочка. В Налоговом кодексе они распределены по группам:

По субъекту — для отдельных категорий налогоплательщиков: малых предприятий, резидентов ОЭЗ, IT-компаний, медучреждений и др.

По объекту — освобождение от налога отдельных операций или имущества.

По ставке — пониженные ставки (например, 0 % по налогу на прибыль для образовательных и медицинских организаций, льготный 5 % для аккредитованных IT-компаний).

По налоговой базе — вычеты и уменьшение базы (стандартные, социальные, имущественные вычеты по НДФЛ; с 2025 года вычет на второго ребёнка — 2 800 рублей, на третьего и последующих — 6 000 рублей, лимит дохода для них поднят до 450 000 рублей в год).

По срокам — «налоговые каникулы» (0 % для впервые зарегистрированных ИП на УСН и ПСН по решению регионов), отсрочки и рассрочки.

Примеры действующих льгот: пониженные тарифы страховых взносов для приоритетных отраслей МСП и IT (с 2026 года общую льготу 15 % отменили, она осталась только для отраслей из перечня Правительства при доле профильной выручки не менее 70 %), нулевая ставка НДС на российское ПО из реестра, освобождение от НДС образовательных и медицинских услуг, инвестиционный налоговый вычет по прибыли (ст. 286.1 НК РФ).

Помимо налоговых льгот существует и такая мера поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, как специальные налоговые режимы.

Спецрежим — форма льготы, заменяющая совокупность налогов одним. Всего их пять, исчерпывающий перечень которых приведен в таблице 1.

Таблица 1. **Особенности специальных налоговых режимов**

Режим налогообложения	Кто применяет	Лимит дохода	Ставки налога	Особенности применения
УСН	ООО и ИП	450,5 млн руб. (2026 год)	6 % «доходы» / 15 % «доходы – расходы» (минимальный налог 1 %)	До 130 сотрудников; с 2026 освобождение от НДС — только до 20 млн руб. выручки
АУСН	ООО и ИП	60 млн руб.	8 % «доходы» / 20 % «доходы – расходы» (минимальный налог 3 %)	До 5 сотрудников, налог считает ФНС, нет деклараций, взносы только «за травматизм»
НПД (самозанятость)	Физлица и ИП	2,4 млн руб.	4 % с физлиц / 6 % с юрлиц	Без работников и отчётности, эксперимент до конца 2028 года
ПСН (патент)	ИП	20 млн руб (2026 год)	6 % от потенциального дохода	До 15 сотрудников; лимит без НДС поэтапно снижается до 10 млн руб. к 2028 году
ЕСХН	Сельхозтоваропроизводители	—	6 % (общий режим — 8/20/4 %)	Заменяет НДС, прибыль и НДФЛ. По желанию можно применять НДС

Ключевые изменения 2026 года:

НДС для упрощенцев: порог освобождения снижен с 60 до 20 млн руб. (далее — 15 млн руб. в 2027 году и 10 млн руб. с 2028года). Превысившие порог выбирают: общая ставка НДС (в 2026–22 % с вычетом) или пониженные 5 % и 7 % без права на вычет.

Региональные льготы по УСН ограничены: пониженные ставки теперь только для перечня видов деятельности, утверждённого Правительством.

АУСН из эксперимента превращается в полноценную альтернативу: порог 60 млн руб. без НДС законодательно закреплён до конца эксперимента, и для бизнеса с выручкой 20–60 млн руб. он часто выгоднее УСН.

Существуют и особые преференциальные механизмы за пределами «классических» пяти: резидентство в ОЭЗ, ТОР, Арктической зоне, свободном порту Владивосток, СПИК (фиксация условий до 20 лет), налоговый вычет для участников СВО — с 1 апреля 2026 года для новых резидентов территорий действует принцип «больше вложений — больше льгот».

Помимо разнообразия налоговых льгот, необходимо проводить и налоговый контроль их применения и ис-

полнения. Для этого существуют механизмы налогового контроля.

Контроль в РФ строится на сочетании проверок, мониторинга и автоматического анализа данных, который становится все более совершенным в связи с прогрессирующей цифровизацией экономики. Различают следующие механизмы налогового контроля:

Традиционные формы:

Камеральная проверка — по каждой декларации, без выезда, 3 месяца; с 2026 года правила обновлены.

Выездная проверка — на месте, обычно до 2 лет деятельности, охватывает несколько налогов. С 2026 года действует ограничение: не более двух выездных проверок за три года по инициативе ФНС (вне заявительных проверок самого налогоплательщика).

Налоговый мониторинг — добровольный режим для крупных компаний (порог входа — совокупный доход около 800 млн руб.): инспекторы работают онлайн внутри информационной системы компании, разногласия решаются до начисления налога. С 1 сентября 2026 года добавлены основания досрочного прекращения мониторинга — систематические нарушения регламента, недостоверные сведения, несоответствие информационных систем требованиям (ст. 105.28 НК РФ).

Автоматизация контроля:

Единый налоговый счёт (ЕНС) с 2023 года — сальдо расчётов с бюджетом в одной точке, уведомления по ЕНП.

АСК НДС-2 — сквозной просчёт цепочек счетов-фактур, автоматическое выявление разрывов.

СУР (система уровней риска) — автоматическая оценка риска по более 800 критериям: снижение нагрузки, признаки дробления бизнеса, расхождения между отчетностью и движением по счетам. Именно на этом сейчас строится отбор на проверки.

Платформа «Персональные данные налогоплательщика» — начисления и переплаты физлиц видны онлайн.

Взаимодействие с банками: 115-ФЗ и банковская тайна для целей контроля дают ФНС информацию по подозрительным операциям [8].

Меры обеспечения и ответственность: приостановка операций по счетам (ст. 76 НК РФ), выемка документов и осмотр при проверках, пени (в 2026 году — дифференцированно, привязаны к ключевой ставке ЦБ), штрафы по гл. 16 НК РФ, в санкционных случаях — уголовная ответственность (ст. 199, 199.1 УК РФ). Отдельный инструмент против дробления — ст. 54.1 НК РФ, требующая деловой цели и реальности операций: формальное применение льгот при проверке уже не защищает.

Налоговая реформа 2025 года стала масштабным ответом на ряд внутренних и внешних вызовов. Её необходимость была продиктована комплексом задач — от обеспечения устойчивости бюджета до борьбы с уклонением от налогов и адаптации к меняющимся экономическим условиям.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.01.2025) / [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 01.11.2026 г.)
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 19.07.2000 № 118-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.07.2026) / [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 01.11.2026 г.).
3. Куликова, М. А. Пути эволюционного развития налоговой системы РФ / М. А. Куликова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 1 (291). — С. 89–92. — URL: https://moluch.ru/archive/291/65966.
4. Георгиев, В. А. История России XIX — начала XX века. — М.: Академия изд-во МГУ, 2011. — 864с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955–1973. Т. 7. — 83 с.
6. Пансков В. Г. Налоги и налогообложение в Российской Федерации. Учебник для вузов. Изд. 3-е перераб. и доп. / В. Г. Пансков. — М.: Международный центр финансово-экономического развития, 2001–448с.
7. Юткина Т. Ф. Налоги и Налогообложение. Учебник, изд. 2-е, перераб. и доп. / Т. Ф. Юткина. — М.: ИНФРА-М, 2011–576с.
8. Федеральный закон от 07.07.2003 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 28. — Ст. 3225.

Порядок рассмотрения заявления о признании и исполнении решения иностранного третейского суда (арбитража): практические аспекты

Муратова Аида Владимировна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Признание иностранного решения — это допущение на внутригосударственном уровне возникновения у участников гражданских прав и обязанностей, подкрепленных силой судебного решения, а также обеспечение его исполнения. Таковым является мнение представителя советской доктрины Л. А. Лунца.

В этой связи Д. Д. Аверин указывал на сущность юридического акта, которым является любое судебное решение, выражающее отношение независимого государства к судебной системе другой страны. Автор разъяснял, что в этом выражается распространение их действия на юридическое внутригосударственное пространство. Государство — это социальный субъект, который обладает политико-правовыми признаками, но имеет обязанность обеспечения реализации прав, имеющих социальный характер.

Переходя к мнению М. Вебера, которое лежит в основе представлений Д. Д. Аверина, стоит отметить, что он преимущественно в XX веке проводил широкие исследования суверенитета государства и предложил качественную и обоснованную теорию легитимного насилия [13]. Автор указывал, что государство имеет правовую возможность в рамках своей административно-территориальной границы применять легитимное насилие, оставаясь единственным сувереном. Веберская теория никак не отражает монополистическую сущность государства на легитимное насилие. Оно по своему внутреннему содержанию основывается на обеспечении права на безопасность без ограничения и разъяснения, в какой точке заканчивается правовое действие и начинается превышение власти. Автором выделяются исключительно общественные институты, имеющие легитимность.

Под признанием решения иностранного суда понимается, по мнению М. М. Богуславского, что оно является подтверждением прав и обязанностей, имеющих гражданско-правовой характер на территории отечественного государства [14]. Д. С. Куликова придерживалась аналогичного представления, что исследуемый факт признания — это подтверждение правомочий гражданско-правового характера в аналогичной решению судебного органа власти степени [15]. Иными словами, государство не просто признает решение иностранного судебного органа власти, но и обеспечивает его исполнение силой государственного принуждения. Автор обращала важное внимание, что данное решение имеет окончательную форму и не дает возможности рассмотрения дела повторно.

По мнению О. Н. Маркеловой, защита в суде является разновидностью государственной деятельности, обладающей властными полномочиями, и осуществляется посредством специально созданных органов — судов [17].

В государствах романо-германской правовой семьи главенствующим является принцип *jura novit curia*, который находит свое выражение в том, что суд определяет право. Думается, что представитель судейского сообщества в обязательном порядке должен занимать активную позицию, а также разбираться в специфике применения правовых норм иностранного государства.

Россия, конечно, относится к указанной правовой семье. В п. 1 ст. 1191 ГК РФ указано, что при применении положений иностранного права судебные органы власти формируют сущность правовых положений в соответствии с несколькими аспектами: официальное толкование; судебная практика; доктрина.

Признание и исполнение решений иностранных арбитражей на территории России регламентируется в положениях ГПК РФ и АПК РФ. В гл. 45 ГПК РФ устанавливается, что при направлении соответствующего ходатайства заявитель обязан представить: во-первых, арбитражное соглашение (подлинник или должным образом заверенную копию), во-вторых, решение иностранного арбитража. В ст. 417 ГПК РФ строго регламентируются основания, которые могут служить отказом в признании и исполнении решений.

При рассмотрении вопроса территориальной подсудности, отметим, что она определяется местом нахождения или жительства должника. В ситуации, когда данные сведения являются неизвестными для сторон, то по общему правилу подсудность определяется согласно месту нахождения имущества.

В практической плоскости возникает большое количество сложностей при определении подсудности. Они очень активно выражаются в ситуации, когда должник не имеет конкретного места нахождения на территории России. Конечно, процессуальные требования в обязательном порядке должны соблюдаться при подаче заявления, которые имеют формальный характер, то есть с представлением подлинного решения иностранного третейского суда (либо его копии). Для законного перевода на русский язык документа с иностранного языка необходимо его заверить в соответствии с официальным порядком.

Так, Арбитражным судом Краснодарского края в 2022 году было рассмотрено дело по иску швейцарской частной организации «ЛДКС СА» к ООО «ИнфотекНово» с требованием о признании и приведении в исполнение решения Лондонского международного третейского суда от 8 февраля 2022 г., согласно которому с ООО «Инфотек-

Ново» взыскано 705 566 долларов США [10]. Здесь имеется целый комплекс проблемных аспектов, связанных с подсудностью, а также последовательной процедурой рассмотрения дела.

Арбитражный суд Краснодарского края в рамках рассмотрения по первой инстанции отказал в удовлетворении заявления. В качестве аргументов суд указал, что не имеется надлежащего уведомления должника о разбирательстве в третейском суде, а также сведений о наличии у компании «ЛДКС СА» счета в отечественной банковской организации.

При дальнейшем рассмотрении в кассационной инстанции в Арбитражном суде Северо-Кавказского округа в 2023 году было указано, что решение необходимо оставить в силе с отклонением довода о неуведомлении должника. Судом была сделана ссылка на новое основание — противоречие публичному порядку РФ, предполагающему равенство сторон и добросовестность. В обоснование своей процессуальной позиции суд кассационного уровня сослался на целую группу указов Президента РФ: от 1 марта 2022 г. № 81 [3], от 5 марта 2022 г. № 95 [4], от 3 мая 2022 г. № 252 [5], а также распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 г. [6]. Указанные нормативно-правовые акты не имеют прямых предписаний по вопросам исполнения обязательств перед недружественной стороной в соответствии с исполнительным листом. Однако суд интерпретировал указанные нормативно-правовые положения так, что в условиях санкционного давления реализация исполнительного листа будет противоречить публичному порядку РФ. Судебный орган власти указал, что в период с марта 2022 года до вынесения решения швейцарская компания «ЛДКС СА» необоснованно приостановила деятельность на территории отечественного государства, а компания ООО «ИнфотекНово» была лишена возможности осуществлять предпринимательскую деятельность в Швейцарии. Данный аспект послужил основанием для вывода, что это нарушение принципов добросовестности и равенства сторон, входящее в определение публичного порядка РФ.

В другом деле эстонская компания «АМСТРАДшиппинг ОУ» 22 марта 2022 г. направила исковое заявление в Арбитражный суд Ростовской области, предметом которого являлось признание решения Лондонской ассоциации морских арбитров (LMAA) о взыскании компенсации за задержку судна ООО «Фингрейн» [7]. При анализе данного судебного производства можно отметить проблемы, которые здесь выделялись с подсудностью и процедурой. В первую очередь, необходимо указать, что суд первой инстанции установил, что должник был не надлежащим образом извещен о процессе.

Более того, в заключенном между сторонами договоре о морской перевозке грузов имелась арбитражная оговорка. Она заключалась в том, что на рассмотрение иностранного арбитража передаются только те категории споров, которые происходят из-за случившейся аварии. Следовательно, российские суды были единого мнения, что у международного арбитража отсутствовала компетенция на рассмотрение требований компании, так как во внутреннем содержании отсутствовала конкретизация арбитра или суда, разрешающего спор. В тексте судебного акта была ссылка на недружественность эстонского кредитора и наличие необходимости соблюдения контрсанкционного регулирования.

Данные дела в полной мере демонстрируют, что в практической плоскости имеются некоторые важные сложности с определением подсудности и соблюдением требований к процедуре. Суды зачастую используют широкое толкование понятийно-категориального определения публичного порядка. Это является дополнительным основанием для отказа.

В ст. 242 АПК РФ указывается на строгий перечень документов, которые должны быть приложены к заявлению, предметом которого является признание и приведение в исполнение решения суда иностранного правопорядка. В качестве примера необходимо отметить, что обязательно в процессе необходим документ, который подтверждает вступление решения в законную силу, при отсутствии указании об этом во внутреннем содержании решения. При отсутствии необходимых документов суд имеет правомочие вынести решение об отказе в рассмотрении соответствующего заявления. Здесь проблемным аспектом является тот факт, что отсутствие формальных требований, которые не регламентированы законом, напрямую создает юридическую неопределенность.

В практике имеются интересные примеры. Спор по исковому заявлению немецкого юридического лица «C. Thywissen GmbH» в Арбитражный суд Новосибирской области, предметом которого является признание и приведение в исполнение решения от 2022 года специального арбитража Федерации ассоциаций торговли масличными культурами, семенами и жирами [8]. Для всесторонности необходимо выделить процессуальные проблемы. К их числу относятся следующие аспекты. Судебными органами первой и второй инстанции было указано, что по формальным признакам документы, представленные истцом, соответствуют положениям ст. 242 АПК РФ.

Вместе с тем, спор дошел до высшего судебного органа власти, который отметил, что при осуществлении проверочных мероприятий соответствующего заявления суд обязан всесторонне исследовать доводы и обоснования нарушений арбитражной процедуры, в частности, вопросы надлежащего уведомления сторон и беспристрастности. Здесь имеется возможность выделить проблему, что при формальном соблюдении законодательных положений суд имеет право признать процедуру незаконной, так как не проведено исследование существенных процессуальных возражений должника.

Проблематика установления противоречия публичному порядку РФ имеет широкое практическое распространение. Важность рассмотрения данного аспекта заключается в активном использовании отечественными

судами данного основания с 2022 года для отказа в признании и исполнении иностранных арбитражных решений. В подавляющем большинстве дел, в которых принимают участие иностранные организации, принадлежащие «недружественным» юрисдикциям, применяется исследуемое основание. Если говорить конкретнее, то публичный порядок — это основополагающие начала, которые составляют основу правовой и политико-экономической государственной системы [16]. Ф. Карагусов разъяснял, что «контрсанкционное» регулирование в настоящее время включает в себя большое количество указов Президента РФ и нормативно-правовые акты высшего исполнительного органа власти.

При рассмотрении дела по иску швейцарской компании «Луис Дрэйфус Компани Суисс СА», которая обратилась с заявлением о признании и приведении в исполнение решения LCIA (Лондонского международного третейского суда), судом был указан широкий комплекс оснований для отказа [9]. В частности, отмечалось противоречие публичному порядку РФ, которое выражалось в следующем. Арбитражный суд Северо-Кавказского округа в 2023 году отразил в своем судебном акте, что исполнение решения Лондонского международного третейского суда будет противоречить публичному порядку РФ, который находит выражение в целой группе указов Президента РФ (от 1 марта 2022 г. № 81, от 5 марта 2022 г. № 95, от 3 мая 2022 г. № 252, от 4 мая 2022 г. № 254).

Судебным органом власти отмечено, что с 2022 года «Луис Дрэйфус Компани Суисс СА» приостановила предпринимательскую деятельность на территории России, а российская компания лишилась реальной возможности осуществлять предпринимательскую работу в Швейцарии. Следовательно, данный аспект сформировал неравное правовое и экономическое положение во взаимоотношениях между компаниями.

Более того, взыскатель, компания «Луис Дрэйфус Компани Суисс СА», не представил доказательств в подтверждение открытия банковского счета в отечественной кредитной организации, что является необходимым в соответствии с Законом от 29 декабря 2022 г. № 624-ФЗ [2]. Данная позиция устояла при многократных обжалованиях в других инстанциях.

В другом деле № А40–242631/2022 [11] рассматривалось требование о признании решения суда США. Арбитражный суд Московского округа указал, сославшись на Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79, что США имеют в настоящее время недружественный статус. Вместе с тем, было отмечено, что в деле не имеется доказательств, подтверждающих соблюдение США международного принципа взаимности.

Отдельно здесь необходимо выделить определение высшего судебного органа власти 2025 года, в котором разъясняется, что судебные органы не должны подменять контрольные полномочия за осуществлением соблюдения публичного порядка пересмотром решения арбитража по существу [12]. Следовательно, необходимо соблюдать баланс между принципом окончательности арбитража и защитой публичного порядка.

Во многих правоприменительных ситуациях стороны обращаются за разрешением конфликтного момента в третейских суд, который не имеет компетенции на разрешение определенного спора. В соответствии с п. «в» ст. 9 Соглашения о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йоркская конвенция 1958 года) [1], в приведении в исполнение решения иностранного третейского суда может отказываться в ситуации, когда спор разрешен арбитражем, в компетенцию которого не входил данный вопрос. Исходя из внутреннего содержания законодательных положений, решение иностранного суда или арбитража может признаваться исключительно при не отнесении дела к исключительной компетенции отечественного суда.

Таким образом, при проведении анализа правоприменительной практики сделан вывод, что при рассмотрении заявлений, предметом которых является признание и исполнение решений иностранных третейских судов, применяется многоуровневый контроль за соблюдением требований материально-правового и формального характера. Суд имеет императивную обязанность на проведение проверочных мероприятий по следующим аспектам: комплексность, подсудность, правильное и законное оформление документов, наличие юрисдикции иностранного арбитража, соответствие публичному порядку РФ. Отечественный правоприменитель применяет последовательно позицию, заключающуюся в том, что формальные процессуальные недостатки могут эффективно устраняться в порядке ст. 128 АПК РФ, а существенные нарушения — это основание для отказа в исполнении.

В настоящее время в практике категория «публичный порядок РФ» имеет высокое значение. Судами применяются нормы контрсанкционного регулирования, а также принципы добросовестности сторон и принципы равенства. В России суды в подавляющем большинстве случаев проводят оценку правовой корректности арбитражного решения иностранного субъекта, а также его социально-экономические и политические последствия для отечественной системы права. Высший судебный орган власти подчеркивает, что необходимо в правоприменении избегать подмены контроля за публичным порядком пересмотром решения по существу. Это служит для сохранения баланса между уважением к институту международного арбитража и защитой государственных интересов.

Необходимо отметить, что данные обстоятельства выражают тенденцию в сторону усиления протекционистского подхода при исполнении иностранных решений арбитража. В нем приоритет отдается безопасности государства в экономическом контексте. Нельзя забывать, что продолжают действовать требования к однозначности и четкости арбитражных оговорок, а также к процессуальному подтверждению согласия сторон на цивилистическое разбирательство.

Литература:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2692/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfaae5045/.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве»: Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 624-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436198/.
3. О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 1 марта 2022 г. № 81 (в ред. от 20.05.2024) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410578/.
4. О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами: Указ Президента РФ от 5 марта 2022 г. № 95 (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410994/.
5. О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций: Указ Президента РФ от 3 мая 2022 г. № 252 (ред. от 22.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416210/.
6. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р (ред. от 29.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_ doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/
7. Определение Арбитражного суда Ростовской области от 9 мая 2023 г. по делу № А53–33710/2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 14.08.2026).
8. Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 30 марта 2023 года по делу № А45–19015/2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 14.08.2026).
9. Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 12 мая 2022 года по делу № А32–47144/2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 14.08.2026).
10. Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 14 июня 2022 г. по делу № А32–47144/2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 14.08.2026).
11. Определение Арбитражного суда Московского округа от 15 декабря 2022 г. по делу № А40–242631/2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 14.08.2026).
12. Определение Верховного Суда РФ от 15 мая 2025 г. по делу № А40–148733/2024 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 14.08.2026).
13. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 644.
14. Богуславский М. М. Международное частное право. М., 2004. С. 88.
15. Куликова Д. С. К вопросу о сущности исполнения иностранных судебных решений в Российской Федерации // Вестник РГГУ. 2015. № 7. С. 9.
16. Карагусов Ф. О понятии публичного порядка // Научные труды «ӘДІЛЕТ». 2025. № 3. С. 5.
17. Маркелова О. Н. Судебный контроль как гарант защиты конституционных прав граждан // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 3. С. 64.

Парадокс целеполагания в административном судопроизводстве Российской Федерации: доктринальный и статистический анализ

Навроцкая Алиса Владимировна, студент магистратуры
Московский областной филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА (г. Сергиев Посад)

В статье исследуется нормативно закрепленная система задач Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ) в сопоставлении с актуальными статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Автор выявляет глубинное коллизионное противоречие между правозащитной декларацией КАС РФ и реальной фискально-принудительной практикой, где в 80–90 % случаев «слабая сторона» (гражданин) выступает в роли ответчика. Предложено научно обоснованное изменение статьи 3 КАС РФ посредством дифференциации процессуальных задач.

Ключевые слова: *КАС РФ, административное судопроизводство, задачи судопроизводства, Судебный департамент, слабая сторона, судебный контроль, реформа 2026 года.*

The paradox of goal-setting in administrative litigation of the Russian Federation: doctrinal and statistical analysis

The article examines the normatively fixed system of tasks of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation in comparison with the current statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the RF. The author reveals a deep conflict contradiction between the human rights declaration of the code and the real fiscal-enforcement practice, where in 80–90 % of cases the «weak party» (a citizen) acts as a defendant. A scientifically grounded amendment to Article 3 of the CAP RF by means of differentiation of procedural tasks is proposed.

Keywords: *CAP RF, administrative litigation, tasks of litigation, Judicial Department, weak party, judicial control, reform of 2026.*

Введение

Административное судопроизводство, легитимизированное принятием Кодекса административного судопроизводства РФ (далее — КАС РФ), традиционно позиционируется в отечественной доктрине как ключевой процессуальный механизм защиты частных лиц от потенциального произвола со стороны государственно-властных институтов. Направленность на защиту «слабой стороны» публично-правового конфликта подчеркивается как ведущими учеными, так и непосредственно законодателем в статье 3 КАС РФ. Законодательные реформы, включая Федеральный закон № 79-ФЗ, вступивший в силу в мае 2026 года, продолжают модернизировать процессуальную форму, однако сущностный вектор целеполагания данного института заслуживает отдельного критического осмысления.

Материально-правовая природа административного спора

Исторически концепция административной юстиции базировалась на идее судебного нормоконтроля и защиты субъективных прав гражданина, находящегося в заведомо неравном положении перед государственным аппаратом. Профессор Ю. Н. Старилов справедливо отмечает, что решение задач административного судопроизводства призвано укрепить правовую систему страны и продемонстрировать соответствие судебной власти принципам правового государства. В рамках данного подхода суд выступает не как пассивный арбитр, а как активный участник, наделенный специальными полномочиями по самостоятельному сбору доказательств и проверке законности решений органов власти ex officio.

Тем не менее видовая структура современного процесса демонстрирует высокую степень дифференциации, которая часто вступает в противоречие с доктринальными основами. Действующий процессуальный регламент императивно детерминирован иерархичной системой нормативных актов, ядро которой составляет Конституция РФ и федеральные конституционные законы. Однако изменения, произошедшие в правовом поле, существенно перестроили механизмы защиты. Как указывает В. М. Жуйков, трансформация статьи 15 КАС РФ и статьи 125 Конституции РФ ограничила право суда первой инстанции напрямую применять нормы Основного закона, кроме того, обязала граждан проходить все судебные инстанции общей юрисдикции перед обращением в Конституционный Суд РФ. Данное обстоятельство существенно усложняет оперативное пресечение нарушений конституционных прав на начальных стадиях процесса.

Статистический парадокс и реальное состояние правоприменения

Концептуальную проблему, заключающуюся в несовершенстве текущей модели КАС РФ, демонстрирует анализ официальной статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Эмпирические данные свидетельствуют об устойчивой и долгосрочной тенденции: около 80–90 % от общего массива административных дел, ежегодно рассматриваемых судами общей юрисдикции, составляют материально-правовые требования органов государственной власти, налоговых органов и органов местного самоуправления к гражданам. К данной категории относятся дела о взыскании обязательных платежей, недоимок, налоговых санкций и штрафов.

Таким образом, обнаруживается выраженный парадокс процессуального целеполагания:

1. Теоретическая модель: КАС РФ как инструмент защиты частного лица («слабой стороны») от государственного произвола.

2. Практическая модель: КАС РФ как эффективный фискально-принудительный инструмент государства, где «слабая сторона» в 90 % случаев вынуждена защищаться в процессуальном статусе ответчика.

Рядовой субъект публичных правоотношений оказывается лицом, к которому предъявляются властные требования, что коренным образом меняет психологический и правовой контекст процесса. Нагрузка на судебную систему в данном секторе носит конвейерный характер. Применение упрощенных (приказных и письменных) процедур для бесспорных требований госорганов приводит к тому, что суд во многом утрачивает функцию глубинного правозащитного контроля, трансформируясь в орган механической легализации фискальных притязаний административного аппарата. При этом, как отмечает Е. С. Бе-

кренева, социально незащищенные категории граждан сталкиваются с серьезными финансовыми и правовыми барьерами (включая требования КАС РФ об обязательном профессиональном представительстве), что дополнительно усложняет защиту их прав и законных интересов.

Дифференциация задач как путь модернизации КАС РФ

Проведенное исследование доказывает, что существующий в статье 3 КАС РФ перечень задач (обеспечение доступности правосудия, защита нарушенных прав, укрепление законности) сформулирован универсально и абстрактно. Он не учитывает полярную разницу в материально-правовой природе споров, где инициатором выступает гражданин, и споров, где инициатором является субъект властных полномочий.

Для восстановления баланса сил и сохранения правозащитной природы административного процесса представляется необходимым провести законодательную дифференциацию задач в статье 3 КАС РФ. Автор предлагает разделить задачи административного судопроизводства на две автономные группы.

Первая группа задач (правозащитная): применяется по делам, возбужденным по искам частных лиц об оспаривании решений, действий или бездействия органов власти. Здесь приоритетом должно оставаться пресечение административного усмотрения и максимальное восстановление нарушенного правового статуса гражданина.

Вторая группа задач (контрольно-надзорная): применяется по делам о взыскании публичных платежей и санкций с граждан в пользу государства. В данном случае в качестве самостоятельной императивной задачи КАС РФ должно быть закреплено «осуществление эффективного и беспристрастного судебного контроля за законностью и обоснованностью реализации государственно-властных полномочий».

Введение данной нормы на законодательном уровне обяжет суды осуществлять жесткую, неформальную проверку законности каждого требования государственного органа независимо от активности ответчика-гражданина. Это позволит минимизировать риски автоматического вынесения решений в пользу публичных субъектов и вернет КАС РФ его истинное предназначение — служить надежным противовесом в системе сдержек и противовесов правового государства.

Литература:

1. Жуйков, В. М. Новые проблемы прямого действия Конституции Российской Федерации и доступа к правосудию в целях защиты прав и свобод человека / В. М. Жуйков // Закон. — 2022. — № 7. — С. 79–86. — ISSN 0869-4400. — URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49232020 (дата обращения: 09.11.2026).
2. Старилов, Ю. Н. Задачи административного судопроизводства: предназначение и правовое содержание / Ю. Н. Старилов // Российская юстиция. — 2025. — № 6. — С. 8–21. — ISSN 0131-6761. — DOI 10.52433/01316761_2025_06_08.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [Текст] : от 08.03.2015 № 21ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Официальный интернетпортал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990 (дата обращения: 09.11.2026).
4. Бекренева, Е. С. Практические проблемы судебного представительства в административном судопроизводстве / Е. С. Бекренева. — Текст : электронный // Молодой ученый. — 2024. — № 46 (545). — С. 80–82. — URL: https://moluch.ru/archive/545/119392 (дата обращения: 11.11.2026).
5. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2024 года : форма № 2 : утверждена приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11.04.2017 № 65 (в редакции приказа от 6.06.2024 № 153) / Судебный департамент при Верховном Суде РФ // F3-svod-vse_sudy-2024. — URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/F3-svod-vse_sudy-2024.xls (дата обращения: 09.11.2026).

Актуальные проблемы разграничения компетенции между Кодексом административного судопроизводства РФ и Гражданским процессуальным кодексом РФ в судебной практике

Навроцкая Алиса Владимировна, студент магистратуры
Московский областной филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА (г. Сергиев Посад)

Статья посвящена одной из наиболее острых практических проблем процессуального права — разграничению подведомственности дел между Гражданским процессуальным кодексом РФ и Кодексом административного судопроизводства

РФ. На основе анализа правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ и доктринальных трудов ведущих цивилистов автором исследуются негативные последствия отсутствия четких легальных дефиниций критериев разграничения видов судопроизводства, выражающиеся в затягивании сроков и отмене законных решений. Предложены пути систематизации процессуального законодательства.

Ключевые слова: *КАС РФ, ГПК РФ, компетенция, подсудность, подведомственность, характер правоотношений, гражданские права, судебная практика.*

Actual problems of differentiation of competence between the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and the Code of Civil Procedure of the Russian Federation in judicial practice

The article is devoted to one of the most acute practical problems of procedural law — the delimitation of jurisdiction of cases between the Civil Procedural Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. Based on the analysis of the legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the RF and the doctrinal works of leading civilists, the author examines the negative consequences of the lack of clear legal definitions of criteria for differentiating types of legal proceedings, expressed in delaying terms and cancelling legal decisions. Ways of systematization of procedural legislation are proposed.

Keywords: *CAP RF, CPC RF, competence, jurisdiction, подведомственность, nature of legal relations, civil rights, judicial practice.*

Введение

Дифференциация гражданского и административного судопроизводства остается перманентным предметом дискуссий как в академической среде, так и в правоприменительной практике судов общей юрисдикции. Масштабная реформа процессуального законодательства, ознаменованная вступлением в силу Федерального закона от 9 апреля 2026 года № 79-ФЗ, внесла существенные коррективы в правила взаимодействия смежных отраслей права. Однако ключевой практический вопрос — где проходит нормативная граница между гражданско-правовым спором и спором, вытекающим из публичных правоотношений, — по-прежнему порождает серьезные коллизии в правоприменении.

Критерии разграничения: позиция Верховного Суда РФ

В целях преодоления неопределенности Верховный Суд РФ в своих руководящих разъяснениях установил базовый маркер: определяющее значение для выбора правильного процессуального порядка имеет характер правоотношений. В административных правоотношениях стороны изначально находятся в состоянии юридического неравенства, где один из участников наделен государственно-властными полномочиями по отношению к другому (отношения власти-подчинения).

Параллельно действует жесткое исключение: если оспариваемый акт, решение или действие должностного лица органа власти приводит к возникновению, изменению или прекращению гражданских (имущественных, жилищных, земельных) прав и обязанностей, то данный спор теряет сугубо публичную природу. Он должен квалифицироваться как гражданско-правовой спор с участием публичного органа и рассматриваться исключительно по правилам Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ), а не Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ).

Системные проблемы правоприменения

Несмотря на кажущуюся ясность выработанного Пленумом ВС РФ критерия, на практике суды сталкиваются со сложными, диффузными правоотношениями. Проблема усугубляется тем, что КАС РФ определяет категории подсудных ему дел путем закрепления исчерпывающего перечня при отсутствии в законе единой универсальной дефиниции публичного спора.

Как справедливо указывает профессор Е. В. Михайлова, нарушение процессуального порядка рассмотрения дела — то есть ошибочное применение норм КАС РФ вместо ГПК РФ или наоборот — квалифицируется вышестоящими инстанциями как грубейшее процессуальное нарушение, влекущее за собой отмену судебного постановления. Это порождает ряд деструктивных последствий:

1. Рост временных издержек и затягивание процессов. М. С. Павлова обоснованно подчеркивает, что отсутствие четких законодательных разграничений в кодексах способствует лавинообразному увеличению временных затрат. Суды на стадиях принятия иска вынуждены проводить сложнейшую квалификацию, а в случае ошибки дело месяцами кочует из одного производства в другое, подрывая стабильность судебной практики.

2. Правовой формализм вышестоящих инстанций. Часто кассационные суды отменяют абсолютно законные, обоснованные и справедливые по существу решения нижестоящих судов общей юрисдикции только по одной причине: дело было разрешено в порядке ГПК РФ, хотя содержало элементы публичного спора, подлежащие рассмотрению по КАС РФ. При этом материальный результат

спора не изменился бы, однако из-за дефекта процессуальной формы граждане вынуждены проходить процедуру рассмотрения заново.

Особенно ярко данная коллизия проявляется на начальной стадии процесса — стадии возбуждения административного дела. Как отмечает Четвертый кассационный суд общей юрисдикции, именно при принятии иска формируется правовой каркас будущего спора и распределяется бремя доказывания. В гражданском процессе стороны равны и каждый доказывает то, на что ссылается (ст. 56 ГПК РФ). В административном процессе действует презумпция вины госоргана и бремя доказывания законности акта целиком лежит на ответчике-чиновнике (Р. О. Опалев). Ошибка суда в выборе кодекса на этой стадии предопределяет неверное распределение обязанностей по доказыванию, что ведет к дефекту всего судебного разбирательства.

Выводы и пути разрешения коллизии

Для преодоления формального дуализма и обеспечения непрерывности судебной защиты прав граждан автор предлагает комплекс мер.

Во-первых, необходимо внести изменения в общую часть КАС РФ, дополнив ее легальным, четким определением административного правового спора, основанным на критерии полного отсутствия у заявителя материального гражданско-правового (имущественного) интереса. Если признание действия чиновника незаконным требуется гражданину исключительно для последующего восстановления его права собственности или жилищного права, такой иск должен изначально подаваться в рамках ГПК РФ.

Во-вторых, требуется модернизировать подход судов апелляционной и кассационной инстанций к оценке данного процессуального нарушения. Ошибочный выбор судом первой инстанции процессуального кодекса (ГПК РФ вместо КАС РФ или наоборот) не должен признаваться безусловным основанием для отмены судебного акта, если судом были правильно определены обстоятельства дела, верно применен материальный закон, а участники процесса не были ограничены в своих базовых правах (на представление доказательств, заявление отводов и т. д.). Защита прав граждан должна доминировать над формализмом процессуальной формы.

Литература:

1. Михайлова, Е. В. О некоторых аспектах судебной защиты публичных прав в России / Е. В. Михайлова // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 80–88. — DOI 10.21639/2313-6715.2024.1.9. — URL: https://prolaw38.ru/o-nekotoryh-aspektah-sudebnoj-zashhity-publichnyh-prav-v-rossii (дата обращения: 09.11.2026).
2. Павлова, М. С. Гражданское и административное судопроизводство: проблема соотношения и разграничения / М. С. Павлова // Ленинградский юридический журнал. — 2017. — № 4 (50). — С. 220–227. — ISSN 1813-6230. — URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32367887 (дата обращения: 09.11.2026).
3. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : Федеральный закон от 09.04.2026 № 79-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202604090006 (дата обращения: 09.11.2026).
4. О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2024) // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
5. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12.09.2024 по делу № 88-27108/2024 (УИД 61RS0003-01-2023-005857-65) // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
6. Опалев, Р. О. Право на эффективную судебную защиту в административном судопроизводстве / Р. О. Опалев. — Москва : ИД «Городец», 2023. — 432 с. — ISBN 978-5-907641-90-7.

Общежития: правовой статус и защита прав проживающих

Назаралиева Самира Фарходовна, студент
Научный руководитель: Максимова Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье анализируется правовой режим общежитий как разновидности специализированного жилищного фонда: рассматриваются их понятие, классификация и нормативные требования к ним, а также механизм защиты прав граждан, которых нельзя выселить из общежития без предоставления иного жилья. Особое внимание уделено разрыву между формальным статусом общежития как временного жилья и фактическим использованием его в качестве единственного и постоянного места жительства, а также роли судебного контроля при выселении.

Ключевые слова: *общежитие, специализированное жилое помещение, договор найма, выселение, жилищные гарантии, санитарные нормы.*

Для многих граждан общежитие остаётся наиболее доступным средством решения жилищного вопроса на период учёбы, военной или иной службы, а также трудовой деятельности. Массовость данного явления обусловливает особую сложность правового режима специализированного жилья: внешне простая правовая конструкция скрывает существенный разрыв между нормативным регулированием и практикой его применения.

Формально помещения в общежитиях предназначены для временного проживания — на срок обучения, службы или трудовых отношений. Однако на практике временный характер нередко утрачивается: общежитие превращается в единственно доступное жильё и на длительный период замещает постоянное. Подобное несовпадение правовой модели и действительности порождает значительное число конфликтов, прежде всего связанных с выселением.

Работодатель, учебное заведение или собственник жилья нередко рассматривают завершение учёбы, увольнение либо истечение срока найма как самодостаточное основание для требования освободить помещение. Закон, однако, не допускает автоматического выселения по указанным обстоятельствам: суд обязан установить, не относится ли наниматель к категориям лиц, которым по закону не может быть отказано в предоставлении другого жилья. Иными словами, каждый случай требует индивидуального разбора — автоматизм здесь недопустим.

Такой подход отражает принцип социального государства: формальное прекращение договора не должно приводить к утрате жилища лицом, не имеющим иной возможности его получить. В этом смысле судебный контроль выступает не формальностью, а реальной гарантией.

Думается, что суть проблемы следует искать не в недостатках отдельных норм, а в самой двойственности правовой природы общежития: законодатель одновременно конструирует его как временный объект специализированного фонда и допускает фактическое использование в качестве постоянного жилья. Отсюда неизбежный конфликт между формальным основанием прекращения договора и реальной жилищной потребностью нанимателя. Представляется, что разрешение данного противоречия возможно не путём расширения перечня формальных оснований выселения, а посредством усиления содержательной проверки: суд должен оценивать не только юридический факт истечения срока, но и фактическую обеспеченность лица иным жильём. Именно такой подход, при котором приоритет отдаётся реальным жилищным гарантиям, а не процедурной формальности, позволяет сохранить социальное назначение института общежитий.

Общежития как объект правового регулирования представляют собой специально построенные или переоборудованные жилые здания (либо их части), предназначенные для временного проживания граждан на период работы, службы или обучения и укомплектованные мебелью и иными предметами, необходимыми для жизнедеятельности [1]. По своей сути общежитие — это способ государственной имущественной поддержки студентов, работников и госслужащих на период их учёбы, работы или службы [4].

Существует четыре типа общежитий:

1. Блочного (секционного) — здание поделено на отдельные блоки, состоящие из нескольких комнат, санузла и кухни, каждый блок закрывается на ключ.

2. Коридорные — номера расположены вдоль длинного коридора, на этаже имеется один душ, туалет и кухня.

3. Квартирные — в каждой комнате имеется душ, кухня может быть одна на этаже.

4. Гостиничные — обычно номера предоставляются на несколько человек, уборными могут пользоваться люди из одной или двух комнат [8]. Обычно такая классификация общежитий опирается на планировочный критерий, однако выдержана непоследовательно: блочный и коридорный типы различаются организацией пространства, тогда как квартирный и гостиничный выделены по степени благоустройства.

Помимо этого, общежития можно классифицировать по форме: студенческие — вузы размещают студентов на период их обучения; рабочие — предоставляются иностранным и иногородним работникам на время их рабочего периода; семейные общежития — принадлежат государству или предприятию и предоставляются семьям за особые услуги; коммерческие — обычно они принадлежат частным организациям, есть предприятия у которых нет собственных общежитий, поэтому они заключают договоры с компаниями на размещение своих студентов или работников [9]. Вместе с тем основания деления здесь не вполне однородны: студенческие и рабочие общежития выделены по категории проживающих, семейные — по характеру заселения, а коммерческие — по форме собственности. Такое смешение критериев приводит к тому, что одна и та же организация может попадать сразу в несколько групп, например, частное студенческое общежитие одновременно является и студенческим, и коммерческим. Так, по мнению Г. Ф. Шешко «жилищный кодекс не предусматривает наличия семейных общежитий. Вместе с тем указание о применении правил статьи 69 ЖК РФ к общежитиям позволяет вести речь об определенной регламентации вопросов в отношении семейных общежитий» [10]

Общежития могут быть размещены в отдельно стоящих зданиях, в отдельных секциях жилых и общественных зданий, а также на первых трех этажах в цоколе жилых домов если соблюдены условия изоляции входов и коммуникаций. Минимальный размер жилой площади в общежитии — не менее 6 кв. м на человека — выпол-

няет двоякую функцию: гарантирует минимально необходимое пространство и одновременно выступает нижним нормативным пределом, ниже которого предоставление площади недопустимо [1]. И локальные акты вуза не могут устанавливать меньший размер площади, это противоречило бы Жилищному кодексу Российской Федерации.

Размер платы за наём жилого помещения в общежитии для обучающихся определяется организациями, ведущими образовательную деятельность, с учётом качества, благоустройства, места расположения и планировки таких помещений. Этот размер закрепляется локальным нормативным актом, который принимается с учётом мнения советов обучающихся и представительных органов, обучающихся (при их наличии в организации). При этом установленная в таком акте плата не может быть выше максимального размера, определённого учредителями соответствующей организации [2]. Данная норма ограничивает плату тремя рамками — процедурной, содержательной и финансовой. Критерии качества и благоустройства не формализованы, учет мнение обучающихся носит лишь совещательный характер.

Установление размера платы за наём, как было показано выше, ограничено процедурными, содержательными и финансовыми рамками, однако данные нормы регулируют лишь исполнение обязательства. Не менее важным является вопрос о правовых основаниях его прекращения. Согласно ст. 102 ЖК РФ, договор найма жилого помещения в общежитии прекращается в случае разрушения нанятого помещения либо смерти нанимателя. Кроме того, типовые договоры найма помещений в общежитиях предусматривают дополнительные основания прекращения, обусловленные спецификой субъектного состава, окончание срока обучения или службы [6].

Без предоставления другого жилья не могут быть выселены граждане, которые не являются нанимателями по соцнайму (или членами их семьи) и не являются собственниками жилья (или членами их семьи), при условии, что они состоят на учёте как нуждающиеся в жилых помещениях. К таким лицам относятся: члены семей военнослужащих, должностных лиц и сотрудников правоохранительных и иных госорганов, погибших (умерших) или пропавших без вести при исполнении обязанностей; пенсионеры по старости; члены семьи умершего работника, которому предоставлялось служебное жильё или общежитие; инвалиды I или II групп (вследствие трудового увечья по вине работодателя, профзаболевания, военной травмы или заболевания, связанного с исполнением обязанностей военной службы), а также семьи с детьми-инвалидами и инвалидами с детства.

Им предоставляются другие жилые помещения, выселение с предоставлением жилья осуществляет прежний собственник или юридическое лицо, передающие соответствующие помещения [1]. Истец с сыном с 2000 года были зарегистрированы и проживали в квартире бывшего общежития войсковой части, где она работала с 1986 по 2000 год; жильё предоставлялось по ордеру. Ответчик отказал в заключении договора социального найма, ссылаясь на наличие у истца иных жилых помещений и отсутствие распорядительного акта администрации о вселении. Суд признал отказ незаконным: по п. 3 Порядка оформления прав на жилые помещения, использовавшиеся в качестве общежитий, переданных в собственность Москвы (постановление Правительства Москвы от 19.12.2012 № 743-ПП), право на социальный найм имеют граждане РФ, вселённые в общежитие до передачи его городу, зарегистрированные и фактически проживающие в нём. Требование истца удовлетворено.

Суд поставил во главу угла не формальную бумажку, а реальную жизнь человека: законное вселение и многолетнее проживание сами по себе порождают право на жильё, и отсутствие отдельного распорядительного акта не должно это право отменять. Иными словами, процедурные пробелы не в силах перечеркнуть фактически сложившееся правоотношение — и это принципиально верный, социально ориентированный подход [7].

Если договор найма специализированного жилья расторгается с детьми-сиротами и лицами из их числа по правилам ч. 4 ст. 101 ЖК РФ, закон требует выселить их вместе с членами семьи, одновременно дав другое благоустроенное помещение в том же населённом пункте — тоже по договору найма специализированного жилья. При этом метраж предоставляемого жилья должен укладываться в норматив, установленный для вселения в общежитие. На первый взгляд подобное решение усиливает защиту: без замены жилья выселение невозможно. Но по сути оно эту защиту ослабляет, поскольку формально человек жильё получает, однако на деле эта планка может не дотягивать до того уровня, который нужен для достижения целей специализированного фонда для сирот — то есть для того, чтобы человек мог жить самостоятельно и устойчиво. Особенно это заметно, когда речь идёт о лицах с детьми: норматив общежития плохо сочетается с семейным укладом жизни.

Граждане, проживавшие в служебных жилых помещениях и общежитиях, состоящие на учёте нуждающихся в жилье (или имеющие право состоять) и не подлежавшие выселению до введения в действие ЖК РФ, не могут быть выселены без предоставления другого жилого помещения [3]. Такая норма выполняет важную социальную функцию — она своего рода выступает страховкой для людей, оказавшихся в уязвимом положении из-за смены правового регулирования. Было бы несправедливо, если бы вступление в силу нового кодекса задним числом ухудшило положение тех, кто годами жил в служебном фонде и не имел иного жилья.

Так, рассматривая дело бывшей сотрудницы Минобороны России, которой в 1987 году была предоставлена комната в общежитии и установлена I группа инвалидности, ВС РФ отменил решения нижестоящих инстанций, удовлетворивших иск ведомства о признании женщины и её супруга утратившими право пользования жильём. Суды не выяснили, имела ли женщина на момент ввe-

дения в действие норм, препятствующих выселению, право состоять на учёте нуждающихся в жилье по договору социального найма. Кроме того, не было учтено вступившее в законную силу постановление 1994 года, которым в выселении из служебного жилья уже было отказано. Правовая позиция ВС РФ заключалась в том, что при разрешении дел о выселении из общежития суд обязан проверять наличие у проживающих специальных жилищных гарантий, а не ограничиваться констатацией истечения срока договора [5]. Таким образом, само истечение срока договора найма — это одно из обстоятельств, но не основание для выселения. Само выселение без проверки наличия жилых гарантий противоречило бы конституционному принципу социального государства.

Правовой режим общежитий внутренне конфликтен: юридически это временное жильё на период работы, службы или учёбы, фактически же нередко — единственное и постоянное место жительства граждан. Ключевая проблема в том, что истечение срока договора найма и прекращение трудовых (учебных) отношений воспринимаются как достаточное основание для выселения, тогда как суд обязан проверять наличие специальных жилищных гарантий. Верховный Суд РФ задал ориентир: само по себе истечение срока договора не является основанием для выселения — суд обязан проверять жилищные гарантии.

Из этого следуют три практических вывода. Во-первых, необходимо законодательно формализовать критерии качества и благоустройства помещений в общежитиях, чтобы плата за наём и условия проживания были предсказуемы, а не зависели от усмотрения организации. Во-вторых, следует расширить гарантии для детей-сирот и лиц из их числа, установив для них норматив предоставляемого жилья, адекватный семейному проживанию, а не норматив общежития. В-третьих, требуется последовательная судебная практика, в которой проверка жилищных гарантий при выселении станет обязательным элементом судебного разбирательства, а не факультативным. Только при таком подходе общежитие сохранит свою социальную функцию, не превращаясь при этом в инструмент хронической жилищной незащищённости.

Литература:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026): ст. 94, ч. 2 ст. 103, ст.105. URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 20.10.2026, 24.10.2026, 26.10.2026).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026):ч.4ст.39. URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 25.10.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 N 14 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» п.43 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (дата обращения 27.10.2026).
4. Алексеева Е. В. Выселение из общежитий: теория и судебная практика // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 26–28. DOI: 10.18572/1999–477X-2023–4–26–28. URL: https://lawinfo.ru/articles/3906/vyselenie-iz-obshhezitii-teoriya-i-sudebnaya-praktika (дата обращения 21.10.2026).
5. Верховный суд отменил выселение инвалида I группы из общежития в Петербурге // Комсомольская правда. Санкт-Петербург. — 2026. — 20 октября. — URL: https://www.spb.kp.ru/online/news/7232258/ (дата обращения: 27.10.2026).
6. Выселение из общежитий и служебных жилых помещений: некоторые аспекты соблюдения баланса интересов сторон договора найма // Семейное и жилищное право. 2025. № 5. — С.31–34. — URL: https://lawinfo.ru/articles/11516/vyselenie-iz-obshhezitii-i-sluzhebnyx-zilyx-pomeshhenii-nekotorye-aspekty-soblyudeniya-balansa-interesov-storon-dogovora-naima (дата обращения: 25.10.2026).
7. Московское общежитие как объект социального найма // Адвокат Полина Кобзева. — 2020. — 19 марта. — URL: https://moshousing.ru/moskovskoe-obshchezhitie-kak-obiekt-socialnogo-naima/ (дата обращения: 26.10.2026).
8. Типы общежитий // URL: https://msopro.ru/tipy-obshhezhitij.html (дата обращения: 21.10.2026).
9. Формакидов, Д. А. Общежития: понятие, назначение, виды / Д. А. Формакидов//Exjure.025.№ 4.URL:https://cyberleninka.ru/article/n/obschezhitiya-ponyatie-naznachenie-vidy (дата обращения: 21.10.2026).
10. Шешко Г. Ф. Жилые помещения специализированного жилищного фонда. Предоставление, пользование, выселение // Жилищное право. 2006. № 1. С. 23. URL: https://www.sudmos.ru/stati/vladenie-i-polzovanie-zhilym-pomeshhen/ob-obshchejitiyah (дата обращения 24.10.2026).

Участие адвоката в уголовном процессе Китая и Российской Федерации

Низовец Юлия Николаевна, студент
Научный руководитель: Сучкова Татьяна Евгеньевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье сопоставляются правовое положение адвоката и участие защитника в уголовном процессе Китайской Народной Республики и Российской Федерации. Рассматриваются условия приобретения профессионального статуса, организационные модели адвокатуры, процессуальные возможности защитника, профессиональная тайна и дисциплинарное регулирование. Особое внимание уделено различию между российской моделью независимого профессионального сообщества и китайским режимом, сочетающим организацию адвокатской деятельности через конторы и ассоциации с административным надзором и закрепленным в 2026 году партийным руководством. Сравнение основано на нормативных актах и научной литературе; судебная практика приведена только российская. Реформа законодательства КНР, вступившая в силу 1 сентября 2026 года, рассматривается как нормативное изменение, а не как уже исследованная судебная практика.

Ключевые слова: *адвокат, защитник, уголовный процесс, адвокатура, право на защиту, профессиональная тайна, Российская Федерация, Китайская Народная Республика.*

Независимость и организационная модель

Конституция РФ гарантирует право на квалифицированную юридическую помощь и состязательность судопроизводства [3, ст. 48, 123 ч. 3]. Федеральный закон № 63-ФЗ закрепляет самостоятельность адвокатуры, ее негосударственный характер и профессиональное самоуправление. Палаты и адвокатские образования не являются подразделениями государственных органов, а государство не вправе подменять профессиональное решение адвоката по тактике защиты. При этом адвокат действует в рамках закона, профессиональных обязанностей и правил адвокатской этики [1, ст. 6–8, 29–35]. Следовательно, независимость не означает отсутствия регулирования или ответственности.

Поправки к китайскому Закону об адвокатуре, вступившие в силу 1 сентября 2026 года, прямо установили руководство Коммунистической партии Китая адвокатской работой и ориентацию на проведение партийной политики и поддержку модернизации. Адвокатские конторы должны создавать партийные организации и обеспечивать условия для их деятельности. Обновленная статья 4 требует образцового соблюдения Конституции и закона, этики и дисциплины, опоры на фактические и правовые основания, добросовестности и социальной ответственности, одновременно закрепляя надзор государства, общества и клиентов; статья 5 гарантирует защиту законной профессиональной деятельности и возлагает на суды, прокуратуру, полицию, органы государственной безопасности и юстиции обязанность создавать гарантии прав адвокатов [2].

Из этих положений следует, что китайская модель не сводится к «государственной адвокатуре»: адвокаты практикуют через конторы и профессиональные ассоциации. Вместе с тем она сочетает профессиональную организацию с выраженным административным надзором и политико-идеологической интеграцией, нормативно усиленной реформой 2026 года. Российская и китайская модели поэтому различаются прежде всего институциональными гарантиями и тем, как право соотносит профессиональную автономию с публичным управлением. Наличие в законе гарантий прав адвоката в КНР важно учитывать, но оно не устраняет указанного различия.

Процессуальные права, момент допуска и обязанности защитника

В российском уголовном процессе защитник допускается к участию по правилам статьи 49 УПК РФ; в предусмотренных законом случаях адвокат подтверждает полномочия удостоверением и ордером. Участие защитника возможно на ранних стадиях уголовного судопроизводства, в частности с момента, определяемого процессуальным статусом лица и обстоятельствами его фактического задержания или применения мер процессуального принуждения. Содержание права на защиту и порядок допуска должны толковаться с учетом Конституции РФ и разъяснений Верховного Суда РФ [3; 4, ст. 49–53; 8].

УПК РФ предоставляет защитнику право иметь свидания с подозреваемым или обвиняемым наедине и конфиденциально, собирать и представлять сведения в установленных законом пределах, заявлять ходатайства и отводы, участвовать в процессуальных действиях, знакомиться с материалами и обжаловать решения и действия должностных лиц [4, ст. 53, 86]. Эти полномочия не означают, что адвокат самостоятельно осуществляет следственные действия или заменяет органы доказывания. Его задача — использовать предусмотренные законом средства защиты, проверять обоснованность обвинения и обеспечивать реализацию процессуальных прав доверителя.

В КНР положения статей 34–38 УПК КНР 2018 года регулируют участие защитника и его деятельность на досудебных стадиях; соответствующие нормы Закона об адвокатуре предусматривают консультации подозреваемому, подачу жалоб и ходатайств, в том числе об осво-

бождении под залог, а также защиту по поручению или назначению [2; 5, ст. 34–38]. Право на свидание возникает после первого допроса либо применения принудительной меры, а доступ к материалам обвинительного дела связан с передачей дела прокурору для проверки обвинения. Эти правила задают конкретную последовательность доступа, отличающуюся от российской модели по условиям и моментам реализации процессуальных возможностей.

В обеих странах защитник выполняет базовую функцию юридической помощи и противодействия необоснованному обвинению. Однако сходство назначения не доказывает равенства объема раннего доступа, порядка ознакомления с материалами и институциональных гарантий. Исследования права подозреваемого на защиту в КНР и РФ обращают внимание на значимость момента фактического доступа к адвокатской помощи [10]. Для КНР выводы здесь основаны на тексте норм и научной литературе: судебные решения КНР в статье не анализируются.

Профессиональная тайна и гарантии конфиденциальности

В России адвокатская тайна охватывает сведения, связанные с оказанием юридической помощи. Закон устанавливает запрет на разглашение таких сведений и предусматривает гарантии, ограничивающие возможность получения информации о доверителе через допрос адвоката [1, ст. 8]. Конституционный Суд РФ разъяснил гарантии от допроса адвоката о сведениях, полученных при оказании юридической помощи, подчеркнув значение адвокатской тайны и недопустимость обхода ее защиты посредством допроса [6]. Эта позиция относится к российскому праву и не переносится на КНР.

В КНР конфиденциальность профессионального общения также признается, но имеет предусмотренные законом исключения, включая сведения о готовящемся или совершаемом преступлении, угрожающем государственной безопасности или общественной безопасности либо создающем серьезную опасность для жизни или имущества. Следовательно, пределы обязанности сохранять конфиденциальность структурированы иначе, чем в российской модели. При сравнении необходимо учитывать точные формулировки закона и осторожность перевода терминов; без этого нельзя заключать о полном совпадении объема тайны или ее исключений [2].

Практическая конфиденциальность зависит и от возможности беспрепятственно встретиться с подзащитным. Конституционный Суд РФ указал на недопустимость свиданий защитника с содержащимся под стражей лицом разрешением следователя или органа [7]. Это решение конкретизирует российские гарантии и не может рассматриваться как толкование китайских норм. В российском контексте оно подтверждает, что формальное наличие права на свидание должно сопровождаться механизмом, исключающим произвольное административное разрешение.

Сравнение показывает, что российский и китайский институты адвокатуры имеют общую базовую функцию: обеспечивать юридическую помощь и защиту лица в уголовном процессе. В обеих системах профессиональная деятельность предполагает квалификационный допуск, процессуальные права защитника и профессиональные обязанности. Однако общность функции не устраняет существенных различий в организации профессии и институциональных гарантиях.

В РФ адвокатура представляет собой независимое негосударственное профессиональное сообщество; в КНР адвокаты организованы через конторы и ассоциации, но действуют в условиях административного надзора и закрепленного партийного руководства. Процессуальные роли защитника имеют сходную цель, однако различаются условия и моменты доступа к доверителю и материалам дела, а также объем институциональных гарантий. Российская адвокатская тайна подкреплена гарантиями против допроса адвоката и произвольного ограничения свиданий. В китайском законодательстве предусмотрены собственные исключения из конфиденциальности, включая отдельные категории опасности. Назначение адвоката в России не наделяет его статусом государственного служащего; оценивать китайскую модель как «государственную адвокатуру» без учета профессиональной организации также некорректно.

Литература:

1. Бродникова А. В. Право подозреваемого на защиту в уголовном судопроизводстве Китайской Народной Республики и Российской Федерации // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона–VII: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов (Улан-Удэ, 15 апреля 2016 г.) / отв. ред. Ю. П. Гармаев. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2016. С. 285–286.
2. Закон Китайской Народной Республики об адвокатуре, в редакции после решения Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей от 28.08.2026 о поправках, вступивших в силу 01.09.2026.
3. Игнатенко Ю. В., Полковникова В. С., Егоров О. Н. Сравнительная характеристика адвокатуры Китайской Народной Республики и Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 6, № 4. С. 23–26.
4. Конституция Российской Федерации. Статьи 48, 123, часть 3.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (в части статуса защитника).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».
7. Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики 2018 года.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.
9. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (редакция, актуальная на 17.10.2026; изменения по 22.04.2024 № 83-ФЗ).
10. Чжан Ин. Сравнительное исследование права подозреваемого на адвокатскую помощь в уголовном судопроизводстве КНР и РФ: автореф. дис. канд. юрид. наук. Владивосток, 2010. 26 с.

Соотношение трудового договора с договорами гражданско-правового характера на примере договоров подряда и возмездного оказания услуг

Одрова Дарья Михайловна, студент
Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета

Разграничение трудового договора и гражданско-правовых договоров сохраняет практическую значимость, поскольку от юридической квалификации отношений зависят гарантии исполнителя, обязанности организации и порядок разрешения споров. Договор подряда и договор возмездного оказания услуг позволяют привлекать самостоятельных исполнителей для достижения конкретного результата или совершения определённых действий. Однако использование этих конструкций не должно приводить к фактическому лишению гражданина трудовых гарантий.

Цель работы — определить критерии разграничения трудового договора, договора подряда и договора возмездного оказания услуг. Для достижения цели рассматриваются нормативные признаки каждого договора, их практические различия и последствия признания гражданско-правовых отношений трудовыми. Методологическую основу составляют формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Теоретическое значение имеет подход, представленный в учебнике С. А. Шаронова и А. Я. Рыженкова: трудовое правоотношение характеризуется личным выполнением трудовой функции в условиях организационной зависимости работника от работодателя, тогда как гражданско-правовое обязательство строится вокруг согласованного предмета исполнения и самостоятельности исполнителя [6].

В соответствии со статьёй 56 Трудового кодекса Российской Федерации трудовой договор представляет собой соглашение, по которому работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции, обеспечить предусмотренные законом условия труда и своевременно выплачивать заработную плату, а работник — лично выполнять эту функцию и соблюдать правила внутреннего трудового распорядка. Статья 15 ТК РФ определяет трудовые отношения как отношения, основанные на соглашении о личном выполнении работником за плату трудовой функции в интересах, под управлением и контролем работодателя.

Из этих положений следует, что для трудового договора характерен не отдельный, заранее обособленный результат, а процесс систематического выполнения трудовой функции. Работник включается в организацию труда работодателя, действует в установленном режиме, а работодатель несёт обязанность организовать труд и обеспечить гарантии, предусмотренные трудовым законодательством. В частности, на работника распространяются нормы об оплате труда, времени отдыха, охране труда и иных гарантиях.

Статья 15 ТК РФ прямо запрещает заключать гражданско-правовые договоры, фактически регулирующие трудовые отношения. Поэтому название документа, указание на статус «исполнителя» или отсутствие приказа о приёме сами по себе не определяют правовую природу отношений. Оценке подлежит фактическое содержание взаимодействия сторон: какие обязанности исполняет гражданин, насколько самостоятельно он организует работу, кто определяет график и контролирует ежедневный процесс.

В пункте 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 15 перечислены обстоятельства, которые могут свидетельствовать о наличии трудовых отношений: выполнение работы по определённой должности или профессии, личное выполнение обязанностей, подчинение установленному режиму, обеспечение условий труда работодателем и устойчивый характер отношений. Эти признаки оцениваются в совокупности: ни один из них, взятый изолированно, не всегда является решающим.

Договор подряда регулируется главой 37 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ).

Согласно статье 702 ГК РФ подрядчик обязуется выполнить по заданию заказчика определённую работу и сдать её результат, а заказчик — принять результат и оплатить его. Таким образом, юридически значимым предметом подряда выступает определённый результат работы, который может быть передан заказчику и проверен на соответствие условиям договора.

Главное отличие подряда от трудового договора заключается в характере обязательства. Подрядчик организует исполнение самостоятельно, в пределах согласованных условий и сроков, и несёт риск последствий ненадлежащего исполнения в предусмотренных законом и договором пределах. Заказчик вправе проверять ход и качество работы, но по общему правилу не должен управлять подрядчиком так, как работодатель управляет работником в рамках ежедневного трудового процесса. Приёмка результата и расчёт за выполненную работу обычно подтверждаются соответствующими документами.

Например, договор на ремонт конкретного помещения, изготовление мебели по техническому заданию или разработку определённого макета может иметь признаки подряда, если стороны согласовали результат, сроки и цену, а исполнитель самостоятельно определяет способы достижения результата. Иная оценка возможна, если гражданин ежедневно выполняет однотипные задания по распоряжениям руководителя, занимает фактическое место в структуре организации, соблюдает установленный график и регулярно получает фиксированную оплату независимо от сдачи конкретного результата. При таких обстоятельствах договор может прикрывать трудовые отношения.

Следовательно, периодичность выплат или наличие актов сдачи-приёмки не позволяют автоматически квалифицировать отношения как гражданско-правовые. Эти документы имеют доказательственное значение, но должны сопоставляться с фактической организацией работы. Важен вопрос о том, приобрёл ли заказчик конкретный результат либо фактически использует личный труд гражданина в рамках своей текущей деятельности.

Договор возмездного оказания услуг предусмотрен главой 39 ГК РФ. По статье 779 ГК РФ исполнитель по заданию заказчика обязуется оказать услуги, то есть совершить определённые действия или осуществить определённую деятельность, а заказчик — оплатить их. В отличие от подряда, где центральное значение имеет сдаваемый результат работы, в услугах существенным может быть само совершение согласованных действий или осуществление деятельности.

При этом договор услуг также предполагает гражданско-правовую самостоятельность исполнителя. Стороны определяют содержание услуги, объём действий, сроки и порядок оплаты, а исполнитель не становится работником заказчика только потому, что оказывает услуги регулярно или лично. Вместе с тем личное выполнение, длительность сотрудничества и ежемесячная оплата могут учитываться судом наряду с другими обстоятельствами, если возник спор о действительной природе отношений.

Например, разовое проведение консультации, подготовка экспертного заключения или оказание услуги по настройке оборудования могут оформляться гражданско-правовым договором, если исполнитель самостоятельно организует деятельность и отвечает за исполнение согласованного обязательства. Если же гражданин фактически работает по постоянному графику, выполняет обязанности штатного специалиста, подчиняется руководителю и включён в производственный процесс организации, формальное описание отношений как «оказания услуг» не исключает признания их трудовыми.

Итак, подряд и возмездное оказание услуг различаются прежде всего предметом гражданско-правового обязательства: в первом случае это сдаваемый результат работы, во втором — определённые действия или деятельность. Оба договора, однако, противопоставляются трудовому договору по критерию организационной самостоятельности исполнителя и отсутствия подчинения правилам внутреннего трудового распорядка. Данный подход согласуется с разъяснениями Верховного Суда РФ, согласно которым суд должен устанавливать действительный характер отношений, а не ограничиваться формальным наименованием договора.

Порядок признания отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми предусмотрен статьёй 19.1 ТК РФ. Такое признание возможно, в частности, лицом, использующим личный труд и являющимся заказчиком по договору, на основании письменного заявления исполнителя и (или) не обжалованного в установленном порядке предписания государственного инспектора труда, а также судом. Если отношения прекращены, признать их трудовыми может суд. Неустранимые сомнения при рассмотрении спора толкуются в пользу наличия трудовых отношений.

При установлении трудового характера отношений к ним применяются нормы трудового законодательства. Это означает необходимость оформления трудовых отношений и предоставления работнику соответствующих гарантий. Кроме того, у работодателя могут возникнуть обязанности по уплате предусмотренных законом платежей и риск административной ответственности за нарушение трудового законодательства, в том числе по статье 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Конкретные последствия зависят от установленных обстоятельств и применимых норм.

Для предупреждения споров сторонам следует соотносить текст договора с реальной моделью взаимодействия. В гражданско-правовом договоре целесообразно ясно определять предмет, объём и сроки исполнения, критерии приёмки, цену и самостоятельность исполнителя. Однако даже подробные формулировки не устранят риск переквалификации, если в действительности гражданин выполняет трудовую функцию под управлением и контролем работодателя. Решающее значение имеет соответствие договорной формы фактическим отношениям.

Трудовой договор, договор подряда и договор возмездного оказания услуг представляют собой самостоятельные правовые конструкции, различающиеся предметом и организацией исполнения. Трудовой договор направлен на регулирование личного выполнения трудовой функции в интересах, под управлением и контролем работодателя. Подряд ориентирован на получение и сдачу определённого результата, тогда как договор услуг — на совершение согласованных действий или осуществление деятельности.

Ключевыми критериями разграничения выступают содержание обязательства, степень самостоятельности исполнителя, наличие подчинения внутреннему трудовому распорядку, характер контроля со стороны заказчика, способ оплаты и включённость гражданина в организационную структуру. Эти признаки необходимо оценивать в совокупности. Ни название договора, ни регулярность выплат, ни акты приёмки сами по себе не дают окончательного ответа о правовой природе отношений.

Таким образом, законное использование гражданско-правовых договоров предполагает реальную самостоятельность исполнителя и наличие согласованного гражданско-правового обязательства. Если же за такой формой скрывается фактическое выполнение трудовой функции, применению подлежат гарантии трудового законодательства, а отношения могут быть признаны трудовыми в порядке статьи 19.1 ТК РФ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с последующими изменениями).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в действующей редакции).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в действующей редакции).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в действующей редакции).
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 г. № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей — физических лиц и у работодателей — субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям».
6. Шаронов С. А., Рыженков А. Я. Трудовое право России: учебник для вузов / под общ. ред. С. А. Шаронова. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2025. 462 с.
7. Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовое право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2024. 768 с.

Проблемные вопросы взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и органов предварительного расследования при расследовании преступлений, связанных с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности в местах лишения свободы

Олейник Илья Александрович, студент магистратуры
Научный руководитель: Шапиро Людмила Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируется сущность понятия «взаимодействие», рассматриваются причины и условия возникновения проблемных вопросов, складывающихся в процессе оперативного сопровождения и расследования уголовных дел по преступлениям, связанным с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности в местах лишения свободы, автором выносятся предложения по их разрешению, практические рекомендации.

Ключевые слова: *взаимодействие, оперативно-розыскная деятельность, предварительное следствие, экстремизм в местах лишения свободы.*

В условиях увеличения численности лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности, а также значительной концентрации в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний России (далее — ФСИН) представителей граждан из ближнего зарубежья, возникают сложности в процессе реализации государственной политики в сфере противодействия экстремистской деятельности.

Проведенный анализ статистических данных Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее —

МВД РФ), Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, наглядно отождествляет тенденцию роста преступлений экстремистской направленности, в том числе и совершаемых в местах лишения свободы.

Так, за отчетный период 2025 года, в Российской Федерации зарегистрировано 2241 (АППГ — 1719) преступлений экстремисткой направленности (+30, 4 %), террористического характера 5920 преступлений (АППГ — 3174, +30,4 %) [1]. Вместе с тем, в 2024 году судами общей юрисдикции РФ было осуждено 861 лиц (АППГ — 697, +23,5 %) за совершение преступлений экстремистской направленности, из них 590 (68,5 %) лицам назначено наказание по приговору суда в виде лишения свободы на определенный срок [2].

Учитывая вышеуказанные аспекты, в настоящее время в учреждениях Уголовно-исполнительной системы России (далее — УИС) формируются благоприятные условия для возникновения предпосылок к совершению преступлений экстремистской и террористической направленности, о чем свидетельствует анализ практической деятельности ФСИН России прошлых лет.

Вместе с тем, принимая также во внимание специфику функционирования деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, а также многогранную сущность экстремизма, проявляющегося в различных его формах (политический, религиозный, национальный), возникают сложности доказывания исследуемой группы преступлений в процессе взаимодействия субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД) и следствия.

Законодателем выделен состав преступления, предусмотренный ст. 280 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) — «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» [3]. В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) предварительное следствие по уголовному делу, предусмотренному ст. 280 УК РФ осуществляется следователями органов Федеральной службы безопасности России (далее — ФСБ) [4]. В рассматриваемом нами контексте под преступлениями, связанными с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности в местах лишения свободы следует прежде всего понимать и иные составы преступлений экстремистской направленности (ст. ст. 282–282.4 УК РФ), совершение которых отождествляется также с так называемом признаком «публичности», предварительное следствие которых осуществляется следователями Следственного комитета Российской Федерации (далее — СК РФ).

Подавляющее число исследуемой группы преступлений экстремистской направленности в местах лишения свободы совершаются посредством вовлечения иных лиц из числа осужденных, подозреваемых и обвиняемых в деятельность запрещенных формирований путем вербовочного процесса лидерами и активными участниками экстремистской организации вновь прибывших лиц в места лишения свободы, шантажом, подкупом, а также иными способами при наличии иных благоприятных факторов. Как правило, данные деяния совершаются публично по следующим причинам:

— в связи с распределением осужденных для проживания и трудоустройства в общедоступных местах (общежития, производственные участки производственной зоны исправительного учреждения), как и подозреваемых и обвиняемых в условиях функционирования следственного изолятора (далее — СИЗО) по камерам;

— в целях формирования благоприятных условий для дестабилизации оперативной обстановки, складывающейся в учреждении УИС;

— демонстрации своих лидерских качеств и способностей как перед спецконтингетом, так и перед сотрудниками администрации пенитенциарного учреждения.

В научной литературе, посвященной криминалистике и теории оперативно-розыскной деятельности сложилось несколько концептуальных подходов к определению понятия взаимодействия.

Так, в частности В. В. Агафонов определяет данное понятие, как регламентированную нормами права согласованную по цели, месту и времени совместную деятельность субъектов, ориентированных на достижение общих либо отдельных задач расследования [5].

А. Г. Лекарь под взаимодействием понимает скоординированную деятельность двух и более структурных подразделений (органов), направленная на решение конкретных задач в борьбе с преступностью [6].

Представленные выше определения позволяют выявить ряд общих элементов, объединяющих их между собой. Так, во всех рассматриваемых определениях, взаимодействие определяется как скоординированная деятельность, основанная на общих задачах, единстве нормативно-правовой базы, базирующейся на положениях законодательных актов по противодействию преступности. Вместе с тем, неотъемлемым элементом взаимодействия является наличие единых согласованных действий, направленных на своевременное выявление, раскрытие и расследование преступления.

Полагаем, что взаимодействие между субъектами ОРД и органами предварительного расследования в выявлении, раскрытии преступлений, связанных с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности в местах лишения свободы выступает одним из элементов системы средств достижения целей и задач уголовного, уголовно-исполнительного и процессуального законодательства Российской Федерации.

Необходимо констатировать факт, что ведомственная разобщенность субъектов ОРД и органов предварительного следствия по природе функциональных задач выступает одним из главных обстоятельств, препятствующим надлежащего взаимодействия оперативного подразделения УИС со следственными органами. Вместе с тем, следователи не располагают допуском к сведениям, составля-

ющим государственную тайну, в частности к материалам, полученным в ходе проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий, а также обладают недостаточным уровнем осведомленности относительно деятельности функционирования учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, а также негативных процессов, происходящих в них.

Кроме того, не все субъекты Российской Федерации характеризуются стабильной оперативной обстановкой в учреждениях УИС, обеспечивающих изоляцию от общества. Особую тревогу вызывает фактор отсутствия правоприменительной практики в ряде территориальных органов в выявлении, раскрытии и расследовании преступных действий, связанных с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности в местах лишения свободы.

Следует упомянуть также о проблеме, вытекающей из института засекречивания свидетелей.

Данный институт в российском уголовном судопроизводстве представляет собой правовой механизм, обеспечивающий конфиденциальность персональных данных свидетеля, а также сведений о его близких лицах, в целях гарантирования их личной безопасности [7].

Основополагающей функцией данного института является защита участников уголовного процесса от противоправного воздействия, выражающегося в оказании давления, угрозах либо мести со стороны подозреваемых, обвиняемых, потерпевших или иных субъектов, имеющих заинтересованность в исходе судебного разбирательства.

В российском уголовно-процессуальном праве институт анонимных свидетелей, как самостоятельный вид доказательств был закреплен законодателем с момента принятия УПК РФ. Согласно положениям ч. 3 ст. 11 и ч. 9 ст. 166 УПК РФ, в случае необходимости обеспечения личной безопасности потерпевшего, его законного представителя, свидетеля, а также близких и иных родственников, уполномоченное должностное лицо может не отражать персональные данные указанных участников уголовного судопроизводства в протоколе соответствующего следственного действия. Вместе с тем, на основании специально вынесенного постановления следователя, засекреченному свидетелю присваивается псевдоним, а также фиксируется образец его подписи, которые подлежат использованию в протоколах следственных действий, осуществляемых с его участием. Также, в соответствии с ч. 3 ст. 11 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ, предусмотрена возможность проведения допроса в условиях, исключающих визуальную идентификацию свидетеля иными участниками судебного разбирательства, без раскрытия подлинных сведений о его личности.

В целях изучения вышеуказанных проблемных вопросов нами было проведено анкетирование 25 должностных лиц следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Омской области, из которых 6 респондентов являлись представителями руководящего звена.

По результатам проведенного опроса установлено, что 83 % руководителей имели опыт работы с уголовными делами экстремистской направленности, а также осуществляли расследование преступлений, совершенных в местах лишения свободы, однако более у 50 % опрошенного подчиненного личного состава опыт с расследованием преступлений экстремистской направленности отсутствовал, как и с преступлениями, совершенными в местах лишения свободы. Вместе с тем, только 21 % подчиненным личном составом применялись на практике меры, направленные на обеспечение личной безопасности участников уголовного процесса посредством их засекречивания, 57 % считали о необходимости применения данных мер только в зависимости от обстоятельств совершенного преступления, как и 50 % респондентов из числа руководящего состава. Иные руководители, как и 37 % опрошенного личного состава отметили, что вышеуказанные меры должны применяться для свидетелей из числа осужденных, подозреваемых, обвиняемых в рамках расследования исследуемой группы преступлений. Примечательно, что более 50 % опрошенных руководителей считают об отсутствии эффективности в проведении межведомственных координационных совещаний (межведомственной комиссии) по вопросам планирования расследования, оперативного сопровождения преступлений экстремистской направленности, как и об отсутствии положительного результата на формирование частной методики расследования данной группы преступлений, однако 89 % опрошенного подчиненного личного состава считают о необходимости проведения данных мероприятий.

Таким образом, проведенное анкетирование подтвердило существование проблемных вопросов, возникающих в процессе расследования преступлений, связанных с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности в местах лишения свободы.

Анализ судебной практики показал, что, как правило, свидетелями по исследуемым уголовным делам выступают следующие группы лиц из числа сотрудников учреждений и органов УИС, в которых произошли негативные события, а также иные субъекты, осуществляющие расследование и оперативное сопровождение уголовного дела. Вторую группу свидетелей представляют свидетели из числа спецконтингента, ставшие очевидцами преступных событий, а также согласившиеся на оказание содействия следствию на стадии досудебного разбирательства.

Существенной проблемой сказывается накладывание отпечатка уровня зараженности криминальной субкультуры учреждения. Несмотря на существование комплекса гарантий безопасности свидетеля, зачастую данные лица из числа осужденных, которые давали засекреченные показания на стадии досудебного производства, отказываются от своих показаний из-за дальнейших возможных опасений личной безопасности в процессе отбывания наказания.

Учитывая специфику функционирования деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от об-

щества, его изолированность, деление на сектора и объекты территории учреждения — постоянный контакт свидетеля-очевидца с представителями администрации учреждения, органами следствия, создают предпосылки к возникновению оказания давления на достоверность и истину предоставляемых сведений сотрудникам правоохранительных органов.

В целях недопущения вышеописанных обстоятельств, негативно влияющих на ход расследования уголовного дела, оперативным работникам учреждения, во взаимодействии со следователем, следует предусмотреть перед проведением определенных следственных действий своевременную изоляцию лидеров и активных участников групп отрицательной направленности, экстремистской ячейки в запираемые помещения либо же в качестве меры пресечения по уголовному делу — заключить под стражу. В крайнем случае, следует также рассмотреть вопрос о переводе свидетелей из числа осужденных в смежное исправительное учреждение, находящееся в территориальном органе УИС либо в близлежащим регионе под благовидным, легендированным предлогом на время расследования преступления.

Таким образом, показания свидетелей из числа спецконтингента по рассматриваемой группе преступлений сложные и неоднозначные, однако в процессе доказывания данные показания являются существенными на стадии судебного разбирательства. Вместе с тем, должностным лицам следует предпринять всевозможные усилия, направленные на недопустимость возникновения факторов, способствующих повлиять на сведения, информацию, данные лицом на стадии предварительного следствия.

Следует также отметить, что уполномоченные должностные лица, осуществляющие производство по уголовным делам, связанным с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности, обязаны принимать во внимание, что исключительно совместное планирование оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий во взаимодействии с сотрудниками оперативных подразделений территориального органа УИС, способно обеспечить надлежащее оперативное сопровождение расследуемого уголовного дела на всех его этапах. Вместе с тем, с момента возбуждения уголовного дела, оперативные работники не должны останавливаться на поиске и документировании оперативно-значимой информации, поскольку, как показал анализ правоприменительной практики, исследуемая группа преступных действий носит длящийся характер.

Проведение координационных совещаний, учебно-методических сборов представителей рабочих групп субъектов осуществления ОРД, органов следствия должны включать как теоретические, так и практические части занятий, с обязательным последующим анализом и обобщением полученных результатов, обзором практического опыта иных территориальных органов в борьбе не только с исследуемой группы преступлений, но и иных в том числе.

Литература:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2025 года. — Текст: электронный // МВД России: [сайт]. — URL: https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/77848182/ (дата обращения: 01.11.2026).
2. Судебный департамент. — Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: [сайт]. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (дата обращения: 01.11.2026).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 N 63-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=mw858u95x8419188570 (дата обращения: 01.11.2026).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) от 18.12.2001 N 174-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=mw85g7l9fm127179270 (дата обращения: 01.11.2026).
5. Агафонов, В. В. Криминалистика: учебник для бакалавров / В. В. Агафонов. — 3-е изд., пер. и доп. — М.: Юрайт, 2013. — 325 с.
6. А. Г. Лекарь Предотвращение преступлений органами охраны порядка: дис. … д-ра юрид. наук. М., 1967. С 98.
7. Шестакова С. Д., Маркова Е. А. Анонимность свидетелей в российском уголовном процессе // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2 — № 4. — С. 32–36.

Направления совершенствования действующего законодательства об административной ответственности в области промышленности, строительства, энергетики

Орлова Анна Михайловна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В рамках данной статьи проводится анализ главы 9 КоАП РФ на предмет недостаточного разграничения промышленной, строительной и энергетической деятельности, бланкетности норм и однообразия санкций. Обосновываются направления совершенствования законодательства: унификация терминологии, разграничение ответственности, развитие альтернативных механизмов и цифровизация контроля в данных областях.

Ключевые слова: *административная ответственность, промышленность, строительство, энергетика, кодекс, административные правонарушения, совершенствование законодательства*

Directions of improvement of the current legislation on administrative responsibility in the field of industry, construction, energy

Within the framework of this article, an analysis is conducted of Chapter 9 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in terms of the insufficient differentiation between industrial, construction, and energy activities, the use of blanket norms, and the uniformity of sanctions. The directions for improving the legislation are substantiated: unification of terminology, delineation of liability, development of alternative mechanisms, and digitalization of control in these areas.

Keywords: *administrative liability, industry, construction, energy, code, administrative offenses, improvement of legislation.*

Промышленность, строительство и энергетика традиционно выступают фундаментом национальной экономики. Однако их функционирование сопряжено с повышенной техногенной опасностью. Если установленные правила игнорируются или нарушаются, это закономерно приводит к аварийным ситуациям, которые угрожают жизни и здоровью населения, причиняют вред окружающей среде и влекут значительные финансовые потери. [5, с.151–158].

Очевидно, что в подобных условиях институт административной ответственности приобретает особую роль, выступая ключевым механизмом пресечения. Вместе с тем, современное правовое законодательство, регулирующее указанные отрасли, не отличается безупречностью, что в свою очередь актуализирует необходимость всестороннего анализа существующих норм и определения векторов их дальнейшего совершенствования.

Глава 9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях посвящена составам правонарушений, связанных с промышленностью, строительством и энергетикой [1, 2]. Эти правонарушения имеют ряд отличительных черт, которые формируют их особую группу. Прежде всего речь идет об особом объекте посягательства. Им выступают безопасная эксплуатация объектов, соблюдение технологических стандартов, охрана труда и предотвращение негативного воздействия на окружающую среду [3, с.508]. Субъективный состав таких правонарушений включает как должностных лиц, так и индивидуальных предпринимателей.

Еще одна особенность состоит в том, что многие нормы сформулированы через отсылки к государственным стандартам, строительным нормам и правилам, требованиям промышленной безопасности и градостроительному законодательству. Подобная детализация позволяет точнее определить вид правонарушения и установить связь между допущенным нарушением и возникшей угрозой безопасности.

Одной из серьёзных проблем действующего регулирования является отсутствие ясных критериев разграничения понятий «промышленность», «строительство» и «энергетика» в структуре главы 9 КоАП РФ [5, с.151–158; 4 с.90–92]. В названии главы и в отдельных статьях эти категории используются как относительно самостоятельных сферы правового регулирования. Однако с экономической и правовой точки зрения строительство и энергетика во многом являются составными частями промышленной деятельности: строительство обеспечивает создание и реконструкцию производственных объектов, а энергетика их функционирование и ресурсное снабжение.

Из-за этого на практике возникают затруднения. Чтобы квалифицировать то или иное деяние, правоприменителю приходится обращаться к различным нормативным правовым актам, чтобы установить отраслевую принадлежность объекта и определить подходящую статью КоАП РФ. Судебная же практика иногда толкует понятие «промышленность» широко, включая в него строительство и энергетику. Это подтверждает необходимость приведения структуры главы 9 КоАП РФ в соответствие с фактической правовой природой регулируемых отношений [5, с.151–158].

В связи с этим совершенно обоснованно предложение о переименовании главы 9 КоАП РФ в «Административные правонарушения в промышленности», отказавшись от использования терминов «строительство» и «энергетика», как равнозначных видов понятий. Одновременно следует пересмотреть составы правонарушений, уточнив объект посягательства и сферу действия каждой нормы. Это позволит уменьшить число ошибок квалификации, повысит определенность законодательства и облегчит правоприменение.

Значительная часть составов правонарушений, предусмотренных главой 9 КоАП РФ, носит бланкетный характер. Для их применения требуется обращение к Градостроительному кодексу РФ, Федеральному закону «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», законодательству об электроэнергетике, теплоснабжении и иным нормативным актам. Сама по себе бланкетность не является недостатком, поскольку она позволяет учитывать изменения в отраслевом регулировании. Однако, на практике это нередко порождает противоречия между КоАП РФ и специальными нормами [3, с.508–511].

Дополнительные сложности связаны с разграничением административных правонарушений и преступлений. Например, нарушение требований промышленной безопасности может рассматриваться и как административное правонарушение, и как преступление — в зависимости от наступивших последствий. Решающее значение имеет факт наступления общественно опасных последствий, который не всегда очевиден в момент выявления нарушения. В результате возникает риск неоднозначной квалификации и усложняется работа контрольно-надзорных органов.

Основными направлениями совершенствования в данной части являются: во-первых, унификация терминологии, используемой в КоАП РФ и отраслевом законодательстве; во-вторых, устранение дублирования и противоречий между нормами; в-третьих, подготовка методических разъяснений для правоприменителей по вопросам квалификации правонарушений в промышленности, строительстве и энергетике. Целесообразно также предусмотреть регулярный мониторинг правоприменительной практики с последующей корректировкой законодательства [3, с.508–511; 5, с.152–157].

Анализ санкций главы 9 КоАП РФ показывает, что главной мерой ответственности остается административный штраф. Безусловно, штраф выполняет превентивную и карательную функции, однако его эффективность не всегда достаточна. Для отдельных категорий правонарушений более действенными могли бы стать предупреждение, административное приостановление деятельности или иные меры, направленные на реальное устранение нарушения.

В научной литературе обосновывается необходимость расширения применения административного приостановления деятельности по ряду статей, регулирующих смежные градостроительные и промышленные отношения. Такой подход дает возможность оперативно реагировать на нарушения, создающие прямую угрозу безопасности. Кроме того, требует уточнения порядок назначения штрафов субъектам малого и среднего предпринимательства. Соразмерность наказания должна определяться с учетом характера нарушения, степени его опасности, имущественного положения лица и добровольного устранения последствий.

Дифференциация ответственности предполагает также более точное определение признаков субъективной стороны и обстоятельств, исключающих ответственность. Санкции должны стимулировать добросовестное поведение, именно поэтому следует развивать институт предупреждения для впервые совершенных нарушений, не повлекших вредных последствий, при условии быстрого устранения выявленных недостатков [4, с.90–92].

Перспективным направлением совершенствования законодательства является внедрение механизмов, побуждающих добросовестно устранять нарушения. Одним из таких инструментов выступает модель «инвестиции вместо штрафов», предполагающая заключение соглашения между хозяйствующим субъектом и контрольным органом. Если соглашение исполнено, лицо может быть освобождено от административной ответственности и уплаты штрафа. Такой механизм снижает административную нагрузку на бизнес и одновременно обеспечивает реальное устранение нарушений.

Однако применение указанного механизма требует четкой правовой регламентации. Следует определить условия заключения соглашения, критерии отбора нарушений, при которых оно допустимо, порядок контроля за исполнением обязательств и последствия неисполнения. Важно исключить возможность злоупотреблений и обеспечить баланс публичных и частных интересов. Механизм не должен применяться, если нарушение создает непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан или повлекло тяжкие последствия.

Развитие альтернативных мер ответственности следует рассматривать в системной связи с профилактикой правонарушений. Контрольно-надзорные органы должны ориентироваться не только на выявление и наказание, но и на предупреждение нарушений. Это соответствует современным подходам к административному регулированию, основанным на риск-ориентированном подходе и стимулировании правомерного поведения [5, с.151–158; 4, с.90–92].

Современные технологические изменения требуют адаптации законодательства к новым реалиям. В сферах промышленности, строительства и энергетики растет значение цифрового контроля, автоматизированных систем мониторинга и дистанционного выявления нарушений. Такие инструменты способны повысить оперативность реагирования, снизить издержки контроля и полнее фиксировать обстоятельства правонарушений.

Вместе с тем установление факта правонарушения нередко требует проведения экспертных исследований с участием квалифицированных специалистов. Это увеличивает сроки рассмотрения дел и нагрузку на право-

применителей. В связи с этим целесообразно разработать методические рекомендации по проведению экспертиз по делам о нарушениях в промышленности, строительстве и энергетике, а также уточнить требования к доказательствам, полученным с помощью цифровых средств [5, с.151–158].

Цифровизация не должна заменять правовую оценку деяния. Автоматизированные системы могут фиксировать признаки нарушения, но окончательная квалификация остается за уполномоченным органом. Поэтому важно обеспечить прозрачность процедур, возможность обжалования решений и соблюдение прав лиц, привлекаемых к ответственности.

Заключение

Проведенный анализ позволяет определить основные направления совершенствования действующего законодательства об административных правонарушениях в области промышленности, строительства и энергетики.

Во-первых, необходима унификация терминологии и переименование главы 9 КоАП РФ с учетом родового характера понятия «промышленность». Во-вторых, требуется гармонизация норм КоАП РФ с отраслевым законодательством и устранение противоречий в квалификации правонарушений. В-третьих, следует дифференцировать административную ответственность и расширить перечень альтернативных санкций, включая административное приостановление деятельности. В-четвертых, важно развивать механизмы «инвестиции вместо штрафов» и иные инструменты, стимулирующие устранение нарушений. В-пятых, необходимо продолжать цифровизацию контрольной (надзорной) деятельности и адаптировать составы правонарушений к технологическим реалиям.

Реализация этих направлений будет способствовать повышению эффективности правового регулирования, снижению количества ошибок квалификации и обеспечению безопасности в стратегически значимых отраслях экономики.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.04.2026). —М.: Проспект, 2026. — 512 с.
2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.02.2011 № 11 «О некоторых вопросах применения главы 9 КоАП РФ». — М.: Юридическая литература, 2011. — 24 с.
3. Орлова, А. М. Характеристика составов административных правонарушений в промышленности, строительстве, энергетике / А. М. Орлова // Молодой ученый. — 2026. — № 18 (621). — С. 508–511.
4. Петухов, А. Г. Особенности административной ответственности за правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике / А. Г. Петухов // Молодой ученый. — 2026. — № 40 (643). — С. 90–92.
5. Чибчикова, В. С. Проблемы и пути совершенствования административной ответственности в промышленности, строительстве и энергетике / В. С. Чибчикова // Вопросы российского и международного права. — 2024. — Т. 14, № 9–1. — С. 151–158.

Правовое регулирование договоров в электронной коммерции: проблемы и перспективы совершенствования

Парамонова Светлана Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется современное состояние правового регулирования договорных отношений, складывающихся в сфере электронной коммерции. Анализируется российское законодательство (Гражданский кодекс РФ, законодательство об электронной подписи, о защите прав потребителей, о платформенной экономике). Выявляются ключевые проблемы: неопределённость момента заключения онлайн-договора, риски идентификации сторон, правовой статус электронных агентов и смарт-контрактов, ответственность операторов цифровых платформ. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: *электронная коммерция, электронный договор, дистанционный способ продажи, электронная подпись, оферта и акцепт в цифровой среде, маркетплейсы, смарт-контракт, цифровая платформа, защита прав потребителей.*

Актуальность статьи обусловлена стремительным ростом доли цифровых платформ в розничной торговле. Правовое регулирование договоров в электронной коммерции в России — многоуровневая система: её основу составляют нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) (в т. ч. ст. 160, 434, 494),

дополненные законами об электронной подписи (№ 63-ФЗ), об информации (№ 149-ФЗ) и о защите прав потребителей (далее — ЗоЗПП).

Доля цифровых платформ в розничной торговле составляет около 15 %, в 2024 г. через них совершено свыше 6 млрд заказов. При этом регулирование во многом «догоняет» практику: классические нормы о форме договора, оферте и акцепте требуют адаптации к онлайн — среде, где волеизъявление выражается конклюдентными действиями (оплата, отметка «согласен», ввод SMS-кода), а стороной сделки может выступать автоматизированная система.

Ключевыми новеллами являются:

1. Вступление в силу с 1 сентября 2026 г. дополнительных гарантий для дистанционных сделок (ФЗ от 28.12.2024 № 546-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10 и 26.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»») — устанавливаются особенности предоставления продавцом потребителю информации об обязательном подтверждении соответствия товаров при дистанционном способе их продажи.

2. Вступление в действие с 1 октября 2026 г. ФЗ от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»: закон вводит реестр платформ, обязывает их проверять продавцов (через ЕГРЮЛ, ЕГРИП, ЕСИА), информировать пользователей об условиях договоров и порядке возврата, хранить электронные договоры не менее 3 лет, а также распределяет ответственность между платформой и продавцом.

Далее рассмотрим основные проблемы правового регулирования договоров в электронной коммерции:

1. Неединообразная судебная практика по квалификации информации на сайте как оферты.

2. Риски идентификации сторон при использовании учётных данных (логин/пароль), необходимость сбора цифровых доказательств (скриншоты, протоколы осмотра и др.).

3. Сложности с определением применимого права и подсудности в трансграничных сделках.

4. Отсутствие специального регулирования смарт-контрактов: их техническая реализация ограничивает диспозитивность сторон, порождая правовую неопределённость (подтверждено, в частности, постановлением Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2023 по делу № А55–7445/2022).

5. Информационная асимметрия из-за доминирования правил маркетплейсов над правами потребителей (до принятия закона № 289-ФЗ).

Направления совершенствования:

1. Закрепить единый понятийный аппарат (электронная сделка, электронный агент, цифровая платформа).

2. Регламентировать статус электронных агентов и распределение рисков сбоев (с опорой на Типовой закон ЮНСИТРАЛ).

3. Ввести специальное регулирование смарт-контрактов (статус, требования к реализации, механизмы изменения/прекращения, ответственность, порядок разрешения споров).

4. Усилить защиту прав потребителей через реализацию потенциала закона № 289-ФЗ и его гармонизацию с ГК РФ и ЗоЗПП.

5. Развивать взаимное признание электронных подписей в трансграничном обороте и стандартизацию цифровых доказательств.

6. Учитывать зарубежный опыт (в т. ч. подходы Закона КНР об электронной торговле).

Подводя итог, можно сказать, что текущая система достаточна для типовых B2C сделок, но требует развития в части электронных агентов, смарт-контрактов и трансграничного оборота. Перспективна поэтапная кодификация норм об электронных сделках — в едином акте либо в специальных главах ГК РФ с сохранением базовых принципов договорного права (определённость, идентификация субъектов, достоверность волеизъявления).

При этом развитие регулирования должно сохранять фундаментальные принципы договорного права: юридическую определённость, идентификацию субъектов и достоверность волеизъявления. Общая логика состоит в том, что электронная оболочка сделки не отменяет классических цивилистических конструкций — право лишь модифицирует форму и распределение рисков.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
2. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи».
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
4. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации».
5. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей»; Федеральный закон от 28.12.2024 № 546-ФЗ.
6. Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи…».
7. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2023 по делу № А55–7445/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Гармашев М. А. Смарт-контракт как договор. Виды, способы заключения и совершения, проблемы исполнения // Legal Bulletin (Правовое регулирование экономической деятельности). 2023. Т. 8. № 2. С. 77–87.

Генезис и эволюция правового регулирования договора поставки в российском гражданском праве: от дореволюционных кодификаций до современности

Печеревина Евгения Андреевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье проводится комплексный историко-правовой анализ генезиса и эволюции договора поставки в российском гражданском праве. Исследование охватывает три ключевых этапа: дореволюционный период, советский период и современный этап развития законодательства. Особое внимание уделено трансформации дуалистической природы договора поставки, в котором частноправовые начала исторически сочетались с публично-правовыми императивами при удовлетворении государственных и муниципальных нужд. Сделан вывод о том, что современное регулирование представляет собой синтез классических цивилистических конструкций и жестких административно-правовых ограничений, что требует сохранения баланса между принципом свободы договора и публичными интересами.

Ключевые слова: *договор поставки, генезис, гражданское право, Свод законов Российской империи, ГК РСФСР 1964 г., ГК РФ, государственные и муниципальные нужды, историко-правовой анализ, дуализм права.*

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью глубокого теоретического осмысления природы договора поставки, особенно в контексте его применения для удовлетворения государственных и муниципальных нужд. Современное регулирование данного института (глава 30 § 4 ГК РФ в системной связи с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ) характеризуется сложным переплетением частноправовых и публично-правовых начал. Понимание генезиса этого института позволяет выявить устойчивые правовые конструкции, избежать повторения исторических ошибок и обосновать направления совершенствования действующего законодательства.

Степень научной разработанности. Вопросы истории договора поставки в разные периоды затрагивались в трудах дореволюционных цивилистов (Д. И. Мейер, Г. Ф. Шершеневич, И. А. Покровский), советских правоведов (С. Н. Братусь, О. С. Иоффе, М. И. Брагинский) и современных исследователей (В. В. Витрянский, Е. А. Суханов, Ю. К. Толстой). Однако комплексный анализ эволюции именно дуалистической природы договора поставки (как инструмента как частного оборота, так и обеспечения публичных нужд) в единой исторической ретроспективе требует дальнейшего научного развития.

Целью статьи является выявление основных закономерностей и этапов трансформации правового регулирования договора поставки в России с акцентом на специфику поставок для государственных потребностей.

Исторические корни договора поставки в России восходят к средневековому праву, однако его оформление как самостоятельной гражданско-правовой конструкции произошло в период кодификации XIX века. В «Соборном уложении» 1649 года уже содержались нормы, регулирующие поставку продовольствия и снаряжения для армии, что свидетельствует о раннем осознании государством необходимости особого правового режима для обеспечения «казенных» нужд.

Ключевым этапом стало принятие «Свода законов гражданских» 1832 года (и его переработанной версии 1857 года). В Своде договор поставки не был выделен в качестве самостоятельного вида обязательств, а рассматривался как разновидность договора купли-продажи. Однако законодатель уже тогда проводил четкое разграничение между обычной куплей-продажей и поставкой товаров для казны. Специальные правила (ст. 573–593 Свода законов гражданских) устанавливали жесткие требования к форме казенных контрактов, порядку проведения торгов, ответственности поставщика и правам казны на одностороннее расторжение договора при нарушении сроков. Как справедливо отмечал Д. И. Мейер, казенный подряд и поставка отличались от частных сделок «преобладанием публичного интереса, который поглощает начала частного права» [4, с. 312].

Г. Ф. Шершеневич в своем фундаментальном «Курсе гражданского права» определял поставку как такой договор купли-продажи, при котором продавец обязуется доставить покупателю в определенный срок вещи, определенные родовыми признаками, для предпринимательских целей покупателя [5, с. 485]. При этом дореволюционная доктрина единодушно признавала, что поставка для государственных нужд, сохраняя гражданско-правовую форму, подчиняется особым административным регламентам, что заложило основу для будущего дуализма этого института.

Революция 1917 года и последующая национализация коренным образом изменили парадигму гражданского оборота. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, разработанный под влиянием германского BGB и с учетом реалий новой экономической политики (нэпа), сохранил договор поставки как самостоятельный вид обязательств (ст. 129–131 ГК РСФСР 1922 г.). В этот период поставка еще сохраняла многие черты классического гражданского договора, хотя уже начала использоваться как инструмент государственного распределения ресурсов.

Качественный перелом произошел с переходом к командно-административной системе и принятием ГК РСФСР 1964 года. В условиях плановой экономики договор поставки утратил свою частноправовую сущность и трансформировался в «хозяйственный договор». Он

стал юридической формой выполнения народно-хозяйственного плана. Как подчеркивал О. С. Иоффе, «договор поставки в советском праве — это не просто соглашение двух сторон, а акт утверждения планового задания, облеченный в гражданско-правовую форму» [3, с. 145].

Особенности советского регулирования включали:

Императивность: существенные условия (ассортимент, качество, сроки) диктовались плановыми актами, а не волей сторон.

Претензионный порядок: обязательное досудебное рассмотрение споров в системе Государственного арбитража.

Жесткая ответственность: применение штрафных санкций за недопоставку, которые носили не столько компенсационный, сколько карательно-стимулирующий характер для обеспечения выполнения плана.

В этот период поставка для государственных нужд фактически поглотила общее понятие поставки, поскольку основными субъектами оборота были государственные предприятия и организации. Частноправовые начала (свобода договора, диспозитивность) были вытеснены публично-правовым императивом.

Распад СССР и переход к рыночной экономике потребовали радикального пересмотра концепции договорного права. Гражданский кодекс РФ (часть вторая, 1996 г.) совершил «цивилистический ренессанс», вернув договор поставки в лоно классической римской традиции как разновидность договора купли-продажи (ст. 506 ГК РФ). Законодатель отказался от искусственного обособления «хозяйственного договора», подчинив поставку общим правилам об обязательствах и договоре купли-продажи.

Однако, признавая равенство участников оборота, законодатель сохранил и развил специальный параграф (§ 4 гл. 30 ГК РФ), регулирующий поставку товаров для государственных или муниципальных нужд [2, с. 165]. Эта конструкция стала ответом на объективную потребность в особом правовом режиме для расходования бюджетных средств.

На современном этапе генезис договора поставки для государственных нужд характеризуется формированием нового дуализма:

Частноправовая основа: ГК РФ определяет существо обязательства, условия о предмете, цене, качестве, а также общие основания ответственности (неустойка, возмещение убытков).

Публично-правовая надстройка: Федеральный закон № 44-ФЗ и № 223-ФЗ жестко регламентируют процедуры заключения контракта (конкурентные способы определения поставщика), ограничивают свободу изменения и расторжения договора, вводят специфические механизмы обеспечения исполнения и реестр недобросовестных поставщиков.

Как отмечает В. В. Витрянский, современное регулирование создает ситуацию, при которой «материально-правовое содержание государственного контракта определяется Гражданским кодексом, а процедурно-правовой механизм его заключения и основные ограничения свободы договора — специальным законодательством о контрактной системе» [1, с. 112]. Это порождает коллизии, например, при применении ст. 450.1 ГК РФ (односторонний отказ) и ст. 95 Закона № 44-ФЗ, что требует тщательного доктринального осмысления.

Проведенный историко-правовой анализ позволяет сделать следующие выводы:

Генезис договора поставки в России носит циклический характер: от дореволюционной модели, где частноправовая природа сочеталась со специальными правилами для «казенных» нужд, через советскую модель тотального огосударствления и планового «хозяйственного договора», к современной модели, основанной на рыночных началах с элементами публичного контроля.

Специфика поставки для государственных и муниципальных нужд является исторически устойчивой характеристикой данного института. Потребность государства в особом правовом режиме обеспечения своих нужд существовала во все периоды, трансформируясь от «казенных подрядов» XIX века к современному «государственному контракту».

Современная правовая конструкция договора поставки для государственных нужд представляет собой сложный синтез. Для минимизации правоприменительных коллизий необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, направленное на гармонизацию императивных норм Закона № 44-ФЗ с диспозитивными началами ГК РФ, в частности, в вопросах распределения рисков, ответственности за неисполнение обязательств и применения последствий существенного изменения обстоятельств (ст. 451 ГК РФ).

Понимание этого генезиса имеет не только академическую, но и сугубо прикладную ценность, позволяя арбитражным судам и участникам закупок корректно применять субсидиарные нормы гражданского права там, где специальное законодательство содержит пробелы.

Литература:

1. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга 2. Договоры о передаче имущества / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — 2-е изд., стер. — Москва: Статут, 2011. — 780 с. ISBN 978–5–8354–0750–7
2. Гражданское право: учебник: в 2 томах. Том 2 / под ред. Б. М. Гонгало. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2021. — 602 с. — ISBN 978–5–8354–1718–6.
3. Иоффе, О. С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О. С. Иоффе. — 4-е изд. — Москва: Статут, 2020. — 782 с. — (Классика российской цивилистики). — ISBN 978–5–8354–1670–7.

4. Мейер, Д. И. Русское гражданское право: курс лекций / Д. И. Мейер. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва: Статут, 2021. — 846 с. — (Классика российской цивилистики). — ISBN 978–5–8354–1751–3.
5. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданиям 1912 и 1914- 1915 гг.): в 2 томах. Том 1: учебник / Г. Ф. Шершеневич. — Москва: Статут, 2021. — 838 с. — ISBN 978–5–8354–1766–7.

Пределы применения искусственного интеллекта при осуществлении прокурорского надзора: достоверность результатов и ответственность за принимаемые решения

Пивоваров Кирилл Максимович, студент;
Махмудов Мурад Камильевич, студент
Научный руководитель: Асташкина Елена Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются пределы использования искусственного интеллекта в прокурорско-надзорной деятельности. Разграничены вспомогательные операции, допускающие автоматизацию, и юридически значимые решения, принятие которых относится исключительно к компетенции прокурора. Проанализированы требования к достоверности исходных данных и проверяемости алгоритмического вывода, вопросы защиты служебной информации, а также распределения ответственности между прокурорским работником, руководителем подразделения, оператором информационной системы и разработчиком. Предложены трехуровневая модель допустимости применения искусственного интеллекта и порядок документирования работы с ним. Авторы обосновывают вывод: результат алгоритмической обработки допустим как информационный ориентир, но не может сам по себе составлять фактическое и правовое основание акта прокурорского реагирования.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, прокурорский надзор, цифровая трансформация, достоверность данных, алгоритмическое решение, прокурорская проверка, ответственность, права человека.*

Автоматизацией делопроизводства цифровая трансформация прокуратуры уже не ограничивается. Следующий ее этап связан с анализом больших массивов данных. В Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года предусмотрены формирование баз данных для внедрения искусственного интеллекта, интеллектуальная обработка служебных документов, применение алгоритмов для выявления признаков нарушений закона [5]. Эти инструменты позволяют быстрее распределять обращения и сопоставлять сведения из нескольких реестров, помогают контролировать сроки, замечать нетипичные отклонения. Вместе с тем удобство программной рекомендации порождает вполне определенный риск: ее могут принять за готовое юридическое решение.

Где проходит граница между технической помощью и подменой прокурорского усмотрения? Именно этот вопрос, а не сам факт обращения к искусственному интеллекту, составляет суть проблемы. Прокурорский надзор ведется от имени Российской Федерации в целях обеспечения верховенства закона, защиты прав и свобод человека, интересов общества и государства [2; 6, с. 176–177]. Здесь цена алгоритмической ошибки не исчерпывается неточной статистикой. Ее последствиями могут стать необоснованная проверка или истребование документов, неверно выбранная мера реагирования. Возможен и обратный результат — нарушение останется без внимания.

Цель исследования — определить юридически обоснованные пределы применения искусственного интеллекта при осуществлении прокурорского надзора. Для этого требуется очертить круг допустимых задач алгоритмических систем, сформулировать требования к достоверности их результатов и предложить модель ответственности за подготовленные с их помощью решения. В работе использованы формально-юридический, системный и сравнительный методы; исследованы действующее законодательство и современная юридическая литература. Научная новизна состоит в предложении трех уровней допустимости использования искусственного интеллекта: безопасного, условно допустимого и недопустимого. Каждый из них соотнесен с последствиями для прав граждан и объемом обязательной проверки человеком.

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года применение этой технологии связано с получением результатов, сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности человека [4]. Для прокурора, однако, совпадения со статистической закономерностью недостаточно. Юридическая квалификация, оценка достаточности сведений и выбор полномочия предполагают учет целей закона и конкретных

обстоятельств, пределов допустимого вмешательства, возможных последствий для лица. Поэтому в надзорной деятельности искусственному интеллекту отводится роль программного инструмента обработки информации. Самостоятельным участником правоотношений он от этого не становится.

Понимание природы прокурорского надзора подтверждает такое разграничение. Е. Н. Асташкина и Е. С. Курохтина связывают его содержание с реализацией предусмотренных законом полномочий по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений [6, с. 176–177]. Алгоритм подобных полномочий не имеет. Он не действует от имени Российской Федерации, не может самостоятельно принять протест, представление, постановление или предостережение. Цифровая система помогает установить фактические сведения и привести их в порядок; юридически значимое волеизъявление остается за компетентным должностным лицом.

Прежде всего применение искусственного интеллекта оправдано в операциях, результат которых легко сверить с первичным источником. Это тематическая классификация обращений и поиск повторных жалоб, извлечение реквизитов документов, контроль процессуальных и организационных сроков. Сюда же относятся сопоставление редакций нормативных актов, обезличенная статистическая обработка, подбор релевантной судебной практики. Содержание итогового решения технология в этих случаях не определяет: она освобождает работника от части механических операций. М. Е. Левенчук также рассматривает аналитическую, статистическую работу и обработку типовых материалов как перспективные направления, оговаривая необходимость специального регулирования и защиты конфиденциальных сведений [11, с. 199–204].

Большей осторожности требуют системы, которые оценивают вероятность нарушения или предлагают правовую квалификацию. Риск-профиль подсказывает, какие документы стоит изучить. Самого нарушения он не подтверждает. Выявленное по прошлым данным совпадение с шаблоном не освобождает от проверки обстоятельств конкретного случая. Особенно серьезен риск при неполной обучающей выборке либо при включении в нее сложившихся ошибок правоприменения: вместо устранения недостатков практики алгоритм воспроизводит их, причем в большем масштабе.

У достоверности алгоритмического результата как минимум четыре составляющие: качество исходных данных, соответствие модели задаче, объяснимость пути получения вывода и последующая проверка прокурором. Сбой в любой из них ставит вывод под сомнение. Техническая исправность программы сама по себе не спасает от неверной рекомендации. Достаточно загрузить устаревшие сведения, вырванные из контекста документы или дублирующие записи; столь же ненадежны данные, происхождение которых установить нельзя.

Отдельного внимания заслуживают генеративные модели. Построенный на вероятностных связях текст может содержать несуществующую норму, судебное решение либо библиографическую ссылку, изложенные при этом уверенно и связно. Одной стилистической вычитки проекта справки или ответа здесь мало. Необходима содержательная проверка: прокурорский работник обращается к официальному тексту нормативного акта, материалам проверки, первоисточнику каждого фактического утверждения. Иначе за убедительной формой документа может не оказаться надлежащего основания.

Для прогнозных моделей принципиально разграничение корреляции и юридически значимой причинной связи. Необычная частота закупок, множество однотипных обращений, резкое изменение показателя дают повод для анализа, но сами по себе не доказывают незаконность поведения. По Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» проверка исполнения законов связана с поступившей информацией о фактах нарушения, подтвердить или опровергнуть которую без проверки нельзя [2]. Алгоритм способен помочь в обнаружении такой информации. До принятия решения прокурору, однако, предстоит выяснить, на каких конкретно данных основан сигнал, сохраняют ли они актуальность и возможно ли иное, законное объяснение выявленного отклонения.

Возможность перепроверить результат требует сохранения цифрового следа. Он охватывает наименование и версию системы, время запроса, категорию использованных данных, текст задания, полученный ответ, действия работника по его проверке. Речь не об избыточной формальности: по этой записи можно восстановить ход принятия решения и установить источник ошибки. Она позволяет отличить недостатки исходных сведений от дефекта модели или неверного использования программы. Примечательно, что требования доверия к системам искусственного интеллекта также связаны с управлением качеством данных, устойчивостью, безопасностью и контролируемостью [13].

Проверку алгоритмического результата целесообразно подчинить ведомственному стандарту. В него предлагается включить:

1) установление источника данных и даты их актуальности;

2) проверку полномочий на доступ к информации и ее обработку;

3) сопоставление вывода как минимум с одним независимым первичным источником;

4) фиксацию версии программного решения;

5) оценку возможного влияния ошибки на права граждан;

6) мотивированное принятие или отклонение рекомендации;

7) сообщение оператору о выявленной системной ошибке.

Глубина проверки должна зависеть от тяжести возможных правовых последствий. Чем они серьезнее, тем тщательнее проверка.

Разграничить допустимую помощь и недопустимую передачу полномочий на практике позволяет предлагаемая трехуровневая модель. В ее основе — характер результата и его способность самостоятельно повлиять на права и обязанности человека или организации, а не название применяемой технологии (табл. 1).

Таблица 1

Уровень	Допустимые операции	Условия и ограничения
Безопасный («зеленый»)	Поиск документов; тематическая сортировка обращений; выявление дубликатов; контроль сроков; обезличенная статистика; формирование технических перечней.	Результат не создает правовых последствий и легко проверяется по исходным данным.
Условно допустимый («желтый»)	Риск-оценка; обнаружение аномалий; проект правовой позиции; сопоставление материалов; предложение квалификации; проект ответа.	Обязательны проверка первоисточников, фиксация использования ИИ и самостоятельная мотивировка прокурора.
Недопустимый («красный»)	Автоматическое решение о проверке; окончательная оценка нарушения; выбор и подписание акта реагирования; решение, ограничивающее права; загрузка служебных материалов в открытую нейросеть.	Делегирование решения запрещено; требуется личное осуществление полномочия прокурором и защищенный контур обработки данных.

К «зеленой» зоне отнесены действия без самостоятельного правового значения. Ошибку здесь обычно удается обнаружить до принятия решения и исправить без существенного вреда. Но безопасный уровень не означает отказа от контроля качества и информационной безопасности. Даже неверная сортировка обращения способна обернуться пропуском срока или передачей материала подразделению, которое не обладает нужной компетенцией.

Результат из «желтой» зоны уже направляет профессиональный анализ. Принимать его на веру нельзя: прокурору необходимо установить, какие признаки лежат в основе рекомендации, сверить их с документами и изложить собственные мотивы. Исследователи применения искусственного интеллекта при надзоре за предварительным расследованием также подчеркивают необходимость человеческого контроля на каждом этапе [10, с. 38–42]. Для этой зоны особенно существенна опасность «автоматизационного смещения». Работник может согласиться с программным выводом не вследствие его обоснованности, а лишь потому, что за ним стоит сложная система.

В «красную» зону попадают решения, реализующие властные полномочия либо непосредственно затрагивающие права и законные интересы. Независимость органов прокуратуры и строгое соответствие их деятельности закону закреплены законодательно [2]. С этими началами несовместимо положение, при котором выбор фактически делает непрозрачная внешняя система, а подпись работника остается формальностью. Важен и ориентир статьи 16 Федерального закона «О персональных данных»: за исключением специально установленных случаев она запрещает принимать затрагивающие права лица решения исключительно на основании автоматизированной обработки его персональных данных [3].

В материалах прокурорских проверок могут находиться персональные данные, сведения ограниченного доступа, данные предварительного расследования, иная чувствительная информация. При передаче общедоступному сервису контроль над ними может быть утрачен. Пользователь не всегда знает, где будет храниться текст, кто получит к нему технический доступ и возможно ли его повторное использование. Обезличивание тоже не дает безопасности во всех случаях. По совокупности обстоятельств иногда можно вновь установить конкретное лицо, поэтому само удаление идентифицирующих сведений не делает открытую нейросеть безопасной.

Для работы со служебными материалами нужен контролируемый закрытый контур. Его условия — разграничение прав доступа, журналирование действий, отечественная инфраструктура и установленные сроки хранения. Защищенная ведомственная система позволяет определить оператора данных и обеспечить расследование инцидента. Личный аккаунт сотрудника во внешнем сервисе ее не заменяет. В Концепции цифровой трансформации прокуратуры до 2030 года внедрение искусственного интеллекта прямо связано с повышением информационной безопасности и технологической независимостью [5].

У лица должна сохраняться возможность оспорить решение, подготовленное с применением алгоритмической системы. Это не требует раскрытия программного кода во всех случаях, но предполагает понимание фактических и правовых оснований затронувшего его решения. Сослаться на «вывод системы» — еще не значит привести мотивировку. Когда результат искусственного интеллекта повлиял на требование, ответ или акт реагирования, в служебных материалах необходимо сохранить сведения, достаточные для внутренней проверки и последующего судебного контроля.

И. А. Соколов указывает, что единые методические и организационные подходы к деятельности прокура-

туры в сфере искусственного интеллекта отсутствуют [7, с. 101–108]. Заменять их неформальными правилами отдельных работников нельзя. Требуется определить общие требования к разрешенным программам и видам обрабатываемых данных, проверке результатов, регистрации ошибок. Не менее важно установить порядок прекращения эксплуатации модели, если выявлены устойчивые отклонения.

У искусственного интеллекта нет правосубъектности. Дисциплинарную, административную или уголовную ответственность он нести не может, а значит, внедрение алгоритма не создает субъекта, которому можно передать последствия ошибочного акта. Отсюда исходное правило: за законность и обоснованность юридически значимого решения отвечает лицо, уполномоченное его принять и подписать. Использование программной рекомендации этого правила не меняет.

Из этого, впрочем, не следует, что все последствия возлагаются только на конкретного прокурорского работника. Ответственность необходимо разграничивать. За профессиональную проверку материалов, правовую оценку и итоговое волеизъявление отвечает прокурор. Организация работы, допуск разрешенных систем, обучение работников и контроль соблюдения регламента относятся к ответственности руководителя подразделения. Оператор информационной системы обеспечивает управление доступом, сохранность журналов, обновление системы и реагирование на инциденты. У разработчика или поставщика свои основания ответственности: несоответствие продукта техническим требованиям, скрытые дефекты, нарушение договорных обязательств. При этом ошибка разработчика не делает незаконный акт прокурора законным. Она может повлечь отдельное разбирательство и распределение имущественных последствий.

Установление ответственности не должно ограничиваться констатацией итоговой ошибки. Важно выяснить, была ли соблюдена обязательная процедура. Работник мог применить разрешенную систему, проверить первичные документы и все же не обнаружить скрытый технический дефект, невыявляемый при обычной профессиональной осмотрительности. Вопрос о его вине требует иной оценки, чем в случае непроверенного копирования ответа открытой нейросети. Вместе с тем высокая точность программы не оправдывает отказа от самостоятельного анализа. Применительно к уголовному судопроизводству способность отвечать за решение справедливо отнесена к качествам, недоступным искусственному интеллекту [14, с. 90–94].

Во внутреннем акте Генеральной прокуратуры Российской Федерации предлагается предусмотреть персональное подтверждение юридически значимого результата. До подписания документа работник удостоверяет проверку исходных сведений и применение разрешенной системы; подтверждает, что вывод сопоставлен с законом и материалами, альтернативные объяснения рассмотрены, а итоговая мотивировка сформулирована им самим. Для этого необязательно каждый раз составлять отдельную бумажную справку. Достаточно предусмотреть подтверждение в электронном маршруте документа.

Наряду с контролем нужен порядок сообщения об ошибках, не создающий страха необоснованного наказания за само их обнаружение. Иначе работники начнут скрывать неточные ответы, а оператор лишится сведений, необходимых для исправления системы. Добросовестное выявление технической ошибки следует отделять от нарушения порядка использования программы. Это позволяет повышать надежность системы, сохраняя персональную ответственность за сознательное игнорирование очевидного риска.

Первым шагом может стать специальный организационно-распорядительный акт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. В нем достаточно определить понятие алгоритмической рекомендации, разрешенные системы и категории допустимых данных, закрепить трехуровневую модель риска. Также необходимы порядок проверки и документирования, основания временного приостановления системы, правила аудита и распределение обязанностей. Генеративным моделям стоит посвятить отдельный раздел: их результатом служит создаваемый текст, а не только классификация заранее заданных показателей.

После накопления практики принципиальные пределы автоматизации могут получить закрепление в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации». На втором этапе оправдана норма, допускающая применение искусственного интеллекта исключительно для информационно-аналитического и организационного обеспечения. При реализации прокурорских полномочий решение принимает уполномоченный прокурор лично. Такая конструкция оставляет возможность развития технологии: она не привязана к перечню программ, который быстро устаревает. Неизменной остается граница между обработкой данных и властным решением.

Для систем высокого риска необходим регулярный независимый аудит. Проверять нужно точность на актуальных данных, устойчивость к неполным сведениям, частоту ложноположительных и ложноотрицательных результатов. Предмет проверки включает также защищенность, возможность восстановить логику рекомендации, влияние на различные категории лиц. Итоги нужны не одним техническим подразделениям: методические управления тоже должны их использовать, поскольку допустимость ошибки зависит от характера надзорной задачи. Если решение влечет серьезные последствия для прав граждан, существенным становится даже небольшой процент неточности.

Под цифровой компетентностью прокурорского работника следует понимать прежде всего способность видеть ограничения полученного результата, а не одно лишь умение составлять запрос нейросети. Подготовка кадров должна охватывать качество данных и типичные ошибки генеративных моделей, требования конфиденциальности, способы проверки ссылок. К этому добавляются основы

статистической интерпретации и правила фиксации использования системы. А. П. Спиридонов также связывает перспективы внедрения искусственного интеллекта с организационной и правовой подготовкой органов прокуратуры [8, с. 35–38].

Искусственный интеллект способен ускорить обработку обращений и документов, облегчить поиск взаимосвязей. Благодаря этому прокурор может уделить больше внимания содержательной оценке. Но повышение технологической эффективности не меняет правовую природу надзора: у алгоритма нет полномочия, независимости, внутреннего убеждения и способности отвечать за последствия. Его результат допустим как информационный ориентир, подлежащий проверке. Самостоятельным основанием юридически значимого решения он служить не может.

Трехуровневая модель соотносит глубину автоматизации с риском для прав граждан. Безопасный уровень допускает автоматизацию технических операций. На условно допустимом уровне аналитическая рекомендация требует обязательной проверки человеком; на недопустимом передача алгоритму окончательного властного выбора запрещена. Достоверность поддерживается контролем происхождения данных и проверкой первоисточников, фиксацией версии системы, документированием действий, регулярным аудитом.

За итоговый акт по-прежнему отвечает прокурор, реализующий полномочие. При этом организационная, техническая и договорная ответственность остальных участников разграничивается. Подобное распределение позволяет избежать и слепого доверия программе, и отказа от полезных цифровых инструментов. Предел их применения определяется главным требованием: машинный вывод не должен подменять личную, мотивированную и проверяемую деятельность прокурора.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 19.10.2026).
2. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I (ред. от 03.02.2025) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
3. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
4. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
5. Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 11 сентября 2025 г. № 621. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_514574/ (дата обращения: 19.10.2026).
6. Асташкина Е. Н., Курохтина Е. С. Сущность прокурорского надзора: теоретико-правовые аспекты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1 (132). С. 169–178. DOI: 10.24411/2227–7315–2020–1019.
7. Соколов И. А. Теоретические и практические аспекты участия прокурора в обеспечении информационной безопасности государства в сфере использования искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 6. С. 101–108. DOI: 10.17803/2311–5998.2024.118.6.101–108.
8. Спиридонов А. П. Искусственный интеллект в деятельности органов прокуратуры: перспективы внедрения и использования // Законность. 2024. № 8. С. 35–38.
9. Ступаченко Е. В. Искусственный интеллект: правовое регулирование и перспективы использования в прокурорской деятельности // Законность. 2025. № 9.
10. Симдяшкина С. А., Нугаева А. А., Жаркова И. А. Перспективы использования искусственного интеллекта в прокурорском надзоре за исполнением законов органами предварительного расследования // Социальные нормы и практики. 2025. № 2. С. 35–45. DOI: 10.24412/2713–1033–2025–2–35–45.
11. Левенчук М. Е. Использование искусственного интеллекта в деятельности прокуратуры Российской Федерации: некоторые вопросы практического применения и правового регулирования // Law Afterknown: право за гранью обыденного: материалы IV Международного молодежного юридического форума. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2025. С. 199–204.
12. Киселев А. С. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в сфере правовой аналитики и правотворческой деятельности // Lex Russica. 2025. Т. 78. № 6 (223). С. 127–143. DOI: 10.17803/1729–5920.2025.223.6.127–143.
13. ГОСТ Р 59276–2020. Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения. М.: Стандартинформ, 2021.
14. Антонченко В. В. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2026. Т. 21. № 7. С. 86–95. DOI: 10.17803/1994–1471.2026.188.7.086–095.

Психологическая служба уголовно-исполнительной системы, ее состояние и перспективы развития

Потемкина Евгения Сергеевна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова

Психологическая служба в уголовно-исполнительной системе (УИС) играет важную роль: она работает и с осуждёнными, помогая им исправиться и подготовиться к жизни на свободе, и с персоналом учреждений, поддерживая сотрудников в непростых условиях (Дебольский М. Г., 2019). В 2021 году Правительство РФ утвердило Концепцию развития УИС на период до 2030 года (распоряжение № 1138-р), в которой совершенствование психологической работы названо одним из приоритетных направлений. В 2025–2026 годах Минюстом России утверждены новые порядки оказания психологической помощи подозреваемым, обвиняемым и осуждённым (Приказ Минюста России от 12.12.2025 № 340; Приказ Минюста России от 21.01.2026 № 10), что стало важным шагом к унификации и стандартизации психологической работы.

Работа с осуждёнными, подозреваемыми и обвиняемыми включает в себя психологическую диагностику при поступлении в учреждение; выявление лиц, склонных к деструктивному поведению; психологическую помощь в адаптации (Пешков С., 2026). Право осуждённых на психологическую помощь закреплено в ч. 6 ст. 12 УИК РФ, однако детальных правил оказания такой помощи в пенитенциарной сфере долгое время не было. Особое внимание уделяется уязвимым категориям: несовершеннолетним, женщинам, лицам, осуждённым к пожизненному сроку, лицам с зависимостями и психическими отклонениями. Также предусмотрена работа с личным составом, что является неотъемлемой частью, особенно для новых сотрудников. По данным ФСИН России, в системе работают свыше 3,3 тыс. профессиональных психологов.

Проведя анализ научной литературы и практики, можно выделить несколько проблем, оказывающих негативное влияние на развитие службы. Например, остаётся нерешённым вопрос о закреплении психологической работы в качестве средства исправления осуждённых в УИК РФ (Дебольский М. Г., 2019). Не определены основные виды психологической работы на законодательном уровне, не закреплено, что активное участие осуждённых в психокоррекционных программах может и должно учитываться при решении вопроса об УДО, но исключительно в зависимости от тяжести совершённого преступления (Ивлиев П. В., Ананьев О. Г., 2024).

Необходимо больше сотрудников с квалификацией «Клиническая психология», так как многие осуждённые имеют различные психические отклонения, требующие именно данной квалификационной помощи (Земсков П. Ф., 2025). Около 30 % сотрудников психологической службы вообще не имеют базового психологического образования (Михайлов А. Н., Ушков Ф. И., 2017). Отсюда вытекает следующая проблема — недостаточное бюджетное финансирование, которое затрудняет привлечение высококвалифицированных специалистов и внедрение современных технологий.

Исходя из вышесказанного, можно выделить ряд перспективных предложений для совершенствования психологической составляющей сотрудников УИС. Например, дальнейшее развитие законодательства: законодательное закрепление участия осуждённых в психокоррекционных программах, развитие психотерапевтического (преимущественно клинического) направления с учётом высокой доли осуждённых с психическими отклонениями. Перспективным направлением является внедрение диагностических программ и формирование единого банка экспериментальных данных, позволяющего выделять ведущие криминогенные качества у осуждённых за различные виды преступлений и оказывать лечение (Михайлов А. Н., Ушков Ф. И., 2017). Важным направлением является также профилактика профессиональной деформации и эмоционального выгорания сотрудников психологической службы. Также необходимо рассмотреть возможность усиления межведомственного взаимодействия, а именно более тесного взаимодействия психологической службы УИС с медицинскими учреждениями, образовательными организациями, органами социальной защиты, общественными и религиозными объединениями.

Успешная реализация этих направлений будет способствовать снижению уровня рецидивной преступности, повышению эффективности уголовно-исполнительной системы в целом и обеспечению гуманного обращения с осуждёнными в соответствии с международными стандартами.

Литература:

1. Приказ ФСИН России от 13 июня 2023 г. № 382 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» (зарегистрирован в Минюсте России 13.07.2023 № 74247) // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» (с изм. от 27.05.2023 № 1374-р) // Официальный интернет-портал правовой информации.

3. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»» (с изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации.
4. Долинин А. Ю. Кадровый потенциал уголовно-исполнительной системы: оценка и развитие: монография. М.: Проспект, 2017. 248 с.
5. Основы профессиональной подготовки сотрудников УИС: учебно-методическое пособие / под общ. ред. А. А. Вотинова. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2019. 170 с.
6. Профессиональная подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы: учебное пособие / Мельникова Н. А. и др. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. 114 с.
7. Брыков Д. А. Совершенствование системы правового регулирования службы в уголовно-исполнительной системе // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 2. С. 152–159.
8. Брыков Д. А. Современное состояние кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2022. № 2. С. 188–196.
9. Долинин А. Ю. Проблемные аспекты в работе с кадровыми резервами учреждений и органов Федеральной службы исполнения наказаний и направления повышения её эффективности // Вестник Кузбасского института. 2024. № 1. С. 42–54.
10. Моторова Н. В. Стратегия подготовки кадров как элемент кадровой политики ФСИН России и задачи образовательных организаций по её реализации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 66–76.
11. Брыков Д. А. Организация работы с кадрами уголовно-исполнительной системы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 24 с.
12. Макаров Е. В. Социально-профессиональная подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы: дис. … канд. пед. наук. Оренбург, 2018. 204 с.
13. Научная электронная библиотека eLibrary.ru [Электронный ресурс].
14. Официальный сайт ФСИН России [Электронный ресурс].
15. Электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс].

Нарушение принципа состязательности в гражданском судопроизводстве: анализ правовых позиций Верховного Суда РФ

Пресняков Сергей Андреевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются правовые позиции Верховного Суда РФ по вопросам нарушения принципа состязательности в гражданском судопроизводстве. На основе материалов судебной практики выявляются и систематизируются типичные нарушения принципа состязательности.

Ключевые слова: *принцип состязательности, гражданский процесс, судебная практика, Верховный Суд РФ, процессуальные нарушения, оценка доказательств, состязательность сторон.*

Признавая состязательность одним из основополагающих начал гражданского процесса, нельзя не отметить, что ее значение выходит за рамки сугубо процедурных правил. Это подтверждается тем, что принцип закреплен не только в Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее — ГПК РФ) [1], но и в Конституции РФ [2]. Именно состязательность обеспечивает сторонам реальную возможность влиять на исход дела и позволяет суду вынести законное и обоснованное решение, основанное на всесторонне исследованных доказательствах. Суд, реализуя данный принцип, призван выстроить порядок разбирательства таким образом, чтобы каждая сторона могла в максимальной степени воспользоваться своими процессуальными правами и исполнить обязанности. Вместе с тем на практике состязательное начало нередко реализуется лишь частично.

В качестве первого примера рассмотрим Определение СК по гражданским делам Верховного суда РФ от 4 апреля 2022 г. № 56-КГ22–3-К9 [3]. Верховный Суд РФ рассмотрел кассационную жалобу ФКУ «Управление финансового обеспечения Минобороны РФ по Приморскому краю» по делу М. В. Черепанова — старшего механика спасательного буксирного судна войсковой части 20293. Истец требовал взыскать недоплаченную зарплату за 2020 год (работа днем, ночью, в выходные и праздничные дни), доплату к отпускным и компенсацию морального вреда.

Суд первой инстанции иск удовлетворил, взыскав 95 407,32 руб. оплаты труда, 5 808,01 руб. доплаты за отпуск и 2 000 руб. морального вреда. Апелляционный и кассационный суды оставили решение без изменения. Однако Верховный Суд РФ указал, что суд первой инстанции нарушил принцип состязательности, не создав условий для всестороннего исследования доказательств, и фактически не рассмотрел спор по существу.

Верховный Суд РФ отметил, что суд не выяснил, о каких именно «отклонениях» в работе истца идет речь (неоплата 59 часов дневной работы, надбавки за ночную работу и работу в выходные), не установил систему оплаты труда, режим рабочего времени, состав зарплаты и механизм расчета. Без этого ответчик не мог полноценно возражать, а суд принял расчет истца без проверки. Также ответчик представил письменные возражения по каждому требованию (о правовой природе доплаты за ночное время, отсутствии приказов о сверхурочной работе, дополнительном отпуске за ненормированный день), но суд их не оценил, указав, что доводы истца «никем не оспаривались», хотя это противоречило материалам дела. Суд не привел мотивов, почему принял позицию истца и отверг доводы ответчика, нарушив ст. 55, 56, 57, 67, 71 ГПК РФ. Важным нарушением стало непривлечение специалиста (бухгалтера) для проверки расчета зарплаты. Кроме того, ВС РФ отметил неверное определение состава лиц: работодатель (войсковая часть 20293) привлечен третьим лицом, а не соответчиком, что противоречит нормам Трудового кодекса РФ [4] о сторонах трудового договора. Суды апелляционной и кассационной инстанций нарушения не устранили: разбирательство в апелляции длилось 5 минут, что подтверждает отсутствие проверки доводов жалобы; кассационный суд также не дал им оценки. По мнению Верховного Суда РФ, совокупность этих нарушений привела к искажению сути правосудия и нарушению принципа состязательности. Верховный Суд РФ отменил все три судебных акта и направил дело на новое рассмотрение.

В качестве следующего примера рассмотрим Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31 марта 2020 г. № 67-КГ20–1 [5], по которому Верховный Суд РФ рассмотрел кассационную жалобу страховой компании «ГАИДЕ» на решение Кировского районного суда г. Новосибирска и апелляционное определение Новосибирского областного суда по делу о взыскании страхового возмещения в связи с ДТП. Истец Н. М. Криницын обратился в страховую компанию за выплатой после ДТП, но получил отказ со ссылкой на экспертное заключение, согласно которому повреждения его автомобиля не соответствуют обстоятельствам происшествия. Суд первой инстанции назначил комплексную трасологическую и автотовароведческую экспертизу, установившую стоимость восстановительного ремонта (с учетом износа) в размере 181 400 руб., и удовлетворил иск частично. Апелляция оставила решение без изменения.

Однако Верховный Суд РФ указал на существенные нарушения норм процессуального права, прежде всего принципа состязательности. Ответчик возражал против выводов судебной экспертизы, указывая на их вероятностный характер, отсутствие натурного сопоставления повреждений и нарушение экспертом Единой методики, и заявлял ходатайство о назначении дополнительной экспертизы, но суд необоснованно отказал, не дав оценки этим доводам. Также ответчик представлял консультационное заключение специалиста, ставившее под сомнение полноту судебной экспертизы, однако суд формально приобщил его к делу, но не оценил по правилам ст. 67 ГПК РФ и не указал, почему отвергает. Таким образом, суд фактически лишил ответчика возможности представить и исследовать доказательства в обоснование своей позиции, создав преимущество для истца. Апелляционная инстанция эти нарушения не исправила. Верховный Суд РФ подчеркнул, что «судом нарушены права ответчика, поскольку он фактически был лишен объективной оценки представленных доказательств в подтверждение того, что механические повреждения указанного автомобиля не относятся к имевшему место 23 марта 2018 года дорожно-транспортному происшествию, что привело к нарушению принципа состязательности и равноправия сторон (статья 12 ГПК РФ)». Верховный Суд РФ отменил оба судебных акта и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Рассматривая типичные нарушения принципа состязательности в судебной практике, стоит также отметить Определение СК по гражданским делам ВС РФ от 16 марта 2020 г. № 5-КГ19–251 [6]. Верховный Суд РФ пересмотрел дело по иску Управления социальной защиты населения ЮВАО г. Москвы к Н. И. Жернаковой о взыскании незаконно полученной региональной социальной доплаты к пенсии (454 649,77 руб. за 2010–2016 гг.). Суд первой инстанции удовлетворил иск в полном объеме, апелляция оставила решение без изменения. Верховный Суд РФ отменил оба судебных акта и направил дело на новое рассмотрение, указав на существенное нарушение норм процессуального права, приведшее к нарушению принципа состязательности.

Нарушение выразилось в том, что суд первой инстанции рассмотрел дело в отсутствие ответчика Н. И. Жернаковой, не известив ее надлежащим образом о времени и месте судебных заседаний. В материалах дела отсутствовали доказательства направления судебных извещений, суд не выяснил причины неявки и не разрешил вопрос о признании их неуважительными. В результате ответчик была лишена возможности реализовать свои процессуальные права: представлять возражения, заявлять ходатайства (в том числе о пропуске истцом срока исковой давности), участвовать в исследовании доказательств. Тем самым были нарушены гарантии ст. 12 ГПК РФ и ст. 123 Конституции РФ. Апелляционная инстанция эти нарушения не устранила: доводы жалобы о ненадлежащем извещении не проверила и не рассмотрела дело по правилам производства в суде первой инстанции, как требует ч. 5 ст. 330 ГПК РФ. Верховный Суд РФ отметил, что «указанные обстоятельства свидетельствуют о существенном нарушении судом первой инстанции норм процессуального права (статьи 155, 157, 167 ГПК РФ) и дают

основания для вывода о том, что суд первой инстанции вопреки требованиям Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации рассмотрел дело по иску Управления социальной защиты населения Юго-Восточного административного округа г. Москвы к Жернаковой Н. И. о взыскании незаконно полученной доплаты к пенсии в отсутствие ответчика Жернаковой Н. И., не извещенной надлежащим образом судом о времени и месте судебного заседания, что сделало невозможным реализацию Жернаковой Н. И. ее процессуальных прав и привело к нарушению принципов состязательности и равноправия сторон. Допущенные судом первой инстанции существенные нарушения норм процессуального права не были устранены судом апелляционной инстанции при рассмотрении апелляционной жалобы представителя Жернаковой Н. И. — Горчакова В. М. на решение суда первой инстанции. Рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания в соответствии с пунктом 2 части 4 статьи 330 ГПК РФ, является безусловным основанием для отмены решения суда первой инстанции».

В заключение проведем анализ Определения СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 марта 2023 г. № 22-КГ23–1-К5 [7], по которому Верховный Суд РФ пересмотрел дело по иску А. О. Ногаева к САО «ВСК» о взыскании страхового возмещения. Истец полагал, что ответчиком не выплачено страховое возмещение в связи с наступившим страховым случаем. Решением Советского районного суда г. Владикавказа от 12 августа 2021 г. исковые требования были удовлетворены частично. Однако апелляционным определением, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции, решение суда первой инстанции было отменено, а по делу постановлено новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Суд первой инстанции удовлетворил иск частично, опираясь на судебную экспертизу ООО «Профэксперт», которая установила, что часть повреждений автомобиля истца могла быть получена при заявленном ДТП, и определила стоимость ремонта. Апелляционный суд отменил это решение и отказал в иске, положив в основу заключение экспертизы, проведенной по поручению финансового уполномоченного (внесудебной), согласно которому повреждения не соответствуют обстоятельствам ДТП, а кассационный суд согласился с апелляцией. Однако Верховный Суд РФ отменил оба акта и направил дело на новое апелляционное рассмотрение, указав на существенные нарушения норм процессуального права, в том числе принципа состязательности.

Верховный Суд РФ прямо указал, что судебный акт апелляционной инстанции не мотивирован, в нем приведены только возражения ответчика, что нарушает принцип состязательности. Суд апелляционной инстанции, отменяя решение, «произвел оценку представленных по делу доказательств», однако по сути ограничился формальным согласием с доказательствами, представленными ответчиком (заключением экспертизы финансового уполномоченного), и их цитированием. При этом он не дал оценки всем собранным по делу доказательствам в их совокупности, как требует ст. 67 ГПК РФ. Верховный Суд РФ подчеркнул: «формальное согласие с представленными одной из сторон доказательствами и их цитирование, а также цитирование установленных нижестоящим судом обстоятельств надлежащей оценкой доказательств в силу ст. 67 ГПК РФ не является». Такое избирательное отношение к доказательствам одной стороны в ущерб другой и есть нарушение состязательности, предполагающей равное отношение суда ко всем представленным доказательствам.

Кроме того, в деле имелись письменные доказательства с прямо противоположными выводами: судебная экспертиза, назначенная судом первой инстанции, и внесудебные заключения, предоставленные по поручению финансового уполномоченного. Суд апелляционной инстанции, отдавая предпочтение последним, не устранил эти противоречия и не мотивировал, почему отвергает выводы судебной экспертизы. Верховный Суд РФ подчеркнул, что апелляция не дала оценки достаточности имеющихся в материалах дела доказательств, принятых судом первой инстанции, не оценила их в совокупности и не устранила содержащиеся в них противоречия. Это нарушает состязательность, поскольку суд обязан создать условия для всестороннего исследования доказательств, а не игнорировать доказательства, представленные истцом.

Также апелляционный суд указал, что для назначения судебной экспертизы истцу надлежало представить доказательства того, что при проведении экспертизы финансового уполномоченного имели место нарушения. Верховный Суд РФ с этим не согласился, отметив: «оценка доказательств является прерогативой суда, а не сторон. При этом обязанность доказывания стороной по делу несоответствия того или иного доказательства законом не предусмотрена». Возложение на сторону обязанности доказывать несоответствие доказательства закону противоречит принципу состязательности, так как оценка доказательств — исключительная функция суда.

Важно отметить, что апелляция не выполнила требования ст. 67, ч. 3 ст. 86 ГПК РФ: заключение эксперта не имеет для суда заранее установленной силы и должно оцениваться в совокупности с другими доказательствами; несогласие суда с заключением должно быть мотивировано. В данном случае суд апелляционной инстанции не мотивировал, почему отвергает выводы судебной экспертизы, проведенной по назначению суда первой инстанции, и принимает внесудебные заключения. Это также свидетельствует о нарушении состязательности, поскольку суд фактически встал на сторону ответчика, не обосновав свою позицию.

Верховный Суд РФ отметил, что апелляционная инстанция, отменяя решение, «сам мер к установлению или опровержению факта наступления страхового случая не предпринял». Это привело к тому, что значимое обстоятельство для разрешения спора не было установлено

надлежащим образом на основании оценки всех доказательств. Бездействие суда в установлении обстоятельств, когда стороны представили противоречивые доказательства, нарушает состязательность, так как суд не создал условий для полного и всестороннего исследования.

Таким образом, Верховный Суд РФ признал, что суд апелляционной инстанции фактически проигнорировал доказательства, представленные истцом, и немотивированно отдал предпочтение доказательствам ответчика, что противоречит принципу состязательности сторон.

Анализ рассмотренной судебной практики по вопросам нарушения принципа состязательности в судебном процессе позволяет выделить следующие ошибки: процессуальная пассивность суда при сборе и исследовании доказательств; необоснованное отклонение ходатайств и игнорирование возражений стороны; формальная оценка доказательств и немотивированное предпочтение одной стороне;. ненадлежащее извещение и рассмотрение дела в отсутствие стороны;. неверное определение состава лиц, участвующих в деле;. формализм апелляционной и кассационной инстанций.

Преодоление указанных нарушений требует не только совершенствования процессуального законодательства, но и повышения качества судебной работы: строгого соблюдения требований ст. 67 ГПК РФ о мотивированности оценки доказательств, внимательного отношения к ходатайствам и возражениям сторон, а также реального, а не формального выполнения апелляционной и кассационной инстанциями своих обязанностей по проверке законности и обоснованности судебных актов.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532; 2026. — № 32. — Ст. 4530.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г.
3. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 апреля 2022 г. № 56-КГ22–3-К9. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения 13.11.2026).
4. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // Собрании законодательства РФ. 2002. — № 1 (часть I). — Ст. 3; 2026. — № 30. — Ст. 4092.
5. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31 марта 2020 г. № 67-КГ20–1. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения 13.11.2026).
6. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 5-КГ19–251. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения 13.11.2026).
7. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 марта 2023 г. № 22-КГ23–1-К5 URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения 13.11.2026).

Конституционные основы принципа состязательности в гражданском процессе Российской Федерации

Пресняков Сергей Андреевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена анализу конституционных основ принципа состязательности в гражданском процессе Российской Федерации. Рассматриваются положения Конституции РФ, закрепляющие состязательность и равноправие сторон, независимость судей, право на судебную защиту и другие гарантии. Обосновывается вывод о системном характере конституционных принципов, обеспечивающих реализацию состязательного начала в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: *принцип состязательности, гражданский процесс, конституционные основы, независимость судей, равноправие сторон.*

Принцип состязательности является одним из основополагающих в системе гражданского процессуального права и определяет порядок рассмотрения и разрешения гражданских дел. Вместе с тем нельзя забывать, что важнейшей особенностью регулирования правовых отношений является четкая регламентация правового закреп-

ления принципов в той или иной отрасли права [1, с. 105]. Следовательно, прямое регулирование исследуемого принципа относится к важной составляющей конституционно-правового регулирования. Поэтому в первую очередь при изучении принципа состязательности стоит отталкиваться от его конституционного закрепления.

Часть 3 ст. 123 Конституции РФ выступает нормативной основой принципа состязательности и провозглашает, что «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» [2]. Наличие данного принципа на конституционном уровне говорит о том, что государственная политика регулирует общественные отношения граждан и организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления и должностных лиц в условиях взаимодействия состязательности и равноправия сторон в различных отраслевых видах судопроизводства, включая гражданское. Конституционное закрепление придает принципу состязательности универсальный характер и обязывает все ветви власти и участников процесса соблюдать его положения.

Помимо ст. 123 Конституции РФ, которая прямо закрепляет принцип состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве, к этому принципу косвенно относятся и другие нормы Конституции РФ, формирующие общую систему принципов правосудия и влияющие на его реализацию в гражданском процессе. Подчеркнем в данном случае мнение М. А. Алиэскерова, согласно которому «положения ст. 123 Конституции РФ об осуществлении правосудия на основе состязательности и равноправия сторон не могут реализовываться в отрыве от положений статей 1 и 7 Конституции Российской Федерации как правовом социальном государстве. Это предполагает построение социально-ориентированного состязательного гражданского процесса и осуществление судом функций необходимого содействия лицам, участвующим в деле, в реализации процессуальных прав и исполнении процессуальных обязанностей» [3, с. 12].

Стоит указать также и ст. 118 Конституции РФ, в ч. 1 которой закреплено, что «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом», а ч. 2 определяет, что «судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства». Данные конституционные положения определяют исключительное право суда на осуществление правосудия и подчеркивают, что судопроизводство (включая гражданское) является процессуальной формой реализации судебной власти. Как следствие, положения ст. 118 Конституции РФ прямо создают базу для фактического применения принципа состязательности в рамках гражданского процесса.

Говоря о том, как состязательные начала закреплены в Основном законе нашего государства применительно к современному российскому гражданскому процессу, стоит выделить ч. 1 ст. 120 Конституции РФ: «судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону». Это положение часто воспринимают как общую гарантию правосудия, но для состязательности оно имеет вполне конкретное значение. Состязательность предполагает, что стороны спорят, каждая представляет свою позицию, а рассудить их может только тот, кто не связан ни ведомственными, ни политическими, ни иными посторонними интересами.

Здесь уместно привести мнение И. С. Аверьяновой: «в ходе гражданского разбирательства судьи занимают ключевое место в обеспечении справедливости и соблюдении правовых норм. Их независимость является критически важным элементом для создания объективной и беспристрастной судебной системы» [4, с. 45]. Позиция представляется весьма точной. Это связано с тем, что независимость нужна суду не сама по себе — она позволяет ему оставаться арбитром, не подменять ни истца, ни ответчика и решать дело, опираясь только на доказательства и закон. При этом гарантии в данном случае не сводятся к ч. 1 ст. 120 Конституции РФ, они определены также по иным конституционным положениям — ст. 118, 121–122 Конституции РФ, а также закреплены в Федеральном конституционном законе РФ «О судебной системе Российской Федерации» [5] и Законе РФ «О статусе судей» [6].

Таким образом, ч. 1 ст. 120 Конституции РФ — необходимое конституционное положение, определяющее беспристрастное и справедливое разрешение спора, и с принципом состязательности оно связано напрямую. Если суд не будет независим, он не сможет объективно оценивать аргументы сторон и обеспечивать равные возможности для отстаивания их позиций.

В дополнение к вышеизложенным положениям Конституции РФ нельзя не обратиться к ч. 1 ст. 46, которая гарантирует право на судебную защиту — «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод». В системной взаимосвязи с ч. 1 ст. 19, ч. 1 ст. 47 и ч. 3 ст. 23 Конституции РФ это право означает нечто большее, чем просто возможность обратиться в органы судебной власти: оно охватывает и реальное восстановление нарушенных прав и свобод. А такое восстановление возможно лишь тогда, когда процесс построен на началах состязательности и равноправия сторон — иначе сама защита рискует остаться декларацией.

В свою очередь, ч. 1 ст. 19 Конституции РФ закрепляет равенство всех перед законом и судом. Этот принцип тесно связан с равноправием сторон в судопроизводстве, которое является неотъемлемой частью принципа состязательности. Равенство перед законом и судом обеспечивает одинаковые процессуальные возможности для всех участников гражданского процесса. При этом важно понимать, что равноправие не означает фактического равенства возможностей, так как у истца и ответчика они объективно различны в силу их процессуального положения. Следовательно, данное конституционное положение прямо определяет равенство правовых средств в российском гражданском процессе: каждый вправе представлять доказательства, заявлять ходатайства, давать объяснения, обжаловать судебные акты и др. Именно это процессу-

альное равенство и делает состязательность содержательной, а не формальной.

В заключение анализа принципа состязательности сторон через призму конституционных положений нельзя не сказать и о ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, согласно которой «никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом». Данное положение исключает произвольное изменение подсудности и тем самым обеспечивает сторонам возможность отстаивать свою позицию в заранее определенном, независимом и компетентном органе.

Наконец, ч. 2 ст. 23 Конституции РФ закрепляет ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений только на основании судебного решения, что также определяет состязательные начала — она предполагает судебный контроль, осуществляемый в условиях состязательного производства, где заинтересованное лицо вправе представить свои возражения.

Таким образом, конституционные положения в совокупности создают конституционную основу для принципа состязательности в гражданском процессе. Они определяют роль суда, гарантируют независимость судей, обеспечивают равенство сторон и право на судебную защиту, что необходимо для реализации состязательного принципа. Конституционный Суд РФ в своих определениях также неоднократно подчеркивал взаимосвязь этих положений и их влияние на процессуальное законодательство (например, Определение Конституционного Суда РФ от 30 марта 2023 г. № 585-О [7], Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. № 2206-О [8]). Однако, признавая значимость состязательности в системе принципов осуществления правосудия, нельзя упускать из виду их системный характер: ни один из конституционных принципов не может рассматриваться в качестве главенствующего, поскольку реализация каждого из них возможна лишь в рамках единой системы принципов. Как показывает анализ, действие одного принципа обеспечивает и подкрепляет действие другого, и лишь в своей совокупности они создают условия для осуществления правосудия и защиты прав и законных интересов всех лиц, обращающихся в суд за разрешением спорного правоотношения.

Литература:

1. Меграбян, К. А. Нормативно-правовое закрепление принципа равноправия и состязательности сторон в гражданском судопроизводстве / К. А. Меграбян // Научные исследования 2024. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2024. — С. 105–107.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г.
3. Алиэскеров, М. А. Состязательность гражданского процесса: публично-правовые и частноправовые начала / М. А. Алиэскеров // Тенденции частноправового и публично-правового взаимодействия. — Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. — С. 10–16.
4. Аверьянова, И. С. Роль судей в гражданском процессе: независимость и ответственность / И. С. Аверьянова // Цивилистика: право и процесс. — 2025. — № 1(29). — С. 44–46.
5. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 04.08.2026) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 1. — Ст. 1; 2026. — № 32. — Ст. 4473.
6. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132–1 (ред. от 09.04.2026) «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. — 1992; Собрание законодательства РФ. — 2026. — № 15. — Ст. 1854.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 30 марта 2023 г. № 585-О. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения 13.11.2026).
8. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. № 2206-О. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения 13.11.2026).

Об ответственности публично-правовых образований как контролирующих лиц

Пушняков Дмитрий Викторович, студент магистратуры
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье автор анализирует двойственную природу публично-правовых образований, которые одновременно выступают равноправными участниками гражданских правоотношений и носителями публичной власти, что предопределяет особый режим их имущественной ответственности.

Ключевые слова: *публично-правовое образование, контролирующее должника лицо, субсидиарная ответственность, корпоративная ответственность, бюджетный иммунитет, публичный договор.*

Специфика корпоративной ответственности публично-правовых образований (Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований) как контролирующих лиц обусловлена двойственной природой этих субъектов. С одной стороны, они являются равноправными участниками гражданских правоотношений (ст. 124 ГК РФ [2]), с другой — носителями публичной власти, что отражается на режиме их имущественной ответственности. О. В. Гутников отмечает, что публично-правовые образования, выступая участниками корпоративных правоотношений, реализуют не собственную волю, а заведомо определенное указание, формируемое в рамках публично-правовых процедур, что придает таким отношениям качественное своеобразие [15, с. 187]. С. В. Петухов, напротив, указывает, что государство обладает специальной правоспособностью, ограниченной целевым характером государственной деятельности и лишенной частного интереса, что отличает его от обычных участников корпоративных отношений [17, с. 130].

Двойственная природа публично-правовых образований проявляется в том, что, обладая властными полномочиями, они должны соблюдать равенство в отношениях с другими субъектами права и действовать в пределах, установленных законом. Данный дуализм, по мнению А. А. Тарасенко, предопределяет существование особого режима ответственности, который не сводится ни к частноправовой модели (где ответственность определяется виной и причинной связью), ни к публично-правовой модели (где ответственность носит политический характер) [19, с. 87]. В. Г. Голубцов обоснованно указывает, что «корпоративные правоотношения с участием публично-правовых образований являются составной частью целевой правоспособности публично-правовых образований, преследующих цель реализации функций управления делами общества в целом» [13, с. 48].

В теории дискуссионным является вопрос о возможности квалификации отношений между публично-правовым образованием и созданным им унитарным юридическим лицом (предприятием, учреждением) как корпоративных. Традиционно исследователи опираются на положения п. 1 ст. 2, п. 3 ст. 48 ГК РФ [2], отмечая, что корпоративные отношения возникают лишь в корпоративных организациях, основанных на членстве (участии). Создаваемые публично-правовыми образованиями унитарные предприятия и учреждения не предусматривают отношений членства и, следовательно, не могут быть субъектами корпоративных правоотношений. А. Ю. Симоненко подчеркивает, что «использование корпоративно-правовой терминологии в отношениях с участием государственных юридических лиц имеет сугубо условный характер» [18, с. 58]. Вместе с тем О. В. Гутников обосновал, что отождествление корпоративных отношений с отношениями участия (членства) ошибочно: членство не является признаком корпоративных отношений, а имеет место во многих гражданско-правовых отношениях с множеством лиц. Корпоративными следует признавать отношения, связанные с управлением любым юридическим лицом, а правомочия собственника в отношении имущества, находящегося в хозяйственном ведении или оперативном управлении, по своей сути являются правомочиями субъекта корпоративного управления [15, с. 194]. М. В. Лицкас также отмечает, что отношения, возникающие между публичным образованием как собственником и учрежденным им юридическим лицом, по своей природе являются гражданско-правовыми корпоративными отношениями [16, с. 9].

Рассматриваемая дискуссия имеет прикладное значение. Признание корпоративной природы отношений между публично-правовым образованием и созданным им юридическим лицом означает, что к этим отношениям применима конструкция ответственности контролирующего лица, аналогичная той, которая действует в отношении участников корпоративных организаций (ст. 53.1 ГК РФ [2]).

Общее правило, закрепленное в п. 3 ст. 126 ГК РФ [2], устанавливает, что публично-правовые образования не отвечают по обязательствам созданных ими юридических лиц, а последние не отвечают по обязательствам публично-правового образования. Однако из этого правила закон предусматривает ряд существенных исключений, формирующих специальный режим субсидиарной ответственности публичного собственника имущества. И. И. Шагов обоснованно отмечает, что в законодательстве отсутствуют общие положения о привлечении публичных образований к субсидиарной ответственности по обязательствам созданных ими юридических лиц; нормы, определяющие основания, условия и границы такой ответственности, зависят от организационно-правовой формы

созданной организации, что свидетельствует о фрагментарности и недостаточной систематизированности регулирования [20, с. 45].

Правовая природа субсидиарной ответственности публично-правовых образований характеризуется рядом особенностей по сравнению с общим порядком, закрепленным в ст. 399 ГК РФ [2]. Также следует указать на действие принципа бюджетного иммунитета (ст. 239 БК РФ [1]), согласно которому обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы РФ допускается только на основании судебного акта, что создает диспаритет между кредиторами государственных и негосударственных организаций.

Исходя из п. 3 ст. 126 ГК РФ [2], можно выделить следующие исключения из общего правила:

1. Для унитарных предприятий субсидиарная ответственность собственника наступает, если несостоятельность (банкротство) предприятия обусловлена действиями собственника (п. 2 ст. 7 Закона о государственных и муниципальных унитарных предприятиях от 14.11.2002 № 161-ФЗ [3]). Единственным основанием для ответственности публичного образования в данной ситуации является наличие причинно-следственной связи между несостоятельностью (банкротством) унитарного предприятия и действиями (бездействием) собственника его имущества [19, с. 48].

2. Для казенных предприятий и казенных учреждений субсидиарная ответственность собственника возникает при недостаточности имущества (казенные предприятия) или денежных средств (казенные учреждения), причем наличие или отсутствие вины собственника значения не имеет.

3. Для бюджетных и автономных учреждений субсидиарная ответственность собственника по обязательствам, связанным с причинением вреда гражданам, возникает при недостаточности имущества учреждения, на которое может быть обращено взыскание (абз. 2 п. 5 и абз. 2 п. 6 ст. 123.22 ГК РФ [2]). Законодатель существенно ограничивает возможность защиты прав кредиторов даже в ситуации, когда осуществление вещных и иных прав собственником нарушает права кредиторов, что вызывает обоснованную критику в доктрине.

В. Г. Голубцов отмечает, что подход, при котором публичный собственник несет субсидиарную ответственность лишь по обязательствам казенных учреждений и казенных предприятий, представляет собой частный случай создания государством необоснованных преференций для себя как собственника, тогда как унитарные предприятия не обладают достаточной степенью институциональной и оперативной независимости для полного исключения ответственности учредителя [14, с. 75].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о применимости категории «контролирующее должника лицо» (КДЛ), закрепленной в гл. III.2 Закона о банкротстве [4], к публично-правовым образованиям. Действующее законодательство содержит прямое указание на исключение публично-правовых образований из перечня лиц, подлежащих отнесению к аффилированным лицам хозяйственных обществ, акционером (участником) которых они являются (абз. 7 п. 1 ст. 81 Закона об АО [5]; абз. 7 п. 1 ст. 45 Закона об ООО [6]). В п. 13 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц от 29.01.2020 [16], указано на наличие иной причины действий публично-правового образования, не характерных для обычного контролирующего лица.

Следовательно, публично-правовое образование может выступать контролирующим лицом, «хотя и не совсем обычным». В. Г. Голубцов предлагает более радикальный подход, обосновывая необходимость унификации подхода к субсидиарной ответственности публично-правовых образований по долгам подведомственных им бюджетных и автономных учреждений, закрепив ее законодательно [14, с. 75]. Противоположную позицию занимает О. В. Гутников, указывавший на сохранение «иммунитета» от обращения взыскания в большинстве случаев, даже несмотря на отдельные прогрессивные решения судов. Данная позиция основана на том, что бюджетный иммунитет и особый правовой статус публичной собственности создают систему исключений, которые фактически блокируют реализацию субсидиарной ответственности [15, с. 194].

Таким образом, складывается дуалистический подход: публично-правовое образование, выступающее собственником имущества унитарного предприятия или учреждения, может быть привлечено к субсидиарной ответственности по обязательствам подконтрольного лица, тогда как публично-правовое образование, являющееся акционером (участником) хозяйственного общества, по общему правилу не признается контролирующим должника лицом в смысле гл. III.2 Закона о банкротстве.

Важный шаг в урегулировании рассматриваемого вопроса был сделан в результате принятия постановления Конституционного Суда РФ от 12.05.2020 № 23-П [7], которым п. 5 ст. 123.22 ГК РФ был признан не соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой он исключал возможность привлечения к субсидиарной ответственности собственника имущества (учредителя) ликвидированного муниципального бюджетного учреждения по обязательствам, вытекающим из публичного договора (включая договор теплоснабжения). КС РФ указал, что в ситуации, когда вступление кредитора в договорные отношения с учреждением предопределено нормативными установлениями (публичный договор энергоснабжения, заключаемый гарантирующим поставщиком в силу ст. 426 ГК РФ [2]), кредитор не может нести риск неудовлетворения своих имущественных требований, а отсутствие возможности возложить субсидиарную ответственность на собственника имущества учреждения нарушает баланс прав и законных интересов сторон.

Данная правовая позиция была распространена Верховным Судом РФ на автономные учреждения. В Определении СКЭС ВС РФ от 17.06.2022 № 307-ЭС21–23552 по делу № А56–3762/2020 [10] суд отменил акты апелля-

ционной и кассационной инстанций, отказавших во взыскании задолженности по публичному договору энергоснабжения с собственника имущества автономного учреждения (МЧС России), и оставил в силе решение суда первой инстанции. ВС РФ указал, что правовая позиция КС РФ, сформулированная для бюджетных учреждений, в равной степени распространяется на автономные учреждения, правовой статус и правовой режим имущества которых во многом тождественны. Данная позиция была закреплена в п. 18 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 за 2022 год [11].

В дальнейшем ВС РФ последовательно расширял сферу применения субсидиарной ответственности собственника имущества учреждения, не ограничивая ее случаями ликвидации учреждения. В Определении от 10.08.2023 № 305-ЭС23–6327 по делу № А41–47568/2022 [8] Верховный Суд прямо указал, что «нарушение баланса прав и законных интересов возникает не в связи с ликвидацией учреждения как таковой, а в силу обязанности кредитора бюджетного (автономного) учреждения вступить в правоотношения по поставке ресурса с лицом, исполнение которым встречной обязанности не обеспечено эффективным инструментарием защиты прав поставщика, в том числе возможностью взыскания задолженности с собственника имущества учреждения». Аналогичная позиция была отражена в Определении ВС РФ от 06.02.2023 № 309-ЭС22–18499 по делу № А07–25982/2020 [9].

Постановление Пленума ВС РФ от 23.12.2025 № 41 «Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника» [12] систематизировало практику субординации требований и уточнило понятие контролирующего должника лица, включив в него лиц, обладающих бенефициарным интересом — возможностью контролировать использование вложенных средств и получать прибыль, размер которой заранее не определен и потенциально не ограничен (п. 3). Применительно к публично-правовым образованиям данное разъяснение фактически означает, что отсутствие бенефициарного (частноправового) интереса исключает квалификацию публичного собственника как контролирующего должника лица.

М. В. Лицкас отмечает, что «даже в отсутствие тождественности статуса подход к субсидиарной ответственности публично-правового образования должен быть во всех случаях один — ответственность должна наступать», поскольку в экономических отношениях публично-правовое образование — «точно такой же субъект права, как и любые иные, и использование административно-властных функций в попытке избежать субсидиарной ответственности должно пресекаться» [16, с. 12].

Таким образом, признание отношений между публично-правовым образованием и созданным им унитарным юридическим лицом в качестве корпоративных позволяет применить положения об установлении ответственности контролирующего лица, а следовательно, порождает основания для применения субсидиарной ответственности к публично-правовому образованию как собственнику имущества создаваемого юридического лица.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
5. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
6. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.2020 № 23-П // СЗ РФ. 2020. № 20. Ст. 3220.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.08.2023 № 305-ЭС23–6327 по делу № А41–47568/2022 // КонсультантПлюс.
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.02.2023 № 309-ЭС22–18499 по делу № А07–25982/2020 // КонсультантПлюс.
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.06.2022 № 307-ЭС21–23552 по делу № А56–3762/2020 // КонсультантПлюс.
11. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2022) (утв. Президиумом ВС РФ 21.12.2022) // КонсультантПлюс.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41 «Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника» // КонсультантПлюс.
13. Голубцов В. Г. Особенности субсидиарной ответственности публично-правовых образований по обязательствам созданных ими учреждений: процессуальный аспект // Ex jure. 2020. № 4. С. 48.
14. Голубцов В. Г. Субсидиарная ответственность ведомства по обязательствам федеральных казенных учреждений // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 3. С. 75.

15. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: Юридическая фирма Контракт, 2019. С. 187, 194.
16. Лицкас М. В. О возможности признания публично-правовых образований и лиц, выступающих по их специальному поручению, контролирующими должника и привлечении их к субсидиарной ответственности // Хозяйство и право. 2024. № 10. С. 9, 12.
17. Петухов С. В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц: дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. С. 130.
18. Симоненко А. Ю. Ответственность публично-правовых образований по обязательствам созданных ими юридических лиц // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 7. С. 58.
19. Тарасенко А. А. Ответственность в правоотношениях несостоятельности (банкротства): понятие и механизм правового регулирования: дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. С. 87.
20. Шагов И. И. Направления совершенствования правового статуса представителей государства в органах управления хозяйственных обществ // Государственно-правовые исследования. 2025. Вып. 2. С. 45.

9

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 46 (649) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета М. В. Голубцов

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 25.11.2026. Дата выхода в свет: 02.12.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.